

история / география / этнография

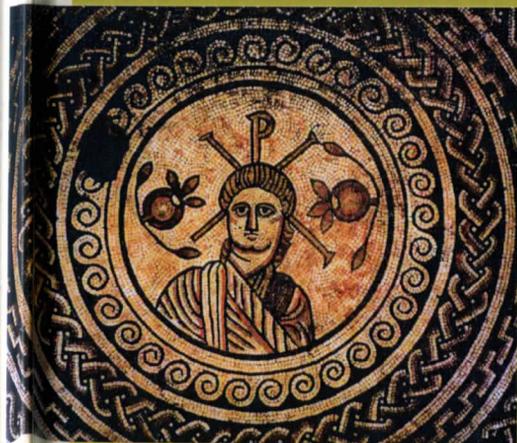
Владимир Соколов

З
анимательная
история
Древней Церкви
От гонений к триумфу

Занимательная история
Древней Церкви

Владимир Соколов

Ломоносовъ
издательство

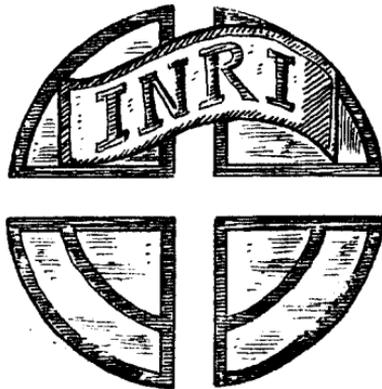

Владимир Соколов

Занимательная
история
Древней Церкви

От гонений к триумфу

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2018

УДК 27
ББК 63.3(0)32
С59

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибилевой

Scan by Greego

ISBN 978-5-91678-431-2

© Владимир Соколов, 2016

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2018

Только одной истине
должен приносить жертву тот,
кто намерен писать историю.

Епископ Лукиан

Предисловие

Теодор Моммзен как-то сказал, что история человечества похожа на роман, написанный самим Творцом. Понятно, что такая метафора слишком однобока, но если смотреть на всемирную историю как на книгу, то церковная летопись окажется одной из самых интересных глав. Будь ты верующий или атеист, мусульманин или иудей, буддист или приверженец Конфуция — хроника этих драматических событий поневоле увлечет каждого, кто любит заглядывать в прошлое в поисках вечных истин или просто занимательных сюжетов. В самом деле, трудно найти другой исторический материал, в котором красота слога так удачно сочетается с живостью повествования, а достоверность факта — с философской глубиной. Жизнь отдельных личностей и целых эпох представлена здесь во всей своей сложности и полноте и со всеми крайностями и парадоксами человеческой природы. Если продолжить сравнение с книгой, цер-

ковная история больше всего похожа на универсальную энциклопедию веков, где духовные прозрения идут рука об руку с мелочами быта, нравственные подвиги соседствуют с фанатичным изуверством, а жестокие войны — с диспутами мудрецов.

Церковь существует уже 2000 лет. За прошедшие столетия фундамент этой древней постройки не раз давал трещины и подвергался потрясениям и ударам, способным сокрушить любое здание. Несмотря на это, Церковь и сегодня по-прежнему уверенно стоит на месте, а ее проповедь спустя два тысячелетия для многих звучит столь же ново и свежо, как и в первые годы христианства. В каждом поколении она находит себе все новых приверженцев, независимо от их национальности, темперамента, возраста, образования и рода занятий. Как бы мы ни относились к Церкви, нельзя не признать, что в ее лице мы имеем дело с сильным и жизнеспособным организмом, занимающим свое авторитетное место в обществе и прямо или косвенно влияющим на взгляды и поступки наших современников. Не будет преувеличением сказать, что, познавая историю Церкви, мы тем самым познаем самих себя.

Что такое Церковь? По-гречески церковь называется «эκκλησία» (ἐκκλησία) — так еще во времена афинского правителя Солона называли общее собрание граждан, которое созывали для решения самых важных и неотложных дел. Русская «церковь» — в древности говорили «црькы» — происходит от другого греческого слова — «ἱερακοῦν», буквально «Божий дом». Говоря современным языком, это сообщество людей, действующих ради общей цели (сейчас бы такой союз назвали партией). Первая Церковь была очень проста, во главе ее стояла небольшая группа проповедников и старейшин, которые отличались от своей паствы только личным авторитетом. Но со временем Церковь расширялась и росла: менялся ее строй, усложнялась иерархия, простая вера обрастала сложными догматами. Скромные «вечери любви» превратились в пышные и торжественные церемонии, где каждое слово и действие были продуманы до мелочей. Постепенно Церковь вошла в плоть и кровь государства, вытеснив прежние религии и превратившись в важный, а порой и ключевой элемент европейской истории. Начиная с IV века церковные события так тесно переплетаются с мирскими, что одно уже трудно отделить от другого. Государственная политика, дворцовые перевороты,

любовные интриги императоров, нашествия варваров, вселенские соборы, гражданские войны и бунты, крестьянские подати, выборы патриархов, творения искусства — все это неразрывно связано друг с другом и течет одним потоком бурной полнокровной жизни.

Но у церковной истории есть одно свойство, которое отличает ее от любой другой. По учению христиан Церковь — не просто организация или союз, а таинственный организм, где земное сочетается с небесным. Церковная история — это колосс, ноги которого стоят в земле и грязи, а голова уходит в облака. Тем, кто верит в этот постулат, нет ничего интересней и поучительней, чем следить за переплетением божественной и человеческой воли, проявлением духа через плоть, вечно-го через временное. Но и тем, кто в это не верит, будет интересно читать церковную историю как увлекательную книгу, полную необычайных положений и замечательных характеров. Любители остросюжетных жанров найдут в ней элементы трагедии и фарса, детектива и судебной хроники, волшебной сказки и даже скабрёзного романа. Для ценителей истории это ценный источник сведений о прошлом, достоверный, разнообразный и противоречивый, как сама жизнь. А для интересующихся философией и познанием основ вещей — сокровищница блестящих интеллектуальных споров и дискуссий, головокружительных идей и глубоких прозрений о корнях мироустройства и сути человеческой природы.

Можно только удивляться тому, что церковная история сегодня почти никому не известна. Современные школьники и студенты знают об этом предмете гораздо меньше, чем о нашествии гуннов или Столетней войне. Даже расцвет мемуарно-исторической литературы, заваливший прилавки магазинов тысячами новых книг, почти не коснулся этой темы и не сделал ее достоянием широких кругов читателей. Это тем более поразительно, что мы живем в государстве, где Церковь с самого начала была заложена в фундамент общества и наложилась свою печать на все, чем жили и занимались наши предки, а значит, и на нашу собственную жизнь.

Задача этой книги очень скромна: в самой легкой и доступной форме дать общее представление об истории Церкви тем читателям, у которых нет времени или желания копаться в многотомных трудах и специальных монографиях, в изобилии представленных в церковной литературе. На ее страницах

кратко описан исторический путь Древней Вселенской Церкви в первые века христианства, когда была создана церковная структура и приняты основные догматы веры. В продолжении книги повествование будет доведено до XI века, то есть до того момента, как единая Церковь разделилась на православную и католическую. В целом этот промежуток времени охватывает период в тысячу лет, начинаясь в эпоху первых римских цезарей и заканчиваясь в глубине Средневековья, у истоков Российского государства и начала культурного расцвета Западной Европы. В самые мрачные и темные века, когда все рушилось или менялось до неузнаваемости, Церковь оставалась практически единственной постоянной величиной, которая непрерывно и неизменно существовала от глубокой древности до наших дней. И это еще одна веская и убедительная причина, чтобы поближе познакомиться с ее историей.

Часть I
Как и почему возникла Церковь

Глава первая. Новая коллегия

Рим

Добро пожаловать в Римскую империю первого века нашей эры: гигантский мир с населением 120 миллионов человек и общей площадью 4 миллиона квадратных километров. Начав свой путь с маленького городка в центре Италии, государственная машина Рима всего за три столетия захватила огромный кусок планеты, куда вошли почти все страны современной Западной Европы, Ближний Восток, Малая Азия, Северная Африка и Египет. Словно прожорливый удав, обернувшись широким кольцом вокруг Средиземного моря — *mare nostrum*, «нашего моря», как называли его римляне, — она втянула в себя осколки старых империй и зачатки новых государств, связав в один узел множество разнородных традиций и культур. Рим не зря называли вторым Вавилоном: здесь царил настоящее столпотворение наций и народов, многие из которых обитали в разных концах света и ничего не знали друг о друге. Некоторые из них были гораздо культурней и древнее Рима, другие едва вышли из состояния племенной дико-

сти и чуть ли не питались человечиною. В их числе были и финикийцы, строившие лучшие в мире корабли, и троглодиты, не знавшие, что такое одежда, и свирепые луситаны, приносившие человеческие жертвы, и мудрые греки, заложившие основы почти всей современной науки и культуры.

В то время Римская империя была не только самым густонаселенным, но и самым цивилизованным местом на Земле. От ливийских пустынь, где поднимались Великие пирамиды, до безлюдных пустошей Уэльса тянулись знаменитые римские дороги — шедевр инженерного искусства, сохранившийся до наших дней. Дороги римлян были не только транспортными путями, но и кровеносными артериями империи, по которым власть Рима распространялась вплоть до пограничных рубежей. Глобализация, о которой много говорят сегодня, в то время уже существовала: везде чувствовались рука римлян, плоды их труда, влияние их культуры. В каждом городке империи, даже самом дальнем и захолустном, можно было найти римский форум, термы и театр. Стены в домах горожан расписывались сценами из греко-римских мифов, образованные жители читали Горация и Вергилия, дети изучали в школах Пифагора и Платона. Во всех провинциях работали одни и те же законы, воевала одна армия, ходили одинаковые деньги, действовала единая система налогообложения, общественных повинностей и судопроизводства. И всю эту громадную государственную махину сплавлял воедино костяк администрации, управляемый одним монархом-императором.

Тем, кто пережил в своей истории две империи, легко представить, как рядовой человек мог чувствовать себя в таком гигантском государстве. Монолитная власть государственного аппарата, как двуликий идол, поворачивалась к людям то благой, то враждебной стороной. Современники единодушно признавали, что у империи было немало заслуг и великих достижений. Первый император римлян Октавиан Август, прозванный «отцом отечества», по праву гордился тем, что при его правлении в храме Януса трижды закрывали дверь — а это делалось в то время, когда по всей стране царил мир. После кровавой вакханалии гражданских войн благоденствие и покой в римском государстве казались истинным даром богов. Многие жители империи — в том числе и христиане — искренне воспевали благоустройство и порядок рах готана, «римского мира», давшего его жителям прочный мир и процветание.

Придворные поэты называли эпоху Августа не иначе как «золотым веком», а христианские епископы почтительно именовали Церковь «молочной сестрой Империи».

Но в этих похвалах все чаще звучали нотки официозной фальши. Пропаганда императорской власти и величия Рима становилась обязательной и вездесущей: она входила в официальные протоколы и школьные программы, наполняла произведения искусства, проникала в частные беседы. Свободным речам времен республики пришел конец: всюду царствовали цензура и закон об «оскорблении величия римского народа», по которому любой политический противник или представитель оппозиции мог быть отправлен в тюрьму или на казнь. Как только речь заходила об императоре и его политике, на рот вешался замок: изрекать следовало только похвалы великому и мудрому правителю и его неустанным заботам о благе подданных. На общих собраниях специальные люди следили за поведением гостей и даже за выражением их лиц. Доносчики подслушивали разговоры римской молодежи, собравшейся на вечернику, записывали их вольные шуточки против властей и докладывали куда следует. Некоторые частные обвинители (государственных в Риме не было), вроде зловещего Котты Мессалина, делали себе карьеру на процессах против «врагов народа» и становились важными лицами и столпами общества, внушавшими почтение и ужас. Дело дошло до того, что гордые римляне, свергнувшие некогда царей, начали обожествлять императоров, подобно варварам и азиатам, которых они презирали. Правящий цезарь стал чем-то вроде государственного бога, которого следовало почитать больше и прежде других богов. Неповиновение и возмущение карались пожизненной ссылкой или смертью.

Новая коллегия

Подданные Рима, как могли, приспособлялись к тяготам имперской жизни. Население старалось противостоять давлению власти, создавая многочисленные союзы и сообщества. Назывались они по-разному, в зависимости от своих целей и состава: коллегия, гетерия, школа, койнон, синагога. Мастера, ковавшие серебро или делавшие щиты, образовывали ремесленные цеха, купцы объединялись в гильдии, музы-

канты и художники вступали в профессиональные общества или кружки по интересам. Жители одного района или городка часто создавали общую кассу, чтобы помогать больным и устраивать похороны беднякам, а по выходным и праздникам просто собирались, сбрасываясь по паре ассов (четверть сестерция), и устраивали пирушки.

Среди других существовали и чисто религиозные объединения — так называемые фиасы. Членам фиасов позволялось поклоняться своим богам и следовать местным культам. Римляне относились к этому вполне терпимо до тех пор, пока такие союзы вели себя благонадежно и не занимались политикой. Запрещались только тайные общества или скандальные секты с человеческими жертвами, непристойными оргиями и прочими мерзостями. Правда, иногда случалось, что подозрительные императоры разгоняли не только фиасы, но даже пожарные команды. Для их опасений имелись реальные основания: заговорщики и противники власти могли собираться под благовидным предлогом и выдавать себя за любителей искусства или поклонников бога Сераписа. Поэтому Рим внимательно наблюдал за каждой общественной организацией и строго следил за тем, чтобы в них занимались только дозволенными и одобренными государством вещами.

Для римских языческих властей малочисленная секта евреев, «вечно волнуемых Хрестом», как писал о них Гай Светоний, долгое время была именно таким «фиасом» или «коллегией», собиравшейся для поклонения какому-то малоизвестному божеству и мало чем отличавшейся от давно известной еврейской религии. Если бы какой-нибудь любознательный путешественник того времени посетил Палестину, скорей всего, он не сумел бы отличить христиан от иудеев. Те и другие посещали один храм, говорили на одном языке, одинаково одевались и поклонялись одному Богу. Разница заключалась только в том, что новая группа почитала еще и некоего Иисуса, называвшего себя Хрестом, то есть Спасителем, Мессией, — человека из низов, проповедника и бунтовщика, недавно распятого за богохульство и злоумышление против власти цезаря.

Впрочем, в то время вряд ли кто-то из язычников стал бы обращать внимание на разницу между христианами и иудеями. Римляне редко вникали в тонкости чужих верований и предпочитали не углубляться в варварские культы. Правда, таинственность и необычность религии евреев вызывали

у них любопытство, порождавшее причудливые слухи. Римский историк Тацит писал, что иудеи во время скитаний в пустыне нашли источник воды благодаря ослам и с тех пор почитали голову осла. Когда полководец Гней Помпей захватил Иерусалим, он решил раскрыть загадку еврейской веры и отправился в храм, в «святая святых», куда по иудейскому закону имел право входить только священник и только один раз в год. Триумфатор ожидал увидеть там ослиную голову, но нашел только пустое помещение, в котором стояли паникадила и жертвенные чаши. Не было никаких идолов и статуй, никаких изображений или картин — только тишина и сумрак, в котором поблескивало храмовое золото.

Читайте в приложении: Иудейский храм

Кипящий котел

По правде сказать, любознательные путешественники в то время редко посещали Иерусалим. Римлянам и грекам нечего было делать в старом азиатском городишке, не имевшем никакого отношения к их славному прошлому. Отправиться в Иудею для них было то же самое, что сегодня совершить поездку в какую-нибудь неблагополучную страну, где власти не гарантируют безопасности туристам. Палестина считалась «горячей точкой» империи, беспокойным и взрывоопасным местом, куда приезжали только по долгу службы или по торговым делам. Самый многочисленный класс приезжих в Иерусалиме составляли сами иудеи — паломники, постоянно прибывавшие из разных областей империи на поклонение святым местам. Это были жители «рассеяния», диаспоры, покинувшие родную страну после многочисленных войн, гонений и преследований со стороны более сильных соседей.

Ко времени Иисуса Христа Иудея уже давно не существовала как самостоятельное государство. Евреи потеряли политическую независимость еще в середине VI века до Р. Х., когда страну завоевал вавилонский царь Навуходоносор Второй. После вавилонян иудеями правили персы, потом греки, за ними римляне. В первом веке всю Палестину формально поделили между собой сыновья последнего иудейского царя Ирода Великого: Архелай, Антипа и Филипп, но настоящая власть

принадлежала Риму, и местные правители получали царские грамоты из рук римского сената. Во главе Иудеи стоял обычный римский чиновник — прокуратор, который считался главой области и подчинялся проконсулу более крупной административной единицы, Сирии. Он обладал высшей военной и судебной властью вплоть до «права меча», то есть мог казнить и миловать, а также назначать и смещать иудейских первосвященников. Такое положение не устраивало древних и гордых евреев, с трудом переносивших гнет чужаков и иноверцев. Они изо всех сил цеплялись хотя бы за призрак государственной самостоятельности и на любое вмешательство в их дела отвечали вспышками возмущения и гнева.

Сами римляне давали для этого немало поводов. Для Рима Иудея была всего лишь одной из мелких провинций, далеко не самой значительной и богатой, зато причинявшей много неприятностей. Прокураторы с презрением относились к побежденной стране и старались выжать из нее все, что можно, — как для блага Рима, так и лично для себя. Процветали откровенное взяточничество, воровство, вымогательство чиновников. Грабительские налоги превращались в бедствие, доводившее людей до голода и нищеты. Под властью Рима жители Палестины платили три обязательных налога: персональный налог с каждого мужчины и женщины в возрасте 12—65 лет, общий подоходный налог в размере 1 процента и продуктовый налог, составлявший 20 процентов для вина и 10 процентов для зерна. К этому добавлялись налоги на покупку и продажу любых товаров, на вьючных животных и повозки (включая оси и колеса), обязательные пошлины на въезд в город, на пользование мостами и дорогами, аренда полей и виноградников, местные налоги и храмовая десятина. Право собирать налоги обычно бралось на откуп: то есть определенная сумма отчислялась государству, а все остальное сборщик мог забирать себе, выколачивая дополнительную прибыль всеми правдами и неправдами. Неудивительно, что мытарей, собиравших подати, ненавидели едва ли не больше, чем самих римлян. Они не имели права свидетельствовать в суде, к ним относились как к изгоям и предателям, их не пускали в синагоги, куда был доступ даже прокаженным.

Но болезненней всего евреи относились к посягательствам на их веру. Сразу после того, как Понтий Пилат вошел в Иерусалим с римскими знаменами, на которых размещались изо-

бражения императора, в городе начался бунт: человеческие изображения в иудейской религии были строго запрещены. Введенные тем же Пилатом монеты с языческими символами иудеи восприняли как святотатство. А когда сумасбродный Калигула, любивший доводить все до абсурда, приказал поставить в иудейском храме собственные статуи, дело едва не кончилось всенародным восстанием, и только смерть императора избавила страну от новых бедствий.

Среди патриотично настроенных иудеев существовали различные группы и течения, по-разному относившиеся к захватчикам. Одним из них были саддукеи, представлявшие тогда партию власти. Это был аристократы и консерваторы, строгие приверженцы Закона и обычаев, которые, однако, сохраняли лояльность Риму, считая его меньшим из зол. Им противостояли фарисеи, тогдашние «демократы» и популисты: они, наоборот, находились в оппозиции и отвергали любое сближение с язычниками, требуя скрупулезного соблюдения всех тонкостей еврейского Закона. Среди фарисеев выделялись особенно ревностные сторонники веры и национальной независимости — зилоты, то есть «ревнители». Они призывали не платить налоги Риму и сопротивляться римской власти всеми способами, вплоть до вооруженной борьбы.

Правление римлян в Палестине сопровождалось почти непрерывной чередой бунтов и грабежей. Уже при первом прокураторе Копонии произошло восстание Иуды Галилеянина, объявившего себя мессией. Четвертому прокуратору Валерию Грату пришлось бороться с расплотившимся в Иудее бандами грабителей, главаря одной из которых он убил лично. Пятый прокуратор Понтий Пилат взял из Иерусалимского храма деньги на строительство водопровода, что привело к новому возмущению и бунту, жестоко им подавленному. При Куспии Фаде появился некий Февда, лжепророк, созывавший народ к реке Иордану, которую он обещал, подобно Моисею, перейти «аки посуху»; в дело вмешалась армия, и Февда был схвачен и казнен. Почти постоянно в Иудее являлись новые пророки и лжемессии, увлекавшие народ в пустыню, чтобы показать там невиданные чудеса, или обещавшие одним словом разрушить стены Иерусалима.

К середине I века взятки, жадность и жестокость таких прокураторов, как Марк Антоний Феликс и Луций Альбин, довели Палестину до точки кипения. К борьбе за независимость

и национальному вопросу добавлялись религиозные распри и споры с соседями, часто вспоминая стары обиды. Евреи враждовали не только с римлянами, но и с самарянами, идумеями, сирийскими греками. При прокураторе Гессии Флоре местные греки осквернили синагогу, окропив ее кровью птиц, а когда евреи пожаловались на них Флору, прокуратор встал на сторону греков и посадил в тюрьму самих жалобщиков. Эти события и последовавшая за ними резня иудеев привели к восстанию, продолжавшемуся почти восемь лет и закончившемуся полным разгромом Иерусалима.

Первая община

На таком историческом фоне на свет тихо и почти незаметно появилась новая всемирная религия, получившая имя христианства. Церковь родилась в охваченном смутами Иерусалиме и была равнодушно встречена современниками, как какое-то частное и случайное явление, не обещавшее долгой жизни. Первое, что поражает в ранней общине христиан, — это то, насколько она была мала. Кроме небольшого количества учеников в нее входили только кучка родных и друзей Иисуса и несколько женщин, странствовавших вместе с Ним по Иудее. На общее собрание верующих приходило не больше 120 человек, которые могли уместиться в столовой большого дома. Скромное положение группы усугублялось тем, что апостолы были не местные жители, а провинциалы, бедные рыбаки с севера страны: в столичном Иерусалиме они чувствовали себя чужаками. В этом враждебном городе они находились в положении преследуемых, изгоев, которых в любой момент могли арестовать и убить, так же, как их Учителя. Первые христиане не обладали той смелостью и силой духа, которые обрели потом: напуганные казнью Иисуса, Его ученики сидели вместе, запершись в одной комнате, — «страха ради иудейского», как сказано в «Деяниях апостолов», — боясь выходить на улицу и пускаться к себе чужих.

Однако довольно скоро произошло событие, в котором многие христиане видят важное доказательство истинности своей религии, а неверующие — один из множества христианских мифов. В иудейский праздник Пятидесятницы на апостолов снизошел Святой Дух — одно из Лиц Святой Троицы,

«утешитель», которого Иисус обещал послать Своим ученикам. После этого настроение и поведение общины резко изменились. Христиане вышли из подполья и начали проповедовать свое учение на улицах, не боясь опасностей и угроз. В первый же день проповеди Петр и другие ученики Христа приобрели тысячи сторонников, число которых со временем только росло. В Иерусалиме возникло новое, невиданное и неслыханное прежде общество, иногда называемое «райской Церковью»: нечто вроде христианской коммуны, где никто ни имел собственности и все делилось поровну между всеми. «У множества же уверовавших, — пишут “Деяния апостолов”, — было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду». Члены этой общины жили уже как бы в царствии Божиим: они ни о чем не заботились, не трудились, никем не преследовались, пребывали в постоянной радости и пользовались общей любовью.

Но это неземное, ничем не омраченное состояние всеобщего согласия (противники христианства отрицают, что оно вообще существовало) продолжалось совсем недолго. Вскоре выяснилось, что в среде первых христиан, имевших «одну душу» и общую любовь, уже прокралось неравенство. Проблема была в том, что исконные палестинские евреи имели более привилегированный статус, чем пришлые, приехавшие из других стран и считавшиеся как бы иудеями второго сорта. В то время в диаспоре жило примерно четыре миллиона евреев против одного в Палестине. Хотя они всегда поддерживали связь с родиной и ежегодно посылали деньги на храм, палестинские иудеи относились к ним с подозрением, считая, что на чужбине они растеряли свое религиозное рвение и поддались влиянию эллинской культуры. Таким «эллинам», как называли огречившихся собратьев, давали знать свое место и в христианской общине, обходя их вдов при раздаче милостыни. Это привело к разногласию между христианами и первому церковному конфликту, который пришлось решать апостолам.

Несмотря на то что число членов Церкви все больше увеличивалось, ее положение принципиально не менялось. Спустя

много лет это все еще была небольшая группа внутри иудейства, одна из многих, едва заметная не только Риму, но и самой Иудее. Группа эта казалась так мала и незначительна, что знаменитый еврейский историк Иосиф Флавий, живший в то же время и подробно описавший политическую и религиозную жизнь Иудеи, ни разу не упомянул о ней в своих книгах. Ни о каком мировом распространении учения Христа Его последователи не мечтали, их мысли шли не дальше проповеди в Иерусалиме и соседних городах. Для них весь мир был Иудеей: с нее начиналось спасение человечества, на ней же оно и заканчивалось. К тому же христиане не отделяли себя от иудеев, считая, что остаются среди собратьев по вере, которые просто еще не успели сделать следующий шаг. Они продолжали ходить в Иерусалимский храм и придерживались всех внешних правил иудейской веры. Какое-то время существовало зыбкое равновесие двух вер, иудейской и христианской, и казалось, что христианство может просто мирно врасти в иудаизм.

Но эти иллюзии быстро рассеялись, подтвердив слова Иисуса о новом вине, которое невозможно влить в старые мехи. По мере успехов нового учения нарастало и недовольство иудеев христианами. Петра и других апостолов стали вызывать в иудейский Синедрион. В первый раз их просто задержали для объяснений и отпустили, потребовав прекратить проповедь; во второй — посадили в тюрьму; в третий — жестоко избили. Среди членов Синедриона тоже не было единства: многих смущала близость иудейской и христианской вер, различавшихся только именем Иисуса. Один из авторитетных фарисеев по имени Гамалиил даже предложил оставить все как есть, рассудив, что, если христиане заблуждаются, их дело разрушится само собой, а если они правы, бороться с ними бесполезно. Но эту позицию, по-человечески мудрую и толерантную, никто не поддержал. Временное перемирие закончилось в тот день, когда проповедь одного из известных христиан, диякона Стефана, вызвала прямое столкновение с Синедрионом. Стефана арестовали, привели на суд и побили камнями за богохульство. Начались гонения на Церковь, в которых погибло около 2 тысяч христиан. Преследуемые иудеями, почти все приверженцы новой веры, кроме нескольких апостолов, бежали из Иерусалима.

Язычники

В первые годы почитатели Иисуса еще не назывались христианами, именуя себя «призванными», «верными» или «святыми». В Иерусалиме ученики Христа продолжали оставаться иудеями, своими среди своих, и для их особого обозначения не возникало надобности. Но после того, как в сирийской Антиохии — третьем по величине городе в империи, населенном в основном греками, — образовалась крупная община из язычников, потребовалось новое слово для определения секты, которую до сих пор считали чисто иудейской. Тогда и возникло понятие «христиан», то есть последователей Христа.

Ранняя Церковь не ставила перед собой задачи обращать «необрезанных» язычников. Если это и происходило, то стихийно и само собой, как описано в истории с апостолом Филиппом и евнухом: идя однажды по дороге в Газу, Филипп разговорился с ехавшим рядом эфиопом, рассказал ему об Иисусе и крестил его у ближайшего ручья. Это был импульсивный и единичный поступок, не имевший принципиального значения и не отменявший того факта, что вечное спасение готовилось только для евреев.

Появление обращенных из язычников привело христиан в замешательство. Прежде всего, было непонятно, нужно ли их вообще принимать в общину? Разве Иисус пришел спасать не своих, как Он сказал хананейке: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. XV, 24)? После бегства из Иерусалима христиане «никому не проповедовали слова, кроме иудеев» («Деяния апостолов»). Когда Корнилий, римский центурион, пожелал принять крещение, апостол Петр заявил, что ему, иудею, возбранено общаться или сближаться с иноплеменником. Сам Петр пришел к Корнилию только потому, что так повелел Бог: в мистическом видении к апостолу явился ангел и сказал, что ни один народ нельзя почитать чистым или нечистым. Но иерусалимские «святые», узнав о крещении Корнилия, стали упрекать уже самого Петра — не за то, что он крестил язычника, а за то, что «ходил к людям необрезанным и ел с ними». Только непосредственное откровение Святого Духа, данное Петру, убедило христиан принять язычников в Церковь, вопреки мнению и желанию большинства.

Когда этот вопрос был решен в пользу язычников, сразу возник новый: как быть с Законом и его требованиями, обращенными к каждому иудею? Иудаизм существовал веками, его заповеди в глазах евреев были священны, поскольку исходили от Самого Господа. Если христианство действительно продолжало веру отцов, то должно было следовать ее обрядам и традициям. Ключевым моментом в этом споре стало обрезание. Многие евреи-христиане прямо утверждали, что необрезавшиеся не спасутся. Отказ от обрезания означал открытый и сознательный разрыв с иудаизмом, примерно то же самое, что для христиан стал бы отказ от совместного причастия. В Антиохии вопрос об обрезании встал так резко, что апостолы Павел и Варнава, возглавлявшие общину в этом городе, отправились в Иерусалим, чтобы попытаться прийти к общему решению и определить, как поступать с обращенными из язычников. С собой они взяли ученика Тита, христианина «нового типа» — крещеного язычника, не подвергнутого обрезанию.

Первое, что антиохийцы услышали в Иерусалиме, было требование обрезать Тита. Павел и Варнава ответили отказом и обратились к авторитету иерусалимских апостолов, которые созвали для решения этого вопроса специальное совещание — собор, позже названный «апостольским». Он проходил примерно в 49–51 годах в присутствии Петра, Иоанна, Павла и других апостолов и под председательством Иакова, двоюродного брата Иисуса. Этот первый в истории церковный собор постановил, что язычники могут спастись так же, как и иудеи, и никакого обрезания для крещеных язычников не требуется. Итогом собора стал краткий «моральный кодекс» христиан, в одной фразе сформулировавший то, что являлось обязательным для членов Церкви: «Угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите». В этой программе-минимум присутствовали два пункта, относившихся к практике иудаизма: не употреблять мяса, предназначенного в жертву идолам, и не есть удавленину (то есть убитых животных, из которых не выпущена кровь). Запрет идоложертвенного мяса означал отказ от язычества, а вопрос об удавлении имел практическое значение для христиан из язычников и иудеев, которые собирались на совместные

трапезы. Из-за разногласий в этом вопросе еще много лет спустя во многих общинах христиане-иудеи и христиане-язычники питались отдельно.

Однако дальше произошло то, что потом много раз повторялось в церковной истории: постановления собора не соблюдались. Собор и его решения были одно, а практика и жизнь — другое. Давление традиций и консервативного благочестия оказалось сильнее рекомендаций и мнений апостолов, которые и сами не раз подчинялись ему, отступая от собственных решений. Столпом иудео-христианства в Иерусалиме был Иаков, «брат Господень», прозванный за благочестие Праведным. Он вел аскетическую жизнь и был назореем, то есть «не пил ни вина, ни пива, не вкушал мясной пищи; бритва не касалась его головы, он не умащался елеем и не ходил в баню». Иерусалимские иудеи почитали Иакова не меньше христиан, постоянно видя его в Храме, где он проводил долгие часы в молитвах. Говорили, что его колени от постоянных молитв стали мозолистыми, как у верблюда.

Имея такого сторонника, иудео-христиане могли не опасаться недостатка в авторитете. Общим настроениям поддался даже апостол Петр. Несмотря на откровение «ничего не почитать нечистым», во время поездки в Антиохию он отказался есть за одним столом с христианами-язычниками. Возмущенный этим поступком, Павел раскритиковал Петра за то, что тот испугался мнения иудеев и стал скрывать свое общение с язычниками, подав пример общему «лицемерию». Но вскоре к сторонникам традиций присоединился и верный друг и соратник Павла — Варнава. Наступил момент, когда Павел остался единственным, кто пытался вести борьбу с иудейскими обрядами. Тем не менее он упрямо стоял на своем, выступая против обрезания и соблюдения ветхозаветного Закона. Спасаются не обрезанием, говорил апостол: после Христа это уже безразлично, а значит, и не нужно, — спасаются верой и любовью. Для Бога больше нет «ни иудея, ни элина, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного, ни мужчин, ни женщин».

Оставшись без единомышленников в Антиохии, Павел покинул город и отправиться в свои миссионерские путешествия, которые глубоко изменили христианство и придали ему новое содержание и форму.

Глава вторая. Четыре путешествия Павла

Немного биографии

Павла часто называли «вторым основателем христианства». Церковь многим обязана этой уникальной личности, сыгравшей в становлении новой религии одну из главных, а по мнению некоторых — решающую роль. «Апостол любви», как называли его потомки, был тем человеком, который создал само христианское учение: не как собрание рассказов и притч, а как систему идей, основанных на рассуждениях и логике. Он был первым богословом, который сделал христианскую веру понятной уму, а не только сердцу.

По крови Павел принадлежал к чистокровной еврейской семье, чем всю жизнь гордился и что всегда любил подчеркивать при общении с евреями. В среде диаспоры смешанные браки среди иудеев и язычников были обычным делом, поэтому «чистые» евреи могли считаться чем-то вроде иудейской аристократии. В то же время род Павла вряд ли был слишком именитым: он нигде не называет имен своего деда и отца, как это было принято у священников и настоящих аристократов. Знатные евреи того времени составляли длинные генеалогии и доводили свои родственные связи вплоть до патриархов или даже самого Адама. Известно только, что отец апостола происходил из колена Вениаминова и его мать, скорей всего, была из того же рода: браки между разными иудейскими коленами не приветствовались, и жениться полагалось на женщине того же колена, чтобы не смешивать кровь.

Павел не был единственным ребенком в семье: в «Деяниях апостолов» упоминается его старшая сестра, сын которой спас своего дядю от расправы иудеев в Иерусалиме и навестил его в тюрьме. Вполне возможно, что, как в большинстве многодетных еврейских семей, у него было много и других братьев и сестер, но он нигде о них не упоминает и вообще ничего не говорит о своих родственниках. Братьев и сестер по крови ему заменили братья и сестры по вере.

До рождения Павла его родители жили в иудейском городе Гискал, но после нашествия римлян бежали на север в Тарс к своим родственникам или знакомым. Чем занимался отец

Павла, точно не известно. Тарс был текстильный городок, но в нем жили и купцы, и кожевники, и «скинотворцы», то есть изготовители палаток, — именно такое ремесло приписывает себе Павел в одном из своих посланий. Товар, судя всему, пользовался немалым спросом, потому что Павел с успехом продавал его во многих городах, куда попадал во время своих странствий. В любом случае отец Павла был достаточно состоятелен, чтобы дать сыну хорошее образование и отправить его в Иерусалим к знаменитому законоучителю Гамалиилу, — лучшее, что мог тогда позволить себе еврей, решивший придерживаться иудейских, а не эллинских традиций.

Савл и Павел

При рождении Павлу дали имя Савл (по-еврейски это значит «вожделенный») — так звали известного по Библии царя Саула, еще одного представителя Вениаминова рода. На распространенном тогда на Востоке греческом языке имя Saoulos звучало не слишком благозвучно, означая что-то вроде «лодырь» или «кутила», но будущий апостол пользовался им только до тех пор, пока не обратился в новую веру проконсула Кипра по имени Сергей Павел, после чего и сам стал Павлом.

Римский гражданин

Павел от рождения был римским гражданином, что давало ему большие преимущества. Из 120 миллионов населения во всей Римской империи тогда было всего 4–5 миллионов римских граждан. Статус гражданина давали за военную службу и услуги, оказанные Риму, но иногда он приобретался так же, как обыкновенно приобретаются такого рода привилегии, — за деньги. Иосиф Флавий, еще один знаменитый фарисей, утверждал, что богатые евреи не раз покупали себе это звание у римских наместников. В одной из тогдашних эпиграмм говорилось: «Только угля десять мер принеси — и получишь гражданство. А приведешь и свинью — будешь ты сам Триптолем (известный греческий герой)». Римское гражданство особенно ценилось на востоке, где его получали немногие: даже среди членов афинского совета только шесть процентов имели статус римских подданных.

Все римские граждане имели одинаковые права, независимо от происхождения и места жительства. Они занимали привилегированное положение среди других жителей империи, отвечая только перед непосредственными представителями Рима и не имея дела с местной властью. Гражданство давало им возможность чувствовать себя как дома в любой части империи. Римский гражданин мог свободно покупать землю и торговать везде, где находилась римская власть; его мог судить только римский суд, а не местный; он не подвергался телесным наказаниям и пыткам. Смертной казнью для граждан служило сравнительно гуманное отсечение головы, а не жестокое распятие.

Римское гражданство было не только почетно, но и обременительно. Каждый гражданин считался служащим империи и того города, к которому был приписан. Богатым людям часто даже не требовалось покупать себе гражданство: города сами искали состоятельных людей, чтобы сделать их своими гражданами и навязать им службу. Необходимость служить вечно тяготела над римским гражданином так же, как над русскими дворянами при Петре Первом. Не известно, как Павел выполнял свои гражданские обязанности или как ему удавалось их избегать: об этом в Новом Завете ничего не говорится. Судя по его письмам, он, во всяком случае, был лояльно настроен к государству, питал уважение к властям и призывал повиноваться ее представителям и вообще начальству.

Как римский гражданин, Павел имел три имени (*tria nomina*): личное, дополнительное (родовое) и прозвище. Имя «Павел», которым он всегда себя называл, на самом деле было прозвищем, означавшим «малый» или «меньший», которое он переделал из еврейского Савл (*Saoulos = Paulus*). О его первых двух именах мы ничего не знаем. У римлян было сравнительно небольшое количество личных имен, из которых чаще всего использовались Марк, Луций, Гай, Публий, Авл, Децим и Квинт. Вместо родового имени некоренные граждане брали имена императоров или каких-нибудь выдающихся римских деятелей: Флавий в честь династии Флавиев или Туллий в честь Марка Туллия Цицерона. Павла могли звать, например, Гаем Юлием.

Фарисей

В своих письмах Павел с гордостью называл себя фарисеем и сыном фарисея. Фарисеи были разночинной интеллигенцией тогдашних евреев — люди не из самых знатных и не особенно консервативные, но образованные и обладавшие духом личной инициативы, что проявлялось, среди прочего, в более свободном толковании священной Торы. Фарисеи были первыми, кто нарушил привилегию священнического сословия левитов толковать и преподавать Закон: в отличие от саддукеев, они считали, что заниматься этим мог любой мужчина, у которого есть соответствующее призвание и таланты. Среди них появились свои учителя — раввины, в чью задачу входило обучение и разъяснение Закона и предания. При этом они строжайшим образом исполняли все правила и требования закона, что было нелегким делом. В иудейской традиции жизнь и поведение верующего регламентировались до мельчайших деталей. Существовало, например, 39 видов деятельности, которыми нельзя было заниматься в субботу (в том числе — готовить пищу), с тщательной регламентацией каждого пункта. Если запрещалось носить тяжесть, то строго оговаривалось, что тяжесть — это все, что превышает вес двух винных ягод. Со временем и эта оговорка детализировалась: тяжестью стали называть «пищу, равную по весу высушенной фиге; вино, достаточное для того, чтобы разбавлять в бокале; глоток молока; мед, необходимый для того, чтобы положить на рану; клочок бумаги, достаточный для того, чтобы написать таможенную декларацию; чернила, достаточные для написания двух букв алфавита». Строгость в исполнении Закона была для фарисеев проявлением искренней веры и благочестия. Правда, по мнению христиан, они делали все это слишком формально, не вкладывая в свои поступки сердца и души, за что и удостоились порицания от Господа. В любом случае принадлежность к фарисеям гарантировала определенный уровень образованности и полезные связи: ведь фарисейство было, помимо всего прочего, политическим движением и партией, которое имело большой вес в обществе и в трудном случае могло оказать серьезную поддержку.

В Иерусалиме Павел сразу проявил себя как ревностный и благочестивый иудей. Во время казни диакона Стефана он приглядывал за одеждой старших товарищей — вероятно, во-

ров в городе хватало, — пока те, сбросив свои пестрые балахоны, швыряли в мученика камнями. Желая активней проявить себя в защите веры, Савл даже выпросил у Синедриона особую миссию — командировку в Дамаск, чтобы и там находить и изобличать христиан, кошунственно восставших против Закона. Но по дороге, еще не добравшись до города, он пережил внезапное обращение, кратко, но красочно описанное в «Деяниях апостолов»: «Внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна. Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? и Господь сказал ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать». Слепшего Павла спутники под руки привели в Дамаск, где он принял крещение и исцелился, прозрев одновременно и духовно, и физически.

После своего обращения Павел несколько лет странствовал в Аравии и проповедовал Христа в Дамаске, вызывая всеобщую ненависть иудеев и, очень часто, недоверие христиан, помнивших о его иудейском прошлом. Из Дамаска ему пришлось сбежать от разгневанных евреев, спустившись ночью с городской стены в веревочной корзине. Приехав в Иерусалим, он заручился поддержкой апостолов Петра и Иакова, которые признали его апостольские права и поручили проповедовать христианство в Сирии и Киликии, родных местах Павла. На соборе апостолов было решено, что Петр станет благовествовать учение Христа у иудеев, а Павел отправится к язычникам и заодно соберет средства для Иерусалимской церкви, страдавшей от разразившегося в Палестине голода.

Омовение рук у иудеев

Минимальное количество употребляемой при омовении воды составляло полторы яичных скорлупы. Сначала воду наливали на обе руки, подняв вверх пальцы: она должна была стекать с запястья, потому что, соприкоснувшись с нечистыми руками, сама становилась нечистой. Потом процедура повторялась еще раз, но теперь руки держали уже в обратном направлении, устремив пальцы вниз. В заключение каждую руку очищали потиранием сжатым кулаком другой руки. Правверный иудей делал все это не только перед едой, но и между всеми подаваемыми блюдами.

Портрет Павла

Внешне Павел очень мало подходил для роли миссионера. Поздний портрет рисует его как невысокого лысого человека, невзрачного на вид, с кривыми ногами и горбатым носом. У него были неприятные глаза — подслеповатые и больные, вызывавшие желание «сплюнуть», как он сам написал в одном из писем. Болезненность и слабость Павла производили отталкивающее впечатление и настраивали против него людей. Он сам сознавал это качество и говорил, что «ангел сатаны бил его кулаками», чтобы он не превозносился.

Недостатки внешности можно было искупить красноречием, но Павел и здесь не проявлял ничего выдающегося. Недруги утверждали, что он силен в письмах, но слаб в речах. Правда, и письма Павла нередко были таковы, что вызывали недоумение даже у других апостолов. Петр откровенно писал, что в посланиях Павла есть «нечто неудобовразумительное». Еще меньше Павел поражал своей одеждой и внешней представительностью. Одевался он очень скромно и практично, как подобало человеку, часто путешествовавшему и терпевшему многие лишения. Павел не носил ни тоги, полагавшейся римским гражданам, ни хитона и плаща-гиматия, как это делали странствующие философы и риторы. Обычно на нем была крепкая, простонародного вида накидка, которая по-латыни называлась *paenula*, а по-гречески — фелонь.

Секрет успеха Павла и сила его проповеди заключались в его исключительной натуре. Он был неординарной личностью, цельной и страстной, способной личным примером убеждать и увлекать слушателей. Несмотря на принципиальность и некоторую жесткость, в его характере трудно найти даже намек на религиозный фанатизм. Его письма полны любовью и нежностью к близким и друзьям, терпимостью и пониманием людей, умением их прощать. К человеческим слабостям Павла можно отнести разве что обидчивость: на апостола Марка, отказавшегося ехать с ним в Каппадокию, он разобиделся так, что отказался взять его с собой в следующее путешествие. В своих посланиях Павел часто и подробно жалуется на то, что его притесняют, что его все бросили, что его не ценят по достоинству. Однако в повседневной жизни это был человек обаятельный и располагавший к себе, вызывавший

не только уважение, но и личную приязнь. Первое впечатление о нем бывало неблагоприятным, но у тех, кто знакомился с ним ближе, он вызывал искреннюю привязанность. В своих странствиях Павел обрел множество поклонников, учеников и друзей, которые любили и почитали его до самой смерти.

Кроме личного обаяния Павел имел немало других качеств, помогавших ему нести трудное призвание миссионера. Он был вынослив и работоспособен, трудолюбив и находчив в удовлетворении житейских нужд. Он зарабатывал на жизнь своими руками, не желая никого обременять расходами, и считал, что каждый апостол должен обеспечивать себя сам. Чтобы не быть никому в тягость, днем он проповедовал, а по ночам шил палатки на продажу. В трудные минуты Павел демонстрировал редкое самообладание, мужество и терпение. Его способность к выживанию была просто удивительна. «Я гораздо более был в трудах, — писал он о себе, — безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе». Римляне жестоко избили его в Филиппах, а в Эфесе посадили в тюрьму и снова избили, подвергнув бичеванию; еще раньше он едва не погиб после побивания камнями в Листре. Павел был еще не стар, когда говорил, что «внешний его человек тлеет». Огромной усталостью веет от его просьбы, чтобы «никто впредь не отягощал его, ибо он носит язвы Иисуса Христа на теле своем».

Но пожалуй, самое главное было в том, что Павел обладал замечательно сильным и гибким умом. Это видно прежде всего по его письмам, которые составляют значительную часть Нового Завета. Широта кругозора и глубокое знание людей позволяли Павлу легко адаптироваться к любой среде. Он старался стать своим в любом месте, где протекала его проповедь: для иудеев быть иудеем, для язычников — язычником, для просвещенных — просвещенным, для невежд — невеждой.

Дипломатичность, даже изворотливость не раз выручали его в трудных ситуациях. Когда его привлекли к суду Синедриона, он ловко использовал разногласия между саддукеями и фарисеями, воззав к последним: «Я фарисей, меня судят за нашу веру!» — чем вызвал смятение и споры между судьями. Павел знал, где и как можно и нужно говорить, везде умел выбрать подходящий тон и правильную лексику, не важно, обращался ли он к греческим философам, римским солдатам или правоверным иудеям. Среди других апостолов, более прямолинейных и простодушных, он напоминал Протея, принимавшего тот облик, который помогал ему извлечь максимальную выгоду в конкретной ситуации. Цель у него всегда была одна, но он шел к ней благоразумно и осторожно, тщательно взвешивая обстоятельства и опираясь на свой опыт и понимание человеческой природы. Такой человек мог бы добиться многого в любой области, и христианство сильно выиграло от того, что именно Павел стал его провозвестником в языческом мире.

Как путешествовали в Римской империи

Как и всем апостолам, Павлу приходилось постоянно странствовать. Дальние поездки в Древнем Риме были обычным и широко распространенным делом. Империя позаботилась о том, чтобы создать для этого сравнительно комфортные условия, похожие на те, что существовали в Европе в начале XIX века. Путешественники наслаждались царившим в провинциях миром, торжеством порядка и общим духом гуманности и культуры, который римляне распространили до дальних уголков страны. В отличие от Европы, внутри Древнего Рима не было никаких границ: отправляясь в любое место, странник оставался у себя дома, в родном государстве, где действовали одни и те же законы и употреблялся один язык. Частым и продолжительным путешествиям способствовали широкие родственные связи, обилие гостиниц и хорошие дороги.

О римских дорогах стоит сказать подробнее. Они расходились от золотого столба на форуме Рима (отсюда пословица — «все дороги ведут в Рим») до самых границ империи. Фундамент этих образцовых трасс составляли мощные каменные блоки, засыпанные гравием и утрамбованной землей с легким наклоном в сторону обочин — для стока воды. Через каждую

милю (римская миля — это 1000 двойных шагов, примерно 1,5 километра) на обочинах стояли мильные камни с указанием расстояний до ближайших населенных пунктов, поэтому путник всегда точно знал, где он находится. Для удобства путешественников существовали дорожные карты с подробным обозначением развилок, населенных пунктов, постоянных дворов (правда, с нашей точки зрения, их делали на довольно неожиданных вещах: кубках, серебряных блюдах и т. д.). Кроме того, ориентирами служили многочисленные храмы и мавзолеи, попадавшиеся по дороге: решив отдохнуть, усталый путник мог зайти и помолиться Меркурию, считавшемуся покровителем путешествий, или Диане, защищавший дороги, или какому-нибудь местному богу, с удовольствием принимавшему дары от чужестранцев. Естественные препятствия римляне преодолевали с помощью инженерного мастерства: над речными руслами и оврагами перекидывались крепкие мосты, на больших реках действовали паромные переправы, в горах прорывались туннели. Государственные курьеры перемещались по таким дорогам с огромной для того времени скоростью, пользуясь системой почтовых станций, которые стояли друг от друга на расстоянии в 10–15 километров и где всегда можно было получить свежих лошадей.

С гостиницами дело обстояло намного хуже. Их было много, но они предоставляли так мало комфорта и имели такую дурную репутацию, что путешественники побогаче и посolidней старались ночевать у знакомых или останавливаться на свежем воздухе, разбивая переносные палатки. Обычно такие придорожные заведения носили громкие названия и украшались изображениями благородных птиц или драконов, а рекламные надписи у входа заманивали посетителей, обещая хороший стол, мягкую постель и покровительство богов. На деле бедным и неприветливым странникам, которые хотели иметь хоть какой-то ночлег и сносную еду, доставались невыносимая духота, шум, насекомые, теснота помещений и сомнительное общество, состоявшее в основном из конюхов и погонщиков мулов. Чаще всего подобные заведения предоставляли и другие услуги, о чем можно судить по эротическим фрескам на стенах одной из таверн в Помпеях и по сохранившемуся до наших дней разговору между трактирщиком и постояльцем: «С тебя один асс за хлеб. — Согласен. — И во-

семь ассов за девицу. — Тоже верно. — И два асса за мула. — Этот мул меня разорит!»

Богачи обычно путешествовали в колясках и наемных экипажах, но Павлу на такой комфорт рассчитывать не приходилось. Люди небогатые ходили пешком или ездили на мулах — выносливой помеси лошади и осла, созданной римлянами. В дороге они не имели никакой защиты от непогоды, кроме дорожного плаща. Но самая большая опасность исходила от разбойников, грабивших путников даже в самом сердце империи — Италии. Поэтому путешественники при каждом удобном случае присоединялись к свите какого-нибудь чиновника или следовали за отрядом солдат, гарантировавшим им безопасность от грабителей.

Из-за трудности путешествий в античном мире всегда был важен принцип гостеприимства. Без местных связей иноземцу трудно было доказать, кто он такой. Ездившие по делам купцы заботились о том, чтобы в каждом городе были знавшие их поручители из уважаемых граждан, чтобы в случае надобности удостоверить их личность перед властями и судом. Иудеям в этом смысле было проще, поскольку в I веке вся империя была опутана сетью синагог. Евреи тогда обитали почти во всех крупных городах востока и запада, от Сирии до Ливии, от Рима до Александрии, поддерживая между собой тесные дружеские и семейные связи и ведя интенсивную торговлю. Еще важнее были родственные отношения: именно поэтому Павел, Варнава и их помощник Марк сначала отправились на остров Крит, в город Саламин, где находилась родина Варнавы.

Евреи и язычники

Не будь этой удобной цепочки из еврейских общин и синагог, Павлу вряд ли удалось бы так стремительно перемещаться по стране и так быстро распространять новое учение. Еврей был своим везде, где существовала местная диаспора. Новичка, даже если лично его никто не знал, встречали здесь как родного человека, предлагали помощь и кров, забрасывали вопросами о новостях, приглашали на религиозные собрания и т. д. Проповедь Павла всегда происходила по одной схеме: он приходил в новый город, обращался в еврейскую об-

шину, посещал субботние собрания и произносил речь в виде комментария к Священному Писанию. Во время выступлений Павел много говорил о личном опыте и опыте других апостолов: как он стал христианином, как встретил Христа на пути в Дамаск и пережил обращение, о чем учил Иисус и что происходило на Тайной вечере. Он старался внести в проповедь живой, личный элемент, заразить других своим примером, силой своей веры. Не были чужды Павлу и чудеса. На Крите он ослепил язычника Вариисиуса, именовавшего себя магом и пророком, а в Троаде вернул к жизни юношу, упавшего из окна дома. В Эфесе он исцелял больных, которые обвязывались его поясом и другими частями одежды.

Только если проповедь среди иудеев оказывалась неудачна, апостол обращался к прозелитам (то есть приверженцам иудаизма, обращенным из язычников) и уже в последнюю очередь — к язычникам. Евреям, имевшим тысячелетнюю традицию иудейской веры, было труднее принять новое учение, чем язычникам, ничего не слышавшим ни о иудейском Боге, ни тем более о Христе. Иудеи видели в христианстве кощунственное извращение веры, предательство традиции и заветов предков, богохульство, ложь и соблазн. Первая проповедь апостола обычно вызывала у евреев недоумение, которое быстро перерастало в открытую вражду. Чем больше иудеи узнавали Павла и его «благую весть», тем ожесточенней его преследовали. Следуя за ним из города в город, они старались расправиться с ним сами или уничтожить руками римлян. В Листре евреи побили апостола камнями за богохульство, а в Коринфе пожаловались властям, что он учит чтить Бога не по Закону. Павла такое отношение в конце концов ожесточило. Он был искренним патриотом и говорил, что любит свой народ настолько, что ради него готов отказаться даже от вечного спасения. Павел всегда верил и думал, что евреи избраны Богом и рано или поздно спасутся, познав и приняв Христа. Но упорное сопротивление проповеди Христа заставило его сказать евреям немало горьких слов. «Вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам». Или еще резче: «Кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам».

Впрочем, реакция язычников тоже редко бывала дружелюбной. В Листре, где Павел излечил хромого, его и Варна-

ву встретили как языческих богов: Варнаву, более представительного, приняли за Зевса, а разговорчивого Павла — за Гермеса. Местный жрец даже хотел принести им жертву. Но теплый прием оказался следствием недоразумения, и путникам пришлось разубеждать жителей и объяснять, что они не боги, а слуги Божьи. В Филиппах местные жители обвинили Павла и его спутников, что «сии люди, будучи иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять». На самом деле авторов жалобы волновала не чистота римских нравов, а финансовый интерес: они рассердились на Павла за то, что он лишил пророческого дара их рабыню, которая приносила им доход. Теми же мотивами было вызвано возмущение против Павла в Эфесе. Здесь находилось одно из семи чудес света — знаменитый храм Артемиды со статуей многогрудой богини, которая, как считалось, упала с неба. В городе процветал культ Артемиды, привлекавший огромное число паломников. Вокруг него кормилось множество людей: ювелиров, изготавливавших миниатюрные модели храма из серебра, мясников, продававших жертвенное мясо, целителей и заклинателей, торговавших снадобьями и талисманами. Проповедь нового Бога грозила отобрать у всех этих людей доходное ремесло, поэтому против Павла вспыхнуло возмущение, едва не кончившееся расправой.

Что касается римлян, то большинство из них не понимало и не замечало христианства, пока оно не затрагивало их личные интересы и не нарушало римскую законность. В Коринфе на жалобы иудеев проконсул Галлион, брат знаменитого философа Сенеки, равнодушно ответил, что не видит в этом никакого преступления и не хочет разбираться в иудейских дрязгах. Он отпустил Павла, не заинтересовавшись ни его личностью, ни проповедуемым им учением. В Филиппах после доноса евреев Павла с товарищами арестовали, отобрали одежду, избili палками, посадили в тюрьму и забили ноги в колодки; но на следующий день, узнав о римском гражданстве Павла, местные власти извинились и отпустили его на свободу: закон сурово карал тех, кто не соблюдал права граждан. Законопослушные римляне сами не раз защищали Павла от разгневанных иудеев и даже спасали его от смерти. Так было в Иерусалиме, где римские солдаты вырвали апостола из рук разбушевавшейся толпы.

Путешествия

Маршруты первых трех путешествий Павла хорошо известны. Начав с Крита, он перебрался в Малую Азию и прошел по южным и восточным областям современной Турции — гористой и пустынной местности с малочисленным и полудиким населением. Цицерон, побывавший в этом краю примерно ста годами раньше, писал о нем как о жалком и убогом месте, где живет только неотесанная деревенщина. Путникам все время приходилось ехать по голой и пустой равнине, где изредка встречались стада ослов; в дороге было холодно, особенно по ночам, источников попадалось мало, поэтому воду приходилось покупать. Встречавшиеся по пути города больше походили на деревни, огороженные частоколом, где порой даже не говорили по-гречески. Зато местные горы славились разбойничьими шайками, которых римляне не могли известить в течение нескольких столетий. Когда Павел писал, что его не раз грабили разбойники, скорее всего, он имел в виду именно эти места.

Павел не был свободен в своих перемещениях. В это время уже существовали границы миссий разных апостолов, которые не должны были пересекаться: во-первых, чтобы не тратить время зря, во-вторых, чтобы не создавать разногласия и смуту в общинах, основанных разными апостолами. В Малой Азии Павел оказался так тесно зажат между уже занятыми сферами влияния, что ему пришлось перебраться в Европу, девственную территорию, где еще не проповедовал ни один апостол. Здесь он посетил греческие Филиппы, Фессалоники, Афины и Коринф. В Фессалониках его снова арестовали, но у него нашелся родственник и поручитель, некий Иасон, вызволивший его из тюрьмы. В Афинах апостола возмутили нагие «идолы» и привлек храм бога-целителя Асклепия: Павел был неравнодушен к медицине. Но больше всего его заинтересовали знаменитые афинские философы. Кто, как не они, мудрецы, любители истины, могли принять живую и высшую истину по всей ее полноте — Иисуса Христа? Павел сделал попытку обратить последователей школы стоиков и эпикурейцев, которые собирались на городской площади и беседовали на философские темы. Он произнес речь, по-риторски умелую и искусную, начав с похвалы афинян за благочестие и упомя-

нув стоявшую в городе статую «неведомым богам», которых он переделал в «неведомого Бога», отождествив его с Христом. Сначала толпа слушала его внимательно, но, когда Павел заговорил о воскресении из мертвых, его репутация сразу упала: его сочли несерьезным человеком, «суесловом», который вместо философских истин проповедует какие-то сказки. «Об этом мы послушаем в следующий раз», — насмешливо бросили греки и разошлись по своим делам.

В первые годы путешествий Павел часто переезжал из города в город, но позже он предпочитал подолгу оставаться в каком-нибудь крупном центре: сказывались возраст и накопившаяся усталость. В двух городах, Коринфе и Эфесе, он провел в общей сложности четыре года. Коринф был богатым морским портом, торговой и деловой столицей Греции и местом проведения знаменитых Истмийских игр. В этом космополитичном центре, известном своими публичными домами и развращенностью нравов, Павел обрел богатого покровителя Гая, на вилле которого он подолгу гостил и работал. Эфес — четвертый по величине городе после Рима, Александрии и Антиохии, столица Малой Азии и резиденция проконсула — стал для апостола почти вторым домом, где его окружали самые близкие и дорогие люди.

Во время своих странствий Павел нашел немало верных последователей и преданных друзей. Среди них были Тимофей, сын грека и иудейки, один из любимых его учеников, к которому он относился как к родному сыну; Онисифор, беглый раб, спасенный им от разгневанного хозяина; Аполлос, красноречивый и хорошо образованный юноша из Александрии; Лука, странствующий врач, будущий автор Евангелия и Деяний; собратья апостола по ремеслу палаточники Акилла и Прискилла, муж и жена, изгнанные вместе с другими иудеями из Рима по указу императора Клавдия. В ближний круг апостола входили также его первый помощник евангелист Марк, с которым они снова помирились, Тит, Иуст из Коринфа, Аристарх Македонянин. Среди последователей Павла всегда оказывалось много женщин, часто первыми отвечавших на его проповедь и помогавших ему во время странствий. В Листре это были Лоида и Евника, бабка и мать Тимофея, в Афинах — Дамарь, жена Дионисия Ареопагита, в Кенхрее — коринфянка Фива, ставшая потом диаконисой.

Трудности в первых общинах

С новыми христианами, обращенными Павлом, дело обстояло не так благополучно, как можно было ожидать. Среди них попадались самые разные люди: иудеи и греки, нищие и богачи. В одной группе могли оказаться владелец крупного поместья и его беглый раб. Склонности и вкусы у всех тоже были разные: одни строго держались иудейства и предпочитали в простоте душевной петь псалмы, других больше интересовали чудеса Иисуса, третьи были настроены экзальтированно и мистично, переживали по три откровения за день и начинали «пророчествовать» прямо на собраниях, говоря на непонятных языках. Павел благоразумно пытался сдерживать таких людей, введя специальный регламент на пророчества: не больше двух-трех «выступлений» на одном собрании с обязательным их толкованием.

Правила и нормы христианской жизни тоже соблюдали далеко не все. Некоторые христиане из язычников продолжали есть жертвенное мясо, участвуя в праздниках, которые начинались с жертвоприношений и заканчивались поеданием мяса убитых жертв. Павел старался относиться к этому терпимо, различая веру в языческих божеств и необходимость традиций, которым продолжали следовать многие новообращенные. Поэтому тем, кто оказался в гостях у язычников, он советовал не заботиться о том, что за мясо им предлагают в угощение, и есть все спокойно. Если же им скажут, что это мясо жертвенного животного, следует отказаться: не потому, что такая пища сама по себе вредна (это безразлично, потому что «пища не приближает к Богу»), но чтобы не искушать других. Гораздо больше Павел осуждал тех, кто приходил на священную трапезу христиан только для того, чтобы наесться, и набрасывался на еду, даже не дожидаясь других братьев. Ему приходилось разъяснять, что не для этого они собираются на трапезу, что здесь им даются плоть и кровь Христова. А кто голоден, тот пусть сначала наестся дома и тогда приходит.

Но главные проблемы исходили не изнутри общины, а извне. Из Иерусалима по пятам Павла следовали приверженцы иудейского Закона, которые старались перетянуть обращенных Павлом христиан на свою сторону. Павел видел, как единая вера «святых» постепенно раскалывалась на группки

и секты. Выяснялось, что новообращенные христиане непостоянны и нетверды, готовы последовать чуть ли не за каждым новым проповедником, увлечься новой верой или новым толкованием учения. Пока Павел был в Коринфе, в Фессалониках началась смута, связанная с приходом новых проповедников: среди членов общины распространились апокалиптические настроения, все ждали конца света, никто не работал, только молились. Коринфская община тоже распалась на группы по именам лидеров, которых они считали своими руководителями: кифины, то есть обращенные Петром (Кифой на греческом), аполлосовы, павловы. В ответ Павел пытался противопоставить принцип христианского единства: «Один Бог, одна вера, одно крещение».

Падала и нравственность. Павел в одном из посланий упоминал, что в общине появился некто, кто живет с женой собственного отца, и предлагал изгнать его из общества верных. Другие вели тяжбы между собой и обращались для этого к светскому суду. Апостол считал это постыдным для христиан, которые должны быть судимы своими братьями, а не язычниками.

Не успевая лично бывать везде, где требовалось его присутствие, Павел начал писать письма. В них он излагал свою жизнь, учение, исправлял ошибки и заблуждения в общинах, отвечал на вопросы. В то время писать собственноручно было не принято, это считалось занятием рабов-ремесленников, поэтому Павел только диктовал письма вслух и удостоверял их своей подписью: «Приветствие моею рукою, Павловой, что служит знаком во всяком послании». Послания Павла были не просто частными письмами: их читали на общих собраниях как вразумление и руководство к действию. Это самые ранние христианские тексты, появившиеся еще раньше, чем Евангелия.

Римское письмо

Письма в Риме писали часто, но почта существовала только для официальной переписки. Частные послания доставляли как кто мог — со знакомыми, курьерами, торговыми людьми и т. д. Письма обычно были краткими: приветствие, краткая информация, пожелания. Было принято писать лаконично, в пределах 300 слов. Письма писались на листьях папируса густой тушью,

тростниковым пером, без пробелов и знаков препинания, обычно умещая все на одном листе. Лист сворачивали в трубочку, перевязывали и запечатывали, а с внешней стороны писали адрес.

Смута в Иудее

После долгих путешествий обратный путь в Палестину стал для Павла не столько возвращением домой, сколько движением навстречу гибели. Апостола томили дурные предчувствия, что в Иерусалиме его ждут «узы и скорби». В свой любимый Эфес, на который Павел потратил два года, он даже не заехал, зная, что местные иудео-христиане настроены против него.

В Иудее апостола встретили брожение и беспорядки. Прокуратор Феликс боролся с бурной волной националистических и мессианских движений. То и дело в окрестностях города появлялись новые пророки и чудотворцы, увлекавшие за собой народ и обещавшие освобождение народа и Израиля. В самом Иерусалиме начался террор так называемых «сикариев» (полатыни *sicaïras* означает «палачи»; само слово — производное от названия короткого кинжала). Это было радикальное крыло партии фарисеев, грозившее смертью всякому, кто поддерживает римлян и отворачивается от веры отцов. В любой момент в толпе на площади или на узкой улочке сзади мог появиться человек со спрятанным под одеждой маленьким кинжалом: один быстрый удар, и труп оставался лежать на земле, а убийца бесследно исчезал. Иосиф Флавий, живший в то время в столице Иудеи, писал, что «каждый ожидал внезапной смерти».

Римляне держали Иерусалим под контролем, расположив войска в крепости Антония, стоявшей высоко над городом. Несмотря на это, здесь то и дело происходили вспышки возмущения. Во время Пасхи какой-то солдат с насмешкой показал паломникам неприличный жест, и его стали забрасывать камнями; в город были введены военные отряды, и началась давка, в которой погибло 20–30 тысяч человек.

Приехав в Иерусалим, Павел сразу попал в атмосферу вражды и обвинений. Местные христиане упрекали его в отступлении от Закона и отрицании обрезания. Чтобы не оказаться отщепенцем в иерусалимской Церкви, Павлу пришлось доказывать, что он правоверный иудей, следующий всем древ-

ним ритуалам. Он согласился пройти специальный обряд очищения, включавший жертвоприношение в иудейском храме и продолжавшийся целую неделю. Но это не помогло: Павла обвинили в том, что он ввел в святое место необрезанного язычника — своего ученика Трофима. Это считалось преступлением, которое каралось смертью. Павла схватили и потащили за город, чтобы убить. Спасли апостола римские солдаты, следившие за всем происходящим с крыш домов; они буквально вынесли его на руках из толпы, кричавшей: «Смерть ему!» Командовавший войсками трибун Клавдий Лисий приказал арестовать Павла, заковать в цепи и посадить в крепость для разбирательства дела.

После ареста Павла доставили на суд Синедриона, где он вел себя как заправский адвокат и умело сыграл на партийных разногласиях между фарисеями и саддукеями, заявив, что все дело вовсе не в Иисусе и не в христианстве, просто саддукеи преследуют его за фарисейскую веру в воскресение. Фарисеи охотно поддержали своего собрата и заявили, что не видят в нем ничего дурного. В самом деле, что плохого в том, что он проповедует воскресение из мертвых? Кто знает, может быть, с ним действительно говорил ангел или дух? Дело начинало все больше запутываться, и трибун Лисий, узнав, что Павел не местный, отправил его к проконсулу Сирии Феликсу, временно заменявшему более крупное начальство — прокуратора Кесарии.

В Кесарии Павел снова выдвинул свою версию, что саддукеи преследуют его за учение о воскресении. Защищаясь перед Феликсом, он старался показать себя не христианином, а фарисеем, законопослушным гражданином и верным сыном своего народа, которого враги пытаются очернить из политических соображений. Павел повел свою речь так, что к нему было невозможно придаться с точки зрения закона: он служил вере своих предков, что одобрялось Римом; он пережил мистическое видение, что не его вина и что в то время признавалось вполне возможным; наконец, пережив озарение от Бога, он проповедовал только то, что уже давно было предсказано Моисеем и пророками: Христос первым воскреснет из мертвых и «возвестит свет» иудеям и язычникам. Наконец, видя, что положение складывается не в его пользу, Павел потребовал предоставить его «суду кесаря»: это означало, что его должны отправить в Рим для прямого суда императора, на который он имел право как римский гражданин.

В Риме

Четвертое, и последнее, путешествие Павел совершил не по своей воле: почти все оно прошло под конвоем и в кандалах. Павла отправили в Рим под охраной во главе с центурионом Юлием, мягким и разумным человеком, который благожелательно относился к узнику и по дороге позволял ему сноситься со своими друзьями и получать от них помощь. На место суда арестантов обычно доставляли пешком, «по этапу», но в Кесарии нашлось попутное судно, поэтому Павел отправился морем. Плавание оказалось долгим и опасным: попавший в шторм корабль две недели носило по волнам, пока не выбросило на мель. Только через полгода, чудом спасшись после кораблекрушения и укуса змеи, Павел перезимовал на острове Мелит и благополучно добрался до Италии.

Весь сухопутный отрезок пути от Путеол до Рима апостол и его спутники прошли пешком, толкаясь среди толп людей с вьючными животными и страдая от москитов и грязной воды. Двигаясь по Аппиевой дороге, они преодолевали по 20 километров в день, а ночью останавливались в тавернах и на постоянных дворах, где можно было поесть и переночевать. К этому времени в Риме было уже много христиан, которые почтительно встретили великого апостола на Аппиевой площади и проводили в город. В Риме Юлиан сдал арестантов местным властям, и Павел поселился в частном доме вместе с охранявшим его воином, ожидая суда. По закону римскому гражданину, находящемуся под судом, позволялось вести обычную жизнь под надзором полиции: это было что-то вроде современной подписки о невыезде. В таком положении он провел еще два года, проповедуя учение Христа и дожидаясь своих обвинителей из Иудеи. Но никто так и не явился: между иудеями Рима и Палестины было мало общения и после того, как Павел уехал из Иудеи, все быстро успокоилось и дело кончилось ничем.

Конец жизни Павла — уже не факты, а легенда. По одной из версий, он проповедовал в Испании, снова побывал на Сицилии и Крите, посетил Сирию и Македонию и обошел многие из основанных им церквей. В Эфесе его арестовали и вновь отправили пешком в Рим, где тогда царствовал Нерон, объявивший себя богом. Из тюрьмы Павел написал письмо к Тимофею, жалуясь на то, что все «асийские оставили его», вер-

ным остался только Онисифор, который сам нашел его в Риме и помогал ему. Похоже, в это трудное время вокруг Павла осталось совсем мало людей, среди них три или четыре верных ученика: Лука, Марк, Тимофей. Наконец Павлу был вынесен смертельный приговор. Его вывели за город на Остийскую дорогу, где и совершилась казнь. Он помолился, глядя на восток, потом «склонил голову и не произнес более ни слова».

Как римский гражданин, Павел был не распят, а обезглавлен. На месте его казни христиане поставили памятный знак, и через несколько веков здесь возвели церковь Сан-Паоло-фуори-ле-Мура, одну из четырех крупнейших базилик Рима. Под ее алтарем до сих пор хранится невскрытый саркофаг с останками Павла. Лишь недавно в нем было проделано микроскопическое отверстие и с помощью зонда взята проба, показавшая, что внутри содержатся выкрашенная пурпуром льняная ткань, пластина из золота, голубое полотно и красный ладан. Внутри самой церкви по периметру расположены медальоны с портретами всех римских пап, из которых некоторые еще остаются пустыми. По преданию, как только будут заполнены все медальоны, история человечества закончится и наступит конец света.

До края земли

Евангелист Лука подробно описал путешествия Павла, и некоторые эпизоды его жизни мы знаем буквально по часам. Плавание апостола из Кесарии в Путеолы в изложении евангелиста напоминает судовой журнал: с подробностями установки парусов, измерениями глубины и точными сведениями о числе пассажиров. Лука дотошно сообщал, что на борту было 76 человек, включая корабельную команду, солдат и арестантов, что шторм продолжался две недели и под конец пришлось выбросить в воду весь груз и даже личные вещи, чтобы облегчить судно. Он увлекательно рассказал о том, как корабль сел на мель и матросы хотели сбежать с него на лодке, а солдаты — перебить пленников, чтобы они не могли скрыться в суматохе. Трудно представить себе более детальное и добросовестное повествование.

Другим апостолам повезло меньше: у них не было собственных биографов. Кроме миссионерских поездок Павла сегод-

ня более или менее достоверно известно только о смерти двух Иаковов: Старшего, брата Иоанна Богослова, и Младшего, «брата Господня» по прозвищу Праведный. Оба были казнены в Иерусалиме по приговору Синедриона: старшему отрубили голову мечом, а младшего побили камнями и сбросили с крыши Храма, где он часто молился. По легенде тело Иакова Старшего было положено учениками в лодку и долго плавало по морю, пока не пристало к берегу на западе Испании. В IX веке саркофаг апостола случайно обнаружил местный епископ, и на месте находки был воздвигнут храм и город Сантьяго-де-Компостела — одно из главных мест паломничества у западных христиан. Что касается Иакова Младшего, его больше почитали в самом Иерусалиме: здесь еще долго хранили в качестве реликвии резное кресло, на котором он часто восседал.

Сведения о других учениках Христа почти целиком уместаются в одной фразе Оригена: «Фома получил в удел для проповеди Парфию, Андрей — Скифию, Иоанн — Азию, где и скончался в Эфесе; а Петр — в Понте, Галатии, Вифинии, Каппадокии и Азии проповедовал иудеям рассеяния и, наконец, прибыв в Рим, был распят вниз головой». Остальное было сочинено позже, сотни лет спустя, в виде апокрифических мифов и сказаний, написанных разными благочестивыми людьми. Читать эти произведения трудно и часто неловко. Обычно это сложные и подробные истории со множеством действующих лиц, похожие на авантюрный роман, к тому же не очень увлекательный. Вот типичный сюжет «апостольского романа»: приехавший в новое место апостол изгоняет беса из дочери важного сановника, разгневанный царь принимает его за колдуна, но, когда тот исцеляет от неизлечимой болезни его брата или жену, охотно принимает христианство вместе со всеми приближенными. В этих книгах встречается множество чудес, воскрешенных юношей, оклеветанных девственников, злобных жрецов и говорящих животных. В «Деяниях апостола Иуды Фомы» дикие ослы не только беседуют с апостолом, но и произносят длинные речи перед народом. Очень часто в апокрифах описывается борьба со злыми силами, воплощенными в отвратительных языческих жрецах и духах тьмы. Например, Иоанн Богослов проводит много времени в поединках с магами, наподобие тех, какие апостол Петр устраивал против Симона-волхва. На острове Патмос Иоанн вступает в публичное соревнование с местным жрецом Кнопсом и разоблачает его

бесовские фокусы, утопив колдуна в море. В другом эпизоде он проявляет еще большее могущество, показав себя истинным «сыном грома» (прозвище, которое дал ему Иисус): «Иоанн, воздев руки к небу, начал молиться — и тотчас настала на земле жара и зной великий, и попадало из множества людей до 200 человек, и все они умерли, а прочие едва пришли в себя от страха и умоляли Иоанна о милости, ибо ужас и трепет напали на них. Когда же Иоанн помолился Богу, все умершие воскресли, и припали все к Иоанну и, уверовав во Христа, крестились».

Так или иначе, христианские предания и исторические факты говорят о том, что лучи новой веры быстро расходились от Иерусалима по всему Востоку. Если верить традиции, Иоанн и Филипп проповедовали в Азии, а Фома, Симон Зилот и Иуда Иаковлев (он же апостол Леввей и апостол Фаддей) — в Парфии, объединявшей Персию, Армению и Месопотамию. Петр и Андрей, Варфоломей и Матфей выполняли свою миссию в Боспорском царстве, расположенном на черноморском побережье. Варфоломей путешествовал также у «индов», проповедовал в Албании и скончался в Армении. Впоследствии, когда александрийский епископ Пантен отправился с миссионерской целью в Индию, он обнаружил там Евангелие от Матфея, оставленное Варфоломеем.

Об апостоле Фаддее в разных преданиях говорится по-разному: по одной версии он мирно скончался в Финикии, по другой — мученически погиб в Египте или Армении. Насколько достоверны такие сведения, можно судить по тому, что местом смерти Матфея называют и Сирию, и Финикию, и Абиссинию, а Симона Зилота — пять или шесть мест, от реки Евфрата до Грузии и Британии. Немного больше говорится об апостоле Андрее: он жил на северном побережье Черного моря, вероятно, бывал в Крыму и скончался в городе Патры, откуда его мощи позднее были перенесены императором Констанцием в Константинополь. Что касается апостола Фомы, то он проповедовал в Эдессе и Сирии, скончался в Индии, а его прах был перенесен в сирийскую Элессу. Существует предание, что эдесский царь Авгар V написал Иисусу Христу письмо, в котором просил исцелить его от болезни, и Иисус пообещал отправить к нему одного из своих апостолов: это и был Фома (а может быть, Фаддей или Аддай — не известно, разные это лица или одно и то же), который исцелил Авгара. Вместе с Фомой Иисус отправил царю Свой неруко-

творный образ, который через тысячу лет почитался в Византии как величайшая святыня.

Евангелист Марк проповедовал христианство в Египте и мученически скончался в Александрии 4 апреля 63 года. Есть легенда, что Марк, идя по Александрии, разорвал обувь и обратился к башмачнику Анниану, который во время работы укололся иглой и воскликнул «О Боже!» Марк ухватился за этот возглас, чтобы начать проповедь, и сделал это так успешно, что Анниан стал преемником Марка на александрийской кафедре. Марк проповедовал и в Ливии, в том числе в Кириенее, родине того самого Симона Кириянина, который перед Голгофой нес за Иисусом Его крест.

Несмотря на успехи апостолов, христианство не всегда закреплялось и удерживалось там, где проповедовалось. Его ростки часто засыхали и увядали на чужой почве. Так было в Скифии, Индии, Аравии, Эфиопии, где христианство возродилось заново только после того, как стало официальной религией империи. В Персии, где к власти пришли Сасаниды, настроенные консервативно и националистически, христианство не имело успеха с самого начала. В Египте проповедь продвигалась трудно, потому что апостолы говорили на греческом, а местное население, копты, не любило греков и всего, что относилось к эллинизму. На юге дело обстояло еще хуже: здесь римские правители едва сдерживали варварские народы и заключали с ними договоры, заставляя их клясться языческими богами Озирисом и Исидой: смена религии привела бы к разрушению всех договоров. Поэтому на юге Египта до VI века официально существовал языческий храм, пока Юстиниан не разрушил это «капище», приказав арестовать всех его жрецов. Южнее Египта, где-то в районе Судана, Сомали и Эфиопии, существовало Аксумское государство, имевшее зачатки эллинской культуры: в этом полусказочном экзотическом царстве епископом был вполне реальный Фрументий, сын греческого философа Мерония, погибшего в Аксуме во время путешествия.

Как и предрекал Иисус, христианство было проповедано по всему миру, но в немалой степени — еретиками. У раскольников-ариан тоже были свои знаменитые апостолы и святые, например Феофил Инд, проповедовавший христианство в Аравии. Феофил был отправлен с дипломатической миссией к химьяритам и так поразил их своей святостью и чудесами,

что химьяритский царь, по вероисповеданию иудей, принял христианство и построил в своих городах церкви. Миссионерской деятельностью к югу от Египта занимались в основном еретики-монофизиты, поэтому копты в Эфиопии были — и до сих пор остаются — монофизитами. По разным причинам церковь в Персии позже впала в несторианство, а в Армении — в монофизитство.

В Западной Европе христианство появилось позже, чем на Востоке. Раньше всего оно попало в Рим, хотя и здесь местные общины долгое время оставались греко-еврейскими: об этом можно судить по тому, что первые десять или двенадцать римских пап говорили на греческом языке. Дальше на Западе новое учение расходилось медленно и неравномерно, образуя отдельные островки в Галлии, Испании и Северной Африке. Из дошедших до нас обрывков сведений можно сделать вывод, что во II веке большие общины христиан существовали в Лионе, в III веке — в Тулузе, Вьенне, Лютеции (будущем Париже), Трире, Реймсе и Кельне. Сохранились имена некоторых мучеников и епископов того времени: Сатурнина, епископа Тулузы, которого привязали к хвосту разъяренного быка при императоре Деции (250 год), св. Мартина, знаменитого епископа Турского, Дионисия Парижского. Об Испании известно только то, что первый собор там состоялся в Эльвире в 306 году. В Галлии первый известный нам собор был созван в Арле императором Константином, и на нем уже присутствовало три епископа из Британии. В Венгрии, по преданию, христианство пошло от епископа Антиохийского Кирилла, которого в конце III века сослали в каменоломни Паннонии. Там он обратил в свою веру нескольких каменосечцев — скульпторов, которые позже были убиты Диоклетианом за то, что отказались делать статую бога Эскулапа.

Глава третья. Жизнь ранних христиан

Апостолы, пророки и учителя

Хотя первые общины христиан были собраниями равноправных верующих, среди них с самого начала выделялись люди, обладавшие особыми дарами и авторитетом: их называ-

ли апостолами, пророками и учителями. Первые должны были странствовать, распространяя веру, вторые — давать откровения для верующих, а третьи — растолковывать учение.

Апостолами считались ученики Христа или ученики этих учеников, многие из которых сами видели Господа, за что получили имя «самовидцев». Это было первое поколение христиан, главной целью которых являлась проповедь нового учения. Само слово «апостол» происходит от греческого «посылать». Иисус говорил, что послан Отцом и так же посылает в мир Своих учеников: «Как послал Меня Отец, и Я посылаю вас» (Ин. 20, 21). Задача учеников Иисуса заключалась в том, чтобы идти и проповедовать слово Божие, поэтому они проводили время в постоянных странствиях. Приходя в места, где еще не слышали о Христе, апостолы провозглашали «благую весть», крестили иудеев и язычников, создавали новые общины и шли дальше, назначая старшим кого-нибудь из новообращенных. Проповедь апостолов отличалась тем, что они несли еще свежее, первоначальное откровение веры, исходившее как бы от Самого Христа. В отличие от последующих миссионеров, это были не хранители веры, а ее создатели, первоисток, которому верили так же, как верили живому Христу. Поэтому у апостолов были особые, божественные дары, почти не встречавшиеся после: знание языков, пророческие видения, постоянное чудотворство.

Проводя всю жизнь в пути, апостолы часто возвращались к основанным им церквям, чтобы проверить и укрепить их дух. Переходя от общины к общине, они везде получали помощь и почтительный прием. Но постепенно значение апостольства стало угасать. Поколение самовидцев умерло, христианство было проповедано по всей империи, а вместо настоящих тружеников веры появилось много лжеапостолов, шарлатанов, ходивших по общинам под видом «пророков», чтобы питаться и жить за их счет. Христианам приходилось соблюдать осторожность, чтобы отличать истинных учителей от проходимцев. В документе II века «Учение двенадцати апостолов» (известном также как «Дидахе») говорилось, что каждого странствующего апостола следует принимать как самого Господа, но не более чем на один или два дня. «Если кто проводит три дня в одном месте, тот не апостол, а лжепророк». В дорогу апостолу давали только хлеб, чтобы он мог питаться им до следующей остановки, «если же просит денег, это лжепророк».

Всякий, остающийся в общине, должен был трудиться и кормиться своим ремеслом, но если со временем он зарекомендовал себя как «истинный пророк», то мог получать пропитание в качестве духовного лидера и учителя.

О пророках известно гораздо меньше, чем об апостолах. Они тоже ходили от общины к общине и выступали в собраниях верующих, впадая в экстаз и изрекая то, к чему их побуждал Святой Дух. Часто эти речи были темны и невняты: пророки произносили «странные, почти безумные и совершенно непонятные слова» (Цельс), которые нуждались в толковании. От верующих требовалось с полным доверием и без обсуждения принимать то, что ими говорилось. «Всякого пророка, говорящего в духе, не испытывайте и не судите, ибо всякий грех отпустится, а этот грех не отпустится», — сказано в «Дидахе». Видимо, пророки или те, кто себя за них выдавал, злоупотребляли этим доверием, потому что их репутация быстро падала. Писатель того времени Ерм обвинял пророков в том, что они забыли свое назначение — быть проводниками Святого Духа — и превратились в оракулов, предсказывавших будущее за деньги. К III веку пророки в Церкви исчезли вместе с апостолами.

Немного дольше существовали странствующие учителя — дидакалы. Их миссией было не мистическое откровение, а рациональное и трезвое разъяснение учения Христа. Но и они скомпрометировали себя «краснобайством», еретичеством и тем, что сами не делали того, что проповедовали. К концу III века о дидакалах уже ничего не слышно.

Апостолов, пророков и дидакалов заменили епископы, которые унаследовали их власть и авторитет.

Наследники апостолов

Уходя из созданных ими общин, апостолы оставляли вместо себя заместителей — старейшин (пресвитеров) или надзирателей (епископов). Вполне возможно, что и сами апостолы, не видя вокруг себя поля для миссионерской деятельности, стали оседать на местах и превращаться в епископов или пресвитеров. Церковный писатель Феодор Мопсуестский говорил, что вначале во главе церквей стояли апостолы, а их преемники уже не смели себя так называть и назвались епи-

скопами. Епископство представляло собой уже как бы иное, менее высокое состояние служения, имевшее другое назначение и требовавшее иных качеств.

Епископы-пресвитеры не странствовали, как апостолы: они всегда оставались вместе с общиной и являлись центром и оплотом веры, вокруг которого спланивалась паства. Начиная со II века в церковной литературе появлялось все больше высказываний о высокой миссии епископства. Игнатий Антиохийский, отправляясь на мученичество в Рим, наставлял своих собратьев: «без епископа ничего не делайте», «где епископ, там должен быть и народ», «что одобрит епископ, то Богу приятно». Иринеи Лионский считал, что епископ гарантирует правильность веры. Если чего-то не знаешь или сомневаешься — иди к епископу: он не скажет тебе ничего нового, но точно передаст то, что сохранил сам. Епископ говорит не сам от себя, а только то, что услышал от своего учителя, который услышал это от своего, и так далее вплоть до апостолов, слышавших это от Христа. Отсюда гарантия чистоты веры.

Но епископ не только хранил веру. Епископ передавал благодать, полученную апостолами от Господа, другим епископам и пресвитерам через особое таинство рукоположения — хиротонию. Хиротония наделяла служителей Церкви дарами Святого Духа, которые позволяли осуществлять церковные таинства, прежде всего евхаристию, и давали власть прощать или не прощать грехи: «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20, 23). Поэтому для Церкви всегда была так важна апостольская преемственность — прямая непрерывная цепочка передачи благодати через рукоположение новым епископам. Стоило этой цепочке прерваться, и благодать была бы утрачена, а значит, были бы невозможны никакие таинства, невозможна евхаристия, невозможно поставление новых епископов и священников, невозможна сама Церковь.

Постепенно значение епископов настолько возросло, что их стали отождествлять с самой Церковью. В III веке святой Киприан писал: «Тебе надлежит знать, что епископ в Церкви, а Церковь в епископе, и кто не с епископом, тот вне Церкви». Он считал, что в Церкви не должно быть никого выше епископа, каждый из которых независим и самодостаточен, действует по своему усмотрению и отдает отчет одному Богу. Впрочем, епископ мог, по своей доброй воле, советоваться

с паствой, и тот же Киприан говорил, что никогда ничего не предпринимал без совета со своей общиной.

Епископы постоянно общались и переписывались друг с другом, поддерживая связь внутри единой Церкви. С конца II века уже известны соборы, на которые съезжаются епископы, чтобы решать общие церковные дела, обычно в рамках какой-то одной области: Рим, Карфаген, Эфес, Антиохия. Когда праздновать Пасху? Как относиться к христианам-отступникам, которые раскаялись и хотят снова вернуться в Церковь? Можно ли христианам занимать государственные должности? Эти и подобные им вопросы обсуждались на местных соборах. Решения их были не обязательными, а рекомендательными. Никто не мог принудить епископа выполнить решения собора, он поступал по своему усмотрению. Например, карфагенский собор постановил, что еретиков надо перекрещивать заново (то есть крещение, осуществленное еретиками даже с апостольской преемственностью, недействительно). Многие епископы с этим не согласились и продолжали принимать еретиков без перекрещивания.

Когда речь шла о нарушении основ веры — то есть епископ становился еретиком, — собор мог его низложить и отлучить от Церкви и назначить другого. Однако если епископа поддерживала паства, у Церкви не было средств заставить его выполнить свое постановление. Часто возникали расколы внутри общин, когда одна часть признавала назначенного собором епископа, а другая стояла на стороне старого. Но епископ-раскольник со своими сторонниками в любом случае оказывались вне католической Церкви и превращались в секту.

Епископа избирали все члены христианской общины. К кандидатам предъявлялись строгие требования, но они были уже не так высоки, как к семи диаконам, избранным на апостольском соборе. Там говорилось о людях «изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости», достоинства же епископа были более практичные, земные. Апостол Павел писал, что епископом должен быть человек, «хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякой честностью; ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?». В другом письме он дополнял: епископ должен быть непорочен, муж одной жены, детей иметь верных. Все эти качества указывали не столько на

ревностного христианина (это подразумевалось само собой), сколько на солидного, надежного человека, пользующегося хорошей репутацией в обществе. Упоминание дома и детей не случайно: обращение в христианство часто происходило семьями, вместе со всеми рабами и домашними, поэтому семейная ячейка нередко превращалась в ядро новой общины, а глава дома естественно становился главой этой общины, то есть епископом.

Католики и православные

Православным (или ортодоксальным, то есть «правильно учащим») изначально считалось все христианство. Слово это начали употреблять примерно с IV века, когда хотели отделить правильное церковное вероучение от еретического. Понятие «кафолическая», то есть всеобщая или вселенская, Церковь впервые появилось у епископа Игнатия Антиохийского во II веке. Долгое время оно тоже относилось ко всему христианству в целом. Разделение на католиков и православных произошло только после раскола церквей в XI веке: к западной отошло условное определение «католическая», а к восточной — «православная», хотя каждая из них до сих пор считает себя и католической, и православной.

Пресвитеры, диаконы, диаконисы и вдовицы

Изначально в Церкви существовало строгое правило: один город — одна община — один епископ. Но когда христиан стало больше, это уравнение пришлось нарушить: общины образовались в мелких селениях и деревнях, в каждой из которых верующим также требовались люди, которые могли совершать евхаристию — главное таинство христианства. Можно было, конечно, поставить епископов в каждую деревню: так и произошло в некоторых областях, например, в Африке, где появились хор-епископы, то есть деревенские епископы. Но в большинстве мест епископы остались только в главных городах, а мелкими церквями стали управлять пресвитеры.

Пресвитеры, или, как их сейчас называют, священники и иереи, выделились из епископов. Игнатий Антиохийский в начале II века уже отличал одних от других: «Следуйте епископу как Иисус Христос Отцу, а пресвитерству — как апостолам». Из этого сравнения видно, что пресвитеры, или священ-

ники, — меньшая ступень в церковной иерархии. На практике это выражается в том, что у епископов и священников разная степень благодати: епископ может рукоположить священника, но епископа может рукоположить только другой епископ (или, точнее, «сонм», то есть собор епископов — как минимум трое). Евхаристию также может осуществлять только епископ или те, кому он доверит. Поэтому, если пресвитер причащает верующих в своей общине, он делает это только потому, что ему доверил епископ. Деление на епископов и священников сохранилось до наших дней, так же как и третий главный чин церковной иерархии — диаконство.

Сан диакона — древнейший, он появился раньше епископов и пресвитеров. «Диакон» в переводе с греческого значит «служитель». Учреждение этой должности связано с началом разногласий в первой иерусалимской общине: жалобой эллинов на пренебрежение к вдовицам. «Тогда двенадцать Апостолов, созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости; их поставим на эту службу, а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова. И угодно было это предложение всему собранию; и избрали Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святаго, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников; их поставили перед Апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки» (Деян. VI, 2—6).

С исчезновением апостолов диаконы стали помощниками епископов, продолжавшими, как и раньше, «пещись о столах», то есть заниматься хозяйственной деятельностью. Диаконом становился человек, как правило, молодой и энергичный, хорошо знавший свою паству и заботившийся о нуждах каждого собрата по вере. Большое значение придавалось тому, чтобы он не был пьяницей и корыстолюбцем, поскольку диаконы имели доступ к церковным деньгам и раздаче милостыни. Эту должность ставили в Церкви очень высоко. Диаконы ходили к узникам и больным, раздавали деньги и еду; они должны были не только помогать тем, кто приходил к ним с протянутой рукой, но и самим искать нуждающихся. Им предписывалось, как сказано в одном документе V века («Завешание»), «обследовать постоянные дворы, нет ли там калек и больных, не обнаружится ли какой-нибудь всеми брошенный боль-

ной». Диаконами могли быть и женщины — они назывались диаконисами и имели то преимущество, что могли свободно проникать туда, куда мужчинам путь был заказан, например в женскую половину дома, к знатым христианкам, состоявшим в браке с язычниками.

Еще одна исчезнувшая ступень в христианской иерархии — вдовицы. Община особенно заботилась о самых неимущих членах — вдовах, потерявших своих мужей и не имевших никаких средств к существованию. Очевидно, из них выбирали старшую, которая следила за обеспечением всех остальных. Вдовицами становились пожилые женщины безупречной репутации, хорошие матери и жены, имевшие только одного мужа, известные своими добрыми делами, помогавшие странникам и беднякам и почитавшие апостолов («умывавшие ноги святым», как писал апостол Павел).

Где собирались христиане

В каждом городе еврейская община открывала синагогу — в переводе с греческого «собрание», — которая служила местом для общих молитв, религиозных проповедей и обучения детей. Настоящего богослужения в синагогах не проводилось, поскольку, по понятиям иудеев, жертвы Богу могли приноситься только в Иерусалимском храме, который к этому времени был уже разрушен. Правда, в Александрии был построен другой храм, точно такой же, как Иерусалимский, но палестинские евреи не признавали ни этого храма, ни совершавшихся в нем богослужений.

Когда христиане окончательно разошлись с иудеями, синагоги оказались для них закрыты. У ранних последователей Христа не было особых зданий, храмов, алтаря — всего, что сейчас кажется неотделимым от церковной жизни. Первые общины собирались просто в частных домах богатых христиан. (Отсюда появился аргумент противников раздачи всего имущества — «раздай все, что имеешь», по словам Христа. У кого же тогда собираться, если все раздадут свои дома? И кто будет кормить бедных, давать милостыню?) Обычно для этого выбиралась сама просторная комната — столовая. Если места не хватало, ломали стены и перегородки, превращая весь дом в огромный зал, или собирали деньги и брали в аренду ка-

кое-нибудь большое помещение. Иногда собрания происходили под открытым небом, чаще всего на кладбище или в саду, примыкавшем к дому.

Собрания происходили в субботу вечером, хотя воскресенье не было для первых христиан днем отдыха. В Римской империи воскресенье не существовало, так же как и счета по неделям: месяц делился не по семь, а по восемь дней (на ноны, иды и календы). Отдыхали только в нерабочие и праздничные дни, которых за год насчитывалось почти две сотни. Для христиан воскресенье было днем, следовавшим за субботой по иудейскому календарю: в этот день произошло воскресение Христа, и его праздновали как еженедельную Пасху. Позже император Константин Великий официально сделал языческий *dies solis*, «день солнца», посвященный богу Гелиосу, «днем Господа», то есть воскресным днем, а 25 декабря — праздник солнечно-го бога Митры — праздником Рождества Христова.

Церковь на заре христианства была закрытым обществом, доступным лишь для посвященных. В христианскую общину можно было попасть только по рекомендации одного из ее членов. Этот же человек обучал новичка началам веры, обрядам и правилам жизни христиан. Подготовительный период заканчивался крещением, которое описано в «Дидахе»: «Совершайте крещение следующим образом: обучив всему, что предшествует таинству, крестите во имя Отца и Сына и Святого Духа в проточной воде. Если нет холодной проточной родниковой воды, то крестите в теплой воде. Если же нет в достаточном количестве ни той, ни другой воды, трижды окропите водой голову во имя Отца и Сына и Святого Духа». Крещение проводили на открытом воздухе или в специальных закрытых помещениях с купелями — баптистериях. В воду погружались полностью обнаженными, снимая с себя все украшения, женщины при этом распускали волосы. Во время обряда исполнялся особый гимн: «Проснись, о спящий, восстань из мертвых, да озарит тебя Христос, солнце воскресения, взошедшее до утренней звезды». Выйдя из воды, крестившийся облачался в белые одежды и надевал на голову венец; на лбу у него рисовали особый знак, символизировавший его соединение с народом Божьим.

Богослужения и молитвы

Ранний культ христиан был связан с солнцем, которое провозжали в субботу вечером и встречали воскресным утром, считая солнечный свет символом Бога Сына и Бога Отца. В одном из христианских гимнов того времени говорится: «Мы на закате солнца любимся светом вечерним, воспевая Отца и Сына и Святого Духа Божия». Солнце восходит на востоке, а восток считался местом, откуда исходит свет истины; там находились Иерусалим и райский сад, оттуда начинался новый день, который символически отождествлялся с будущим царством Божиим, Днем Господним. И сейчас одно из самых древних церковных песнопений «Слава в вышних Богу...» начинается с возгласа священника: «Слава Тебе, показавшему нам свет!»

Богослужение первых христиан было исполнено простоты и искренности. На рассвете они собирались где-нибудь в уединенном месте, чтобы встретить утро нового дня хвалой Господу. Вечером устраивали «вечери любви», агапе, на которых вкушали совместную трапезу и, в подражание апостолам на Тайной вечере, причащались телом и кровью Христа. Богослужения велись на греческом языке и совершались сидя. Они начинались с приветствия епископа или пресвитера, затем чтец зачитывал отрывки из Евангелий, Ветхого Завета и посланий апостолов, неканонические теперь «Послание Климента» и «Пастырь» Ерма, послания римских пап и местных епископов вроде Сотера, Зефирина или Киприана. После чтения пелись псалмы, потом священник говорил проповедь и благословлял хлеб и вино; все верующие возносили благодарственные молитвы и причащались. К чаше с вином прикладывались по очереди, хлеб давали каждому в руки, некоторые уносили его с собой домой и ели там.

В домашней жизни христиане молились утром и перед сном, и еще три раза днем, как следовало по иудейскому обычаю, — в третий, шестой и девятый час дня. Поскольку день начинался в шесть утра, по современному исчислению это было в 9.00, 12.00 и 15.00. Часы молитвы имели символическое значение: в 9 часов на апостолов в Пятидесятницу сошел Св. Дух («третий час» по Новому Завету), в полдень апостол Петр имел видение о корзине с пищей, которое подвигло хри-

стиан к проповеди среди язычников, а в 15 часов («девятый час») умер на кресте Иисус Христос. Кроме того, молились перед едой, перед мытьем в бане, во время приветствий и прощаний, перед началом дела или по окончании работы. Многие вставали среди ночи и возносили молитвы Богу. Св. Кириан считал, что каждый новый час дня нужно начинать молитвой. Климент Александрийский писал о христианине: «В то время, когда он занимается, говорит, отдыхает или читает, он молится». В сущности, молиться следовало непрерывно, сопровождая каждый свой шаг и каждое действие молитвой.

Поначалу для молитв и богослужений использовали ветхозаветные псалмы. Псалом 140-й служил вечерней молитвой, псалом 62-й — утренней. После появления Евангелий на собрании общин начали читать Евангелия и другие книги христианских авторов, например «Пастырь» Ерма. Из чисто христианских молитв чаще всего звучали «Отче наш» («Богородице, Дева» появилась гораздо позже, в V или VI веках) и хвалебные песни, сочиненные кем-либо из благочестивых верующих. Молитвы мог составлять каждый, кто хотел: предполагалось, что искренняя вера и Св. Дух подскажут нужные слова.

Молились стоя или на коленях, подняв голову к небу, раскинув руки в виде креста, лицом к востоку (считалось, что с этой стороны приходит «духовный свет»), мужчины — обнажив головы, женщины — накиннув плат. Известный богослов Тертуллиан советовал не слишком запрокидывать голову, не размахивать руками и потише произносить молитву. Некоторые девушки приходили на молитву без платка, ссылаясь на то, что апостол Павел заповедал покрывать голову «женам», а они еще не замужем, но Тертуллиан разъяснял, что под «женами» подразумеваются все женщины вообще. Существовал старый обычай сбрасывать перед молитвой верхнюю одежду, который Тертуллиан осуждал, говоря, что так поступают язычники, а «христианский Бог слышит и тех, кто имеет на себе плащ». Недостаточным рвением считалось не умывать перед молитвами рук, сидеть или тем более лежать во время их чтения. Миссионер Феофил Инд, вернувшись из путешествия, был недоволен тем, что Евангелия стали слушать сидя.

Крестное знамение

В обыденной жизни христиан было легко узнать по их обывению на все накладывать крестное знамение. В первые века оно имело форму не четырехконечного креста, а латинской буквы Т: так выглядел стгх *commissa*, один из видов римских крестов, на которых распинали преступников. Христиане крестились не тремя пальцами, как сейчас, а одним большим — им изображали маленький крест на лбу. Позже появилось двоеперстие, обозначающее две природы Иисуса Христа, божественную и человеческую, а еще позже троеперстие — во имя Святой Троицы.

Христиане крестили не только все части тела, но и одежду, мебель, стены, книги, посуду и постель. Один римский муж, решивший избавиться от своей жены, догадался, что она тайная христианка, увидев, как она крестила перед сном кровать. Подвижник Ефрем Сирийский писал: «Без креста ничего не предпринимайте: ложитесь ли вы спать или встаете, работаете или отдыхаете, едите или пьете, путешествуете по суше или плаваете по морю, постоянно упражняйте все ваши члены этим животноносным крестом». Кресты ставили, рисовали, вешали повсюду в доме, их вышивали на одежде и носили на шее. В VII веке Трульскому собору пришлось даже запретить помещать изображение креста на пол, чтобы никто не попирал его ногами.

За едой

Есть за обедом полагалось так, чтобы утолить голод, но не больше. Разнообразие в пище не приветствовалось, так же как смех и вольные разговоры за столом. «Наши разговоры не только целомудренны, но и трезвенны, — писал один из церковных авторов того времени Минуций Феликс, — ибо мы не позволяем никакой болтовни, веселость умеряем важностью и трезвыми речами». Обжорство, обилие вина, шумная музыка считались неприличными и неблагочестивыми, допускались только «скромные и целомудренные» мелодии во славу Господа.

Примером правильного поведения христиан за столом и во многих других случаях служит книга «Педагог», написанная

александрийским епископом Климентом. Предписания Климента для вечерних трапез чаще всего напоминают правила хорошего тона: не пачкать едой рук, сохранять чистой бороду, поменьше разговаривать, особенно с полным ртом, к блюдам прикасаться сдержанно и благопристойно, не пить, пока не прожухешь пищу. Он предлагает и меню, приличествующее на христианских трапезах: «Можно употреблять лук, маслины, овощи, молоко, сыр и, если угодно, мясо вареное и жареное. Из яств самые удобные для употребления суть те, которые приготавливаются без помощи огня, потому что с ними менее хлопот; потом те, которые не обременительны для желудка и дешевы». Вино осуждалось, как разжигающее похоть, и употреблялось только как лекарство. Но если уж пьешь, то соблюдай приличия и достоинство: «Не нужно хвататься за чашку с чрезмерной жадностью, не нужно неприлично водить глазами перед тем, как пить, не нужно предлагаемое для питья поглощать непристойно с невоздержанностью, чтобы не замочить бороды, не залить одежды, что случается, когда питье вливается залпом».

Женщины-христианки, на взгляд Климента, вели себя на трапезах слишком кокетливо: нарочно пили из узких бокалов, чтобы нешироко открывать рот, и в то же время обнажали шею, словно хотели показать мужчинам хотя бы то, что можно. Юношей и незамужних девушек, по его мнению, лучше вообще не пускать на совместные трапезы, чтобы не разжигать страсти. За едой допустима скромная и целомудренная музыка, но не шумные песни и пляски; веселье, шутки и остроты должны быть изгнаны, как неприличные для христиан. Позже Лаодикийским и Седьмым Вселенским соборами христианам запрещалось «скакать и плясать» на свадьбах, присутствовать при мимических представлениях (часто непристойных) и исполнении «сатанинских» песен.

Одежда и внешний вид

Ранние христиане осуждали как красивую одежду, так и украшения, привлекавшие противоположный пол. «Девы ни для кого не должны украшаться, — писал Климент Александрийский, — не должны нравиться никому, кроме их Господа. Дева, привлекающая взоры юношей и возбуждающая

в них страсти своими нарядами, не может быть целомудренной и скромной в душе». Правда, замужним женщинам полагалось некоторое послабление: «Женам, живущим в брачной обстановке, иногда можно и снисхождение оказывать и позволять наряжаться с целью нравиться мужу. Но пределом их желаний при этом должно оставаться именно желание нравиться только своему мужу».

Суровый Тертуллиан полагал, что женщинам вообще подобает носить скорей траур, «ибо через вашу прапamatерь Еву грех вошел в род человеческий». Климент, наоборот, предпочитал белый цвет: «Как дым свидетельствует об огне, хороший цвет лица и пульс — о здоровье: подобно этому белизна одежд свидетельствует о состоянии нравов между нами». По мнению александрийского епископа, «женщины должны одеваться в одежды простые, но приличные; конечно, они могут быть из более мягкого материала, чем мужские, но все же не такие, в какие одеваются женщины, потерявшие всякий стыд и распустившиеся в изнеженности».

В заботе о женской нравственности Климент доходил почти до восточной паранджи. «От жены в особенности желательно, чтобы она выходила из дома совершенно закрывшись. Это сообщает ей вид степенности, но и для высматривателей она остается невидимой, так что никакого преткновения из сего не выйдет ни для нее самой, ибо ее глаза нравственной стыдливостью и покрывалом будут прикрыты, но и никакому постороннему мужчине собой она греха не навяжет». С другой стороны, мужчинам с женщинами лучше совсем не встречаться, даже если они полностью закрыты. «Должно избегать присутствия в обществе женщин и старательно уклоняться от встречи с ними; для внесения в свою душу греха вовсе не необходимо прикосновение; может быть греховным уже и простой взгляд».

Климент решительно восставал против ювелирных украшений. Допускалось носить только золотое кольцо на пальце для наложения печатей в доме — знак власти его хозяйки. Немаловажно было и то, какие изображения наносились на печать. «Для печати же мы должны пользоваться изображением голубя, или рыбы, или корабля с надутыми парусами, или же музыкальной лиры, какая изображена была на перстне Поликрата, или же корабельного якоря, какой на своем перстне приказал вырезать Селевк. Если кто рыбак, то перстень дол-

жен тому напоминать об апостолах или же о детях, воспринятых от вод крещения. Идолских же изображений на своих перстнях мы не должны гравировать; не должно и с каким-то почтением относиться к таким перстням; и перстней с изображением меча или лука не должны мы носить: мы ведь состоим друзьями мира; не должны мы иметь на своих перстнях и изображений различного рода кубков: мы ведь люди воздержанные». Новая вера, очевидно, не мешала некоторым христианам придерживаться непристойных обычаев язычества. «Многие носят перстни с изображением на них в нагом виде своих возлюбленных или из мужчин, или из женщин, как будто для невольного напоминания себе о своих любовных удовольствиях, чтобы не забывать о них, но постоянно вызывать их в своем воспоминании: это разнужданность».

Прически

Тот же дотошный Климент подробно и обстоятельно писал, какими должны быть прически, как женские, так и мужские. «Волосы на голове мужчинам следует носить коротко остриженными, за исключением случая, если они были бы курчавыми; на подбородке же должна быть отпускаема борода. Будучи причесаны, волосы не должны слишком спускаться с головы на манер женских локонов; для мужчин достаточно бороды. А если кто бороду подстригает, то не следует, по крайней мере, совершенно ее до гладкости состригать; мужчине сообщается этим вид отвратительный, и состригание бороды даже до кожи собой напоминает выщипывание и выглаживание». Автор «Педагога» объяснял, что длинные волосы неудобны тем, что мешают зрению. «А на верхней губе волосы нужно подрезать, чтобы при еде не пачкались; но не следует их все остригать, — это было бы некрасиво, — а только немного ножницами». Зато к бороде Климент относился с уважением: «она сообщает лицу достопочтенность и некоторого рода отеческую авторитетность».

Женские прически тоже не остались без внимания. Климент был сторонником естественной, природной красоты. Он считал, что волосы у женщины должны быть длинными, но без лишних украшений, потому что они красивы уже сами по себе: достаточно скромно заколоть косу на затылке какой-ни-

будь недорогой булавкой. «Завиванием же волос в пучки на манер, как это делается у гетер, и распусканием их по плечам локонами и плетками лицо бывает безобразно; для составления этих искусственных косичек срезаются и выщипываются волосы; из страха прическу испортить такие женщины не смеют дотронуться до своей головы; из-за заботы, как бы, забывшись, не сбить своей прически, они не осмеливаются даже спать спокойно». Накладные волосы и парики вызывали у него возражения не только с эстетической, но и богословской точки зрения: «Накладывание чужих волос на голову совершенно должно быть оставлено; украшать свою голову волосами другого, накладывать на нее мертвые косы поистине нечестиво; потому что на кого же пресвитер тогда возложит руку; кого благословит он? Не украшенную жену, а чужие волосы и из-за них другую голову».

Косметические ухищрения, считал епископ, вроде подкрашивания седых волос, напояживания и т. п., только портят женщину. Самая лучшая красота — это цвет здоровья. «И лиц своих женщины не должны пачкать вводящими в обман средствами обольстительного искусства».

Походка и поведение

Женщин,двигающихся слишком женственно и мягко или, наоборот, «виляющих хвостом», епископ Климент сравнивал с гетерами, проще говоря — со шлюхами. Замужним он ставил в вину «маслянистые взоры» и подмигивание, считая это прелюдией к супружеской измене, «перестрелкой желаниями». Очень живо и с большой иронией он описывал кокетливых женщин, которые «постоянно жуют мастику, прохаживаются взад и вперед, улыбаются проходящим; другие придают себе интересность тем, что подолгу возятся, как если б у них пальцев не было, с зашлифовыванием своих локонов булавкой для волос, прекрасно сработанной или из черепахи, или из слоновой кости, или другого какого трупного останка. Другие, опять-таки, стараются иным образом понравиться публике, разрисовывают себя различными красками и пачкают себе лицо, как если бы у них на нем цветы какие росли».

Не меньше доставалось и напыщенным мужчинам: «Не следует выступать на путях павлином; не следует с откину-

тым назад затылком осматривать встречающихся, если бы кто-либо из них обратил на него свое внимание; это неистовство — самодовольно расхаживать по улицам как бы по сцене так, что люди на него пальцами указывают». Судя по его описанию мужских занятий, за прошедшие тысячелетия они мало изменились. «Мужчины не должны по цирюльням, кабакам и трактирам слоняться, пустословя с ничтожными личностями, западни измышляя женщинам и для возбуждения смеха тысячи непристойных вещей злоречиво о ближних рассказывая. И игра шестисторонними кубиками нам недозволительна, а также и игральными костями, каковым играм многие столь усердно предаются ради корысти».

О браке и брачных отношениях

Церковь с самого начала призывала к сексуальной умеренности, в том числе и в браке. В отношениях между мужем и женой не должно было проявляться никакого сладострастия. Уже первые апологеты веры, Иустин и Аристид, утверждали, что брак допустим только для рождения детей. Их поддерживал Климент: «Бог хочет, чтобы род человеческий продолжался, но Он не говорит: будьте похотливы». Ему вторил Тертуллиан: «Христианин женится не ради плотской похоти». Само по себе плотское соитие и связанное с ним удовольствие считалось нечистым и греховным, если не вело к благочестивой цели.

Климент Александрийский строго регламентировал супружескую жизнь и предписывал время и обстоятельства, в которых допустимо брачное сожитие. «Не следует откликаться на таинственный зов природы в течение дня: например, нельзя совокупляться по возвращении из церкви или с рынка; нельзя на заре, когда поют петухи, в час молитвы, чтения или полезных дел, исполняемых в течение дня; нельзя вечером после ужина и благодарственной молитвы за полученные блага — в этот час подобает покой». Получалось, что на «таинственный зов природы» совсем не оставалось подходящего времени. В брачное сношение следовало вступать нечасто: чем оно реже, тем желаннее и приятнее. Целомудрие было необходимо соблюдать и ночью, в темноте. «Бесстыдные слова, гнусные фигуры, любодейные поцелуи» недостойны христианина. За-

прещалось соитие в первую брачную ночь — из благоговения к полученному накануне благословению от священника.

Формально брачный союз христиан ничем не отличался от брака остальных жителей империи. Церемония венчания появилась в Церкви только в VIII–IX веках. До тех пор супруги-христиане довольствовались официальным гражданским браком, дополнительно получая согласие и благословение местного епископа. Однако в некоторых случаях Церковь допускала брак, не одобренный государством. Так, в III веке папа Каликст I разрешил римским патрицианкам вступать в тайный союз с простолюдинами и рабами. «Незамужним женщинам, — писал его современник (и соперник) Ипполит, — достигшим зрелых лет и восплавленным любовью к человеку, не достойному их по своему социальному положению, но не желавшим при этом жертвовать своим собственным положением в обществе, он позволил как нечто законное соединяться с человеком, рабом или свободным, коего они выберут себе в сожители, и считать его супругом, не вступая в законный брак». В древних римских катакомбах осталась надпись, сделанная таким незаконным мужем на надгробии жены-патрицианки: «Флавии Сперанде, святейшей жене, несравненной матери всех, которая прожила со мной 28 лет и 8 месяцев без какой бы то ни было досады, Онесифор, муж светлейшей матроны, достойно заслужившей, сделал».

Евангелия

Климент Александрийский утверждал, что первое Евангелие написал Марк, ученик апостола Петра. Поскольку Петр учил устно, слушатели попросили Марка, обладавшего хорошей памятью, записать его проповеди, что он и сделал. Петр, узнав об этом, не одобрил, но и не порицал Марка. Евангелие от Марка — самое короткое из четырех, оно написано очень живо и динамично, хотя и грубоватым языком: Иисус в нем больше действует, чем говорит, а описания Его чудес выглядят особенно выпуклыми и наглядными. Считается, что Марк писал свое Евангелие для римлян, то есть для язычников, не имевших никакого представления об иудейской вере. Позже именно его чаще всего использовали мис-

сионеры для проповеди христианства среди несведущих и неподготовленных людей.

Другой раннехристианский авторитет, Ириней Лионский, считал, что первым Евангелие написал Матфей. Матфей проповедовал евреям, но решил идти к другим народам и, уходя, оставил вместо себя писание на еврейском языке. Это произошло в то время, когда еще были живы Петр и Павел, проповедовавшие в Риме. Матфей написал свою книгу для иудеев и в иудейском духе, поэтому в нем очень много цитат из Ветхого Завета, а сам его тон размеренный и слегка витиеватый, в раввинском стиле: это как бы настольная книга фари́сея, ставшего христианином и желавшего проповедовать новую веру соотечественникам.

Лука, ученик апостола Павла, составил свой вариант Евангелий, сам объяснив причину: поскольку многие «торопливо и необдуманно» взялись за изложение событий, он решил написать точную и правдивую историю на основе своих бесед с Павлом и другими апостолами. Книга Луки написана прекрасным языком, достойным греческой классической литературы, ее нестыдно поставить рядом с Плутархом или Фукидидом, с трудами которого Лука был хорошо знаком. Это работа умного и интеллигентного грека, наиболее привлекательная для образованных людей, обладающих хорошим вкусом и ценящих литературный слог.

Иоанн создавал свое Евангелие последним, много лет спустя, уже зная три других Евангелия. Поэтому он их дополняет и расширяет, сообщая, например, о самом начале проповеди Иисуса — до ареста Иоанна Крестителя — и совершенных Им в то время чудесах. Написанное в полуархаическом, полумедитативном стиле, Евангелие от Иоанна считается наиболее глубоким и духовным, трактующим учение Христа в философском и богословском смысле, близким по духу греческой и восточной мысли в лице гностиков и неоплатоников.

То, что четыре Евангелия описывали одни и те же события, нередко повторяя друг друга, наталкивало многих на мысль о создании некоего общего труда, объединявшего все свидетельства об Иисусе в цельное и последовательное повествование. Такие попытки время от времени предпринимались. Так, Татиан, ученик Иустина Философа, позже впавший в энкаратическую ересь, составил свод из всех Евангелий под названием «Евангелие от четырех». При этом он излагал текст еван-

гелистов своими словами «для исправления стиля». Ориген посвятил много времени сравнению разных переводов книг Нового Завета, но его главной задачей было не объединение Евангелий, а их толкование, заложившее основание особой церковной науки — экзегетики.

Чудеса

Чудеса в первых общинах были если не обычным, то довольно частым делом. Иерусалимский епископ Нарцисс, узнав, что в храме не хватает масла, превратил в масло воду, и братья потом долго хранили его у себя как святыню. Апостол Иуст Варнава выпил смертельный яд и остался невредим. Иринеи Лионский сообщал о воскрешении мертвых, происходивших по молитве братьев-христиан, как о случаях нередких и почти регулярных: «Когда среди братьев возникала нужда, то вся поместная Церковь пребывала в посте и усиленной молитве, и душа умершего возвращалась». Свидетельства о воскрешениях встречались в то время нередко: апостол Иоанн «силой Божией воскресил в Эфесе умершего», Петр вернул к жизни девицу Тавифу, апостолы Иасон и Сосипатр — царя Керикеры, а Павел — юношу Евтиха, упавшего с третьего этажа.

Иринеи считал, что в чудесах христиан не было ничего удивительного: естественно, что, получив благодать от Бога, они использовали Его дары. «Одни изгоняют демонов действительно и надежно, и часто, очистившись от злых духов, люди становятся верующими членами Церкви; другие предвидят будущее, имеют видения и пророчествуют; иные лечат больных и, возлагая на них руки, возвращают им здоровье; даже, как мы говорили, они воскрешали умерших, и те долго жили с ними». Все это было предсказано еще Самим Иисусом: «Будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы».

Кесареву кесарево

Первые общины христиан состояли из людей, почти не участвовавших в жизни государства. У них не было собственности, они не занимались никаким делом и ремеслом, прово-

дили время только в молитвах и общении с братьями. Но это положение быстро менялось по мере того, как христианство сознавало себя частью общества и вращалось в повседневную жизнь империи. Несмотря на то что христиане считали себя особым «небесным» народом, не имевшим пристанища на земле, внешне они не старались противопоставлять себя государству — наоборот, вели себя подчеркнуто дружелюбно. Одно из требований к епископам заключалось в том, что они должны иметь хорошие рекомендации от «внешних», то есть от язычников. То же самое относилось не только к епископам, но и ко всей Церкви: новой религии следовало быть на хорошем счету у римской власти. Это один из главных лейтмотивов первых христианских апологий: мы одни из вас, мы соблюдаем законы, платим налоги, молимся за цезарей и приносим пользу государству. Христианство хотело не ссориться с властью, а победить мир убеждением, личным примером и любовью, живя как мирные и добрые граждане империи. В этом был огромный положительный заряд новой веры: никакой враждебности, никаких проклятий на головы язычников, полная лояльность к правителям и одобрение римского владычества и *раха готана*.

Но в этом заключалась и опасность обмирщения. Живя в миру, раннее христианство не всегда отчетливо видело грань между церковным и мирским. Ясного представления о том, что должна представлять собой христианская жизнь, не существовало. Христианство как бы еще не знало, что можно, а что нельзя: в Евангелиях и проповедях апостолов не было инструкций на все случаи жизни, там давались только общие, основополагающие принципы, из которых постепенно выводились конкретные правила. А жить в обществе и не поддаваться его соблазнам было очень нелегко. Уже через сто лет после создания Церкви Климент Александрийский, строгий поборник христианской нравственности, упрекал своих братьев в суетности и фальшивом благочестии: «По-видимому, с благословением выслушав слово Божие, они оставляют его там, где выслушали, а вне церковного собрания, как бы умом рехнувшись, в обществе нечестивцев себя не помнят от удовольствия; внимая игре арфистов и арфисток, из себя они выходят при выслушивании их любовного чирикания, приходят в исступление от пения под игру на флейте, хлопают в ладоши, выпивают, позволяя себя осыпать и пакостить всякого ро-

да и другим сором и мусором, наметенным, натащенным и накиданным течением и веянием времени».

В общественной жизни многих христиан сплошь и рядом не замечались или не осознавались те заповеди Христа, которые, казалось бы, должны были составлять суть их жизни. В представлении молодого христианства частные и государственные добродетели существовали как бы параллельно: можно было быть христианином в первых, оставаясь язычником во вторых. Там, где речь заходила об интересах государства, личные правила и заповеди уходили на второй план; ради пользы общества христианин мог наживаться на торговле, судить и даже убивать. Если в Евангелиях говорилось, что никто не может судить другого человека, кроме Самого Господа, то в жизни христианин мог осуществлять земной и светский суд на основании государственного права. В Евангелии было сказано не заботиться о завтрашнем дне и уподобляться птицам и цветам, которые не сеют и не прядут; но в жизни верующий работал, служил, содержал семью и думал о прибылях так же, как язычник.

Торговля среди христиан процветала не меньше, чем у почитателей Сераписа или Юпитера. Попытка Климента Александрийского лишить христиан выгоды от купли-продажи («Кто что-либо покупает или продает, пусть не назначает тому цены двоякой, одну — для продажи, другую — покупную. Пусть называет он только одну истинную: через это останется он верным истине и хотя не получит прибыли, зато богат окажется справедливостью») выглядела наивной и нелепой — зачем тогда вообще торговать? Это прекрасно понимали Иринеи Лионский и Тертуллиан, которые одобряли торговлю при условии, что торгующий христианин не будет проявлять излишней алчности. «Даже теперь, став верующими, — писал Иринеи Лионский, — мы продолжаем приобретать. Но кто же продает, не желая получить прибыль от покупателя? И кто покупает без намерения что-либо получить от продавца? И какой промышленник занимается своим ремеслом не для того, чтобы получить выгоду?» В книге «Пастырь» Ерм осуждал торговцев-христиан, жадность которых, по его словам, удивляла даже язычников, но не отрицал купечество как таковое. То же самое относилось и к ростовщичеству. Эльвирский собор начала IV века признал право вести торговые операции даже за епископами: единственное ограничение заключалось в том,

что сам епископ не должен был покидать своей епархии, если же он хочет торговать в других областях, то «пусть пошлет сына, вольноотпущенника, наемного агента». Христианский максимализм — «оставь все и следуй за Мной» — заменялся языческим идеалом умеренности: честно судить, честно торговать, честно давать деньги в рост, честно воевать и управлять провинцией — вот все, что требовалось от христианина в частных делах и на государственной службе.

Армия

Особняком стоял вопрос о службе в армии, которую большая часть христиан считала вполне приемлемой и совместимой с духом Нового Завета. Обычно этот вопрос вообще не поднимался: он решался по умолчанию, как нечто само собой понятное и разумеющееся, словно ратное дело было таким же законным и почтенным ремеслом, как и всякое другое. Если о нем все-таки заговаривали, то заявленный в Евангелии нравственный императив, призывающий удаляться от всякого зла («не противьтесь злу силою»), дополнялся соображениями здравого смысла, согласно которым необходимо выбирать наименьшее из зол, применяя при случае и насилие, если воздержание от последнего само по себе является злом. При этом естественным образом появлялось понятие врага, противника, но уже не в качестве духовной сущности, требовавшей духовного сопротивления и отпора, а в виде материального злоумышленника, посягающего на твоих ближних, имущество, дом или страну. Еще Иоанн Креститель на вопрос воинов, что им нужно делать, чтобы покаяться и очиститься от греха, отвечал: никого не притеснять, не клеветать и довольствоваться своим жалованьем (то есть не грабить население) — как будто убийство на войне не входило в перечень рассматриваемых грехов.

В то же время в первые века христианства раздавалось немало голосов противников военной службы. В одном из ранних христианских сочинений, написанном примерно в начале III века, высказывалось осуждение верующим, желающим стать солдатами. Мученик Максимилиан, казненный за отказ служить в армии, объяснял свой поступок требованием веры: «Мне нельзя находиться на военной службе, потому что я хри-

стианин. Не могу быть воином, не могу творить зла, я христианин». Ригорист Тертуллиан, которого излишний аскетизм довел до еретичества, заявлял: «Разоружив Петра, Господь разоружил всех солдат». Св. Ипполит Римский грозил: «Ежели неофит или верный согласился стать солдатом, да будет он отвержен: он презрел Бога». А Ориген обещал: «Копья, коими мы некогда сражались, мы перековали на косы; мы не поднимем больше меч ни на один народ... ибо Христос сделал нас сынами мира».

Но большинство ранних авторов одобряло и поощряло службу в армии. Климент Александрийский считал, что солдаты-христиане должны оставаться в войсках и выполнять все приказы командиров, принося присягу государству. Иустин хвалил римских солдат, доблестно защищавших границы и благосостояние страны от врагов империи. Папа Климент сравнивал Церковь с армией, где дисциплинированные солдаты подчиняются центурионам. Дезертирство христиан из армии осуждалось Церковью как наносящее ущерб отечеству: галльские епископы, собравшиеся в Арле в 315 году, запретили христианам дезертировать из армии под страхом отлучения. При императоре Константине Великом, когда Церковь стала государственной, из мартирологов — списков мучеников, пострадавших за веру, — были вычеркнуты имена тех, кто погиб, отказавшись служить в армии по религиозным соображениям. Позже византийские императоры уже прямо требовали, чтобы всех погибших на войне с неверными объявляли мучениками, хотя Церковь с этим не соглашалась.

Покаяние

Не прошло и трех веков, как христианство, прежде изолированное и настроенное против государства, плотно вросло в языческий мир. Дошло до того, что некоторые христиане сами стали участвовать в языческих культах в качестве жрецов. К началу IV века христиан, занимавших городские должности и участвовавших в языческих церемониях, было уже так много, что собору епископов, собравшемуся в 305 году в городе Эльвире, пришлось высказать свое отношение к этим людям. Собор постановил, что тем, кто приносил жертвы и устраивал кровавые игрища, нельзя состоять в христианской общине до

конца дней; тем же, кто устраивал только праздничные игры, доступ разрешался, но лишь после соответствующего покаяния.

Вопрос о покаянии в это время стал особенно острым. Обретя в крещении новую жизнь и очистившись от всех грехов, христиане продолжали грешить и преступать заповеди Божьи. Что же делать с оступившимся братьями? Монтанисты, представлявшие в христианстве строгий аскетизм, настаивали на том, что каяться можно только один раз. Отпавший от Христа может быть еще раз прощен и принят в Церковь, но если он падет снова, то должен быть извергнут. Ерм, автор «Пастыря», допускал, что христианин после крещения может каяться больше одного раза, но все-таки не слишком часто: иначе покаяние превратится в формальность. На какое вразумление грешника можно рассчитывать, если он будет уверен, что получит прощение, сколько бы раз ни согрешил? Но постепенно в Церкви восторжествовала более мягкая позиция, которой она придерживается и теперь. Церковь — это общество грешников, а не святых; каждый христианин может упасть, но должен подниматься и идти дальше. В том же духе решил проблему римский папа Каликст: он первым предложил отпускать после покаяния даже самые тяжкие грехи. Церковь теряла при этом в святости, зато выигрывала в количестве приверженцев и широте распространения. Излишняя строгость к грешникам грозила превратить ее в замкнутую секту.

В конце концов Церковь приняла мирское общество и полностью примирилась с государством. Но отношение Рима к христианству оставалось резко отрицательным, и для этого у него были весьма важные причины.

Глава первая. Империя против Церкви

Недозволенная религия

Пожалуй, ни в одном другом государстве мира не существовало так много разных религий, как в Древнем Риме. Захватывая новые территории и страны, римляне присоединяли к своей империи не только населявшие их народы, но и почитавшихся ими богов. Благоразумный Рим вел очень мягкую религиозную политику и никогда не пытался навязать побежденным свою веру: он предпочитал «переманивать» на свою сторону чужих божеств, приспособлявая их под собственные вкусы. Облечившись в тоги и туники, варварские боги постепенно облагораживались и эллинизировались, превращаясь в часть римского пантеона. После этой метаморфозы империя проявляла широту взглядов и предоставляла своим подданным выбирать то вероисповедание, которое им нравилось, будь то культ Исыды, Кибелы или Митры.

Но религиозная «всеядность» римлян имела свои пределы. Следуя государственным соображениям, они строго различали религии дозволенные и недозволенные — *religio licita*

и *religio illicita*. Первые допускались и принимались как одобренные властью; вторые безжалостно преследовались и искоренялись всей мощью государства. При этом не имело значения, каких именно богов почитали запрещенные союзы: римских или каких-нибудь других. Когда однажды в Риме обнаружили тайное общество почитателей греко-римского бога вина Вакха, все 7000 членов этого общества были казнены.

Христианам в этом смысле не повезло: как только христианство стали отличать от иудаизма, римляне признали его недозволенной религией. На первый взгляд это кажется не совсем последовательным: если в Риме преследовали христиан, то почему терпели иудеев? Ведь иудейскую веру нельзя было ассимилировать и вообще как-то примирить с другими языческими культурами: как и христианство, она отрицала язычество как таковое. Дело было в том, что у римлян существовало два важных правила, по которым определялось, какую религию можно считать дозволенной и законной: религия должна была быть, во-первых, древней и, во-вторых, национальной. Такой подход имел чисто практический смысл: то, что религия, будучи древней, оставалась узко национальной, гарантировало то, что она и дальше не выйдет за рамки одной нации. Это предохраняло государство от разрастания и экспансии новой веры. Поэтому иудейство дозволялось при условии, что евреи не станут распространять свою веру среди язычников.

Христианство представляло собой полную противоположность требованиям власти — оно было религией молодой, интернациональной и активно вербовавшей себе новых сторонников. Самого по себе этого было достаточно, чтобы запретить ее в Риме. Но расхождения между христианами и язычниками оказались гораздо глубже и серьезней.

Начать с того, что язычники и христиане по-разному относились к религии вообще. Нотки сомнения часто звучали в античном мире, когда речь заходила о религии. Вот пример одной древнегреческой эпитафии о загробном мире: «Харидант, что там, скажи, под землей? — Очень темно тут. — А есть ли пути, выводящие к небу? — Нет, это ложь. — А Плутон? — Сказка. — О, горе же нам!» Похоже, эллины не очень-то верили в собственные мифы. К тому же боги философов и боги общества были совершенно непохожими: если народ предпочитал традиционную веру и обряды предков, то философы искали источник истины и строили умозрительные концепции.

Это приводило к частым столкновениям и конфликтам, один из которых стоил жизни великому Сократу: афиняне казнили мудреца за введение «новых богов».

Римлян времен империи трудно было назвать «верующими» в христианском смысле слова. Искреннее благочестие ушло из Рима еще во времена республики, сохранившись только как национальная традиция и элемент государственной структуры. Скептически настроенные римляне и греки стояли примерно в таком же отношении к горячо верующим христианам, в каком современные европейцы стоят к религиозно настроенным мусульманам. Невозможно представить, чтобы кто-то из римлян пошел на костер ради Венеры или отказался отречься от Меркурия под страхом смерти, хотя многие из них были готовы умереть за родину или ради личной чести. К I—II векам официальная религия Рима превратилась в официозно-декоративный фасад, в котором главное значение имела только лояльность государству и императору. Христиан заставляли поклоняться не Юпитеру и Юноне (на самом деле чтить римских богов имели право только римские граждане, которых было не так уж много), а особому божеству, называемому «счастьем императора». Это было проявлением верноподданничества, а не религиозности. Религиозный фанатизм христиан казался римлянам безумным, непонятным, они видели в нем какое-то злобное и противоестественное ожесточение. Почему бы не принести жертву «фортуне императора», не отказываясь при этом от собственного бога? С точки зрения римлян, такое упорство могли проявлять только заведомые враги общества и государства, люди, намеренно ставившие себя вне существующей власти и человеческих законов. При этом Римская империя видела себя гуманной и миролюбивой, объединяющей и защищающей людей в прекрасном римском мире, где торжествуют закон, норма и порядок, а христиан — темными и разрушительными элементами, покушающимися на его устои.

Сталкиваясь с первыми христианами, греко-римляне то ужасались, то зажимали нос. Христианство ассоциировалось с чем-то грязным, порочным, извращенным, замкнутым в себе и прячущимся от солнечного света, вроде нынешней тоталитарной секты. В нем видели кучку диких и мрачных извергов, которые поклоняются ослиной голове, пьют кровь младенцев и предаются массовому совокуплению. Римское

общество со всей своей культурой, философией, искусством, государственным порядком и унаследованной от предков верой воплощало в себе благочестие и добро, а христианство — его отвратительный антипод, вызывавший чувство омерзения. Именно так писал о христианстве знаменитый историк Тацит: «Это зловредное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев». О самих христианах он отзывался как о людях, всеми «ненавидимых за их мерзости».

Подонки общества

В каких же «мерзостях» обвиняли христиан? В «Октавии», Апологии защитника христианства Минуция Феликса, язычник Цецилий дает краткое описание преступлений и пороков новой секты. Вот в чем они заключались по мнению типичного римлянина: «Эти люди узнают друг друга по особенным тайным знакам и питают друг к другу любовь, не будучи даже между собою знакомы; везде между ними образуется какая-то как бы любовная связь, они называют друг друга без разбора братьями и сестрами для того, чтоб обыкновенное любодееяние чрез посредство священного имени сделать кровосмешением». «То, что говорят об обряде принятия новых членов в их общество, известно всем и не менее ужасно. Говорят, что посвящаемому в их общество предлагается младенец, который, чтоб обмануть неосторожных, покрыт мукою: и тот обманутый видом муки, по приглашению сделать будто невинные удары, наносит глубокие раны, которые умерщвляют младенца, и тогда, — о, нечестие! — присутствующие с жадностью пьют его кровь и разделяют между собою его члены». «В день солнца они собираются для общей вечери со всеми детьми, сестрами, матерями, без различия пола и возраста. Когда после различных яств пир разгорится и вино воспламенит в них жар любострастия, то собаке, привязанной к подсвечнику, бросают кусок мяса на расстоянии большем, чем длина веревки, которою она привязана: собака, рванувшись и сделав прыжок, роняет и гасит светильник; под прикрытием темноты они сплетаются в страстных объятьях без всякого разбора».

Не менее странной и отвратительной римлянам казалась вера христиан в воскресение мертвых и близкий конец света. Что это за глупость — небу и звездам предвещать разрушение, а себе, умершим и разложившимся, вечное существование? Христианам ставилось в вину даже то, что Бог не защищал их во время гонений: «Он не хочет или не может помочь вам; значит, Он слаб или несправедлив». Помимо всех ужасов и преступлений христиане представлялись язычникам угрюмыми и мрачными существами, а их религия — унылой и безрадостной. «Вы не знаете развлечений, не участвуете в праздниках, не радуетесь жизни, не вкушаете ее удовольствий. Несчастные, вы и здесь не живете, и там не воскреснете».

Христиан презирали и ненавидели все — и простые люди, и просвещенные интеллектуалы, и представители власти. Народ смотрел на христиан как на богохульников и нечестивцев, не поклонявшихся богам и не имевших храмов. Своими гнусными поступками они вызывали ненависть богов и навлекали на землю всяческие бедствия — засуху, наводнения и т. п. Возможно, у язычников не было горячей веры, зато суевериями они не уступали никому другому, а христиане в их глазах сочетали в себе все самое дурное и опасное, что притягивало силы зла и могло обрушить их на добропорядочных граждан.

Образованные язычники с брезгливым презрением смотрели на экзотическое и чуждое учение, родившееся в среде неприятных и вздорных иудеев, полное сказочных чудес и пригодное только для глупой черни. Христианство называли религией рабов и женщин, популярной среди разного сброда и отбросов общества. «Жалкая секта, которая набирает в свое нечестивое общество представителей из самой грязи народной, — писал римлянин Цельс, — из легкомыслию своего пола». Общину христиан, по его мнению, составляли разные шерстяники, сапожники, кожевенники, которые проповедовали свое учение среди женщин и детей. Для римлян это было всего лишь сборище грязных нищих, поклонявшихся не то бунтовщику, не то бандиту, позорно казненному римским правосудием. Поклоняясь кресту, орудию казни, они почитали то, чего заслуживали сами.

Римских интеллигентов возмущало, что христиане не ценили римской культуры и высмеивали статуи богов. Статуи, ко-

нечно, не боги, но зачем разрушать произведения искусства? Христиане грозили концом света и предрекали Риму всякие ужасы. Они были равнодушны к гражданской и политической жизни общества, уклонялись от службы, не участвовали ни в какой политической деятельности, не любили и не ценили римской культуры. Они были настолько непонятны просвещенным римлянам, что их называли *genus tertium*, третий род, то есть нечто почти нечеловеческое.

Недоразумения усугублялись тем, что на взгляд язычников все христиане, ортодоксальные и сектанты, были на одно лицо. Многие ужасы, в которых обвиняли христиан вообще, действительно имели место среди сектантов. Церкви приходилось отвечать за причуды и крайности всех расколов и сект, которые отождествлялись с христианством. Цельс имел в виду монтанистов, когда писал: «Многие люди без роду и племени начинают по какому угодно поводу, в храмах и вне храмов, кривляться, как будто охваченные пророческим неистовством; другие, нищенствуя, бродят по городам и лагерным стоянкам, устраивая там такие же представления. Любому из них нет ничего проще, ничего привычнее, как заявить: «Я — Бог, я — Святой Дух»». В то время действительно многие объявляли себя пророками и предсказывали самые фантастические вещи, которым внимали доверчивые слушатели. Один такой пророк увел в пустыню толпу своих приверженцев вместе с женами и детьми — якобы на встречу со Христом, — после чего они заблудились в горах и едва не были перебиты войсками, принявшими их за бандитов. Епископа одного из черноморских городов стали посещать видения, он объявил, что через год наступит конец света, и уговорил свою паству распродать все свое имущество. Гностик Марк объявлял пророчицами красивых и богатых женщин, уверяя, что они могут говорить что угодно и это, даже помимо их воли, будет пророчеством от Бога; с помощью таких речей он прокрадывался в богатые дома и часто соблазнял своих учениц, так что им приходилось, по ироническому выражению Ириней Лионского, «скрываться с плодом, обретенным ими в результате общения с гнозисом». Николаиты проповедовали свободу плоти и общность жен, а сторонники Маркиона и Сатурнина, наоборот, придерживались крайнего аскетизма и пугали римских обывателей фанатичным отказом от брака и еды и призывами к мученической смерти.

ти. Именно такими людьми — странными, двусмысленными, экзальтированными и ненадежными — христиане выглядели в глазах римлян.

Апологеты

Церковь пыталась защищаться единственным доступным ей средством — словом. Первые христианские писатели, апологеты (по-гречески «апология» значит «защита»), появились во II веке, когда среди приверженцев нового учения оказались образованные люди. Они заговорили с римлянами по-римски, в той же манере и тем же языком, основанным не на мистических откровениях, а на логике и здравом смысле. Вооружившись знаниями и красноречием, апологеты старались победить предубеждение язычников и показать, каково христианство на самом деле.

Первым из известных нам апологетов был Иустин, прозванный Философом. Прежде чем обратиться к новой вере, Иустин долго учился у представителей разных философских школ: стоиков, перипатетиков, платоников. Однажды, блуждая в пустыне, он встретил некоего старца, сказавшего ему, что душа может познать Бога только в христианстве, которое является логическим завершением всякой философии. Иустин последовал этому совету и уверовал во Христа, хотя и внешне, и в душе остался философом, который рассматривал все прежние философские системы как частицы новообретенной истины. Он говорил, что философы являются христианами, сами того не зная. Достоинство христианства по сравнению с философией Иустин видел прежде всего в том, что за свою веру они были готовы пожертвовать жизнью. «Никто не верил Сократу, пока он не умер за то, чему учил, — писал он, — ради же Христа презрели страх и саму смерть как просвещенные, так и невежды». Слова у Иустина не разошлись с делом — он сам засвидетельствовал их мученической смертью.

Иустин Философ заложил основы христианской апологетики, очертив основной круг тем и выдвинув аргументы, которые часто использовали в полемике с язычниками его последователи: Татиан, Афиногор Афинянин, Ерм, Тертуллиан, Минуций Феликс, Мелитон Сардский и др. Все они писали примерно на одни и те же темы и выдвигали одинаковые до-

воды, поэтому порой может показаться, что защитой христианской веры занимался один и тот же человек.

На первом месте в спорах с христианами обычно стояло обвинение христиан в безбожии. Отвечая на этот упрек, апологеты указывали на то, что христиане верят в Бога и при этом — в истинного Бога. Само соразмерное и гармоничное устройство мира не только указывает на существование Создателя, но и говорит о том, что богов не много, а Бог один. То же самое мы видим в мире природы: один царь есть у пчел, один вожатый у овец, один предводитель у стада; в государстве власть тоже должна принадлежать одному правителю, только тогда оно будет устойчивым. В конце концов, и языческие философы считали, что Бог един: так учили Фалес, Анаксимен, Анаксагор, Пифагор, Еврипид, Платон, Аристотель. Почему же христиан, верящих в единственного Бога, называют безбожниками?

На самом деле, продолжали апологеты, только христиане верят в настоящего Бога. Тертуллиан писал: «Мы перестали почитать ваших богов с тех пор, как узнали, что их нет». Языческие боги не вечны: они когда-то родились и когда-нибудь умрут. Даже их почитатели признают, что они созданы из плоти и имеют страсти. Боги язычников — не настоящие, это бывшие люди, которых потом обожествили. Но самым важным аргументом против языческих богов была их безнравственность. «Развратны не мы — развратны вы и ваши боги», — с насмешкой говорил Тертуллиан. Да, христиане не строят храмы и не приносят жертвы, но не потому, что они безбожники, а потому, что Богу не нужно ничто земное. Это греки и римляне поклоняются статуям и идолам, то есть материи, а Бог есть дух.

Писателям, упрекавшим христиан в безнравственности, апологеты возражали, что как раз они и отличаются глубокой нравственностью, какая не снилась римлянам. У язычников царят разврат и кровосмешение, а христиане либо вступают в брак, чтобы иметь детей, либо хранят целомудрие. Среди них есть старики, которые всю жизнь прожили девственниками. Что касается оргий, которые они якобы устраивают по ночам, то это выдумки и ложь, основанные на слухах. Иустин описывал, как на самом деле проходят христианские богослужения: все собираются по воскресеньям (потому что в этот день Бог сотворил мир и воскрес Иисус), на собрании читают пророков и апостолов, слушают проповедь, причащаются, дают кто

что может предстоятелю, чтобы он распределял данное среди бедных. В христианской общине каждый заботится о другом, потому что все считают друг друга братьями. «Все у нас общее, — провозглашал Тертуллиан, — кроме жен». В этих словах заключался намек на учение Платона, который в своем идеальном государстве призывал к общности жен.

В ответ на частые обвинения в новизне учения апологеты заявляли, что христианство — не новая вера. Наоборот, это самая древняя религия, возникшая даже раньше, чем язычество. Все, кто получил просвещение от Логоса, то есть Бога-Слова, были христианами. Среди греков это Сократ и Гераклит, среди иудеев — Авраам и Илия. Верующих в Христа пытаются судить за то же, что и Сократа, — попытку отвергнуть старых богов, которые на самом деле демоны. Христиане недалеки и от Платона, который тоже считал, что души будут судимы после смерти.

Поскольку многие положения христианства казались римлянам нелепыми, апологеты старались как можно понятней их разжевать и разъяснить. «Как можно верить в распятого преступника, ставя его на второе место после Бога? — удивлялись язычники. — Или теперь нужно считать богом каждого, кто творит чудеса с помощью магии?» Иустин парировал: Христос Бог не потому, что творил чудеса, а потому, что божественно Его учение. Отдавать все, что имеешь, молиться за врагов, соблюдать целомудрие, всех любить и всем помогать — кто, кроме Бога, мог возвестить людям такие истины? Кроме того, рождение Иисуса предсказали пророки — мудрые люди, многие предсказания которых сбылись, а другие еще сбудутся. Это тоже доказательство божественности Иисуса.

Римляне спрашивали: разве у Бога может быть Сын? Конечно, отвечали апологеты, ведь и у Зевса есть сыновья, и им тоже приходилось страдать — например, Гераклу. Почему Христа называют Словом? Но и Гермеса тоже называют Словом, то есть вестником богов. Кто в здравом уме поверит, что мертвые воскреснут и встанут из земли вместе с плотью? Но материя не изначальна, объяснял Афиногор, а сотворена Богом, поэтому в воскресении нет ничего удивительного: если Он меня сотворил, то сможет и воскресить. Почему всемогущий Бог не помогает своим почитателям и не защищает их от казней и пыток? Потому что это «прекрасное зрелище для Бога, когда христианин борется с скорбью, когда он твер-

до стоит против угроз, пыток и казней, когда он смеется над страхом смерти и не боится палача!». Христиане терпят бедствия и страдания как воины, совершающие подвиги: «У нас не только мужчины, но даже отроки и женщины, вооружившись терпением в страданиях, презирают ваши кресты, пытки, зверей и все ужасы казней».

Одним из самых тяжелых и серьезных обвинений язычников была бесполезность и вредность христиан для государства. Апологеты опровергали этот тезис особенно энергично. «Мы живем вместе с вами, — возмущенно писал Тертуллиан, — пользуемся той же пищей, одеждой, у нас тот же внешний образ жизни, те же жизненные потребности. Живя с вами, мы не обходимся без форума, без рынка, без бань, без гостиниц, мастерских, ярмарок. Вместе с вами и подобно вам мы плаваем, отправляем военную службу, обрабатываем землю, торгуем. Я не понимаю, каким же образом мы можем оказаться бесполезными членами общества, в котором мы живем?» Наоборот, как раз с появлением христиан государство может рассчитывать на процветание и благоденствие. Христиане не совершают зла и преступлений, потому что боятся воздаяния от Господа. Они ждут царствия, но не земного, а царствования с Богом; иначе они не шли бы на смерть ради имени Христа, а постарались бы добиться своего уже в этом мире. «Не будучи одержимы пристрастием ни к славе, ни к почестям, мы не имеем нужды ни в скопищах, ни в заговорах; вселенная — вот наше государство».

То, что язычники клянутся в верности императору и приносят жертвы его гению, еще ничего не значит: ведь это не мешает им устраивать заговоры и убивать властителей, которых они лицемерно почитают. Христиане же никому не желают зла и всех любят, поэтому они искренне молятся за императора. Для христиан все люди братья, и язычники — тоже братья, хотя и плохие. Мы не признаем императора Богом, объяснял Иустин, но считаем его правителем людей и молимся за него и за благоденствие страны. К тому же у христиан есть важная причина молиться за здоровье императора: существование Римской империи отдаляет кончину всего мира и страшные бедствия, а «мы не хотим видеть ужасы конца света, поэтому желаем долговечности империи». Единственное, в чем нас обвиняют справедливо, едко заключал Тертуллиан, это в том, что доходы ваших храмов падают. Извините, что у нас не хва-

тает средств помогать и людям, и богам. Впрочем, мы даем всем, кто просит: если Юпитер протянет руку, подадим и ему.

Критика язычества

От защиты апологеты переходили к нападению. Пусть язычники объяснят, почему они уверены в божественности своей религии? Потому что она древняя? Но ссылка на древность не всегда справедлива. Мелитон Сардийский указывал, что не все древнее является правильным: надо наследовать только хорошее, а дурное оставлять. Ведь никто не захочет наследовать от предков бедность, а от увечных родителей — слепоту или хромоту. Предсказания и чудеса? Язычники верят в предсказания своих богов, но далеко не все они сбываются. Римляне проиграли в битве при Каннах, хотя гадания по цыплятам предвещали победу. Цезарь, наоборот, победил в Африке, хотя гадания запрещали ему отправляться раньше зимы. Что касается чудес, которые якобы делали языческие боги, то на самом деле их совершали демоны, то есть злые духи, чтобы ввести людей в заблуждение. Тертуллиан предлагал поставить наглядный опыт: призвать в суд какого-нибудь христианина и позволить ему изгнать из одержимого человека беса, а потом принудить его (то есть беса) публично признаться в том, что он и ему подобные обманывают язычников, действуя от имени богов.

Язычники хвалились своей культурой, образованием, философией, поэзией. В ответ Татиан изобразил поэтов и философов жалкими, развратными, непоследовательными и противоречащими себе. Аристипп — гуляка и распутник, Аристотель — льстец, ублажавший царя Александра, Сапфо — бесстыдница, воспевавшая в стихах свое бесстыдство. Ерм высмеивал противоречия философов и разнообразие их взглядов на мир и человека: «То я бессмертен и радуюсь; то смертен и плачу; то разлагают меня на атомы; я становлюсь водою, становлюсь воздухом, становлюсь огнем». Если мудрецы язычников не могут договориться между собой, как им судить о том, что правда, а что ложь?

Требования апологетов к правителям и государству были достаточно умеренны и разумны. Они не призывали императоров креститься или крестить всю империю, а скром-

но просили дать им равные права с другими философскими школами. Христиане настаивали, что хотят от государства того же, что хотят сами римляне, — справедливости. Судите нас по истине и справедливости, обращался Иустин к императору Антонину Пию, а не по предвзятому мнению и традициям предков. Тертуллиан, получивший юридическое образование и построивший свою «Апологию» с поистине адвокатским мастерством, обвинял язычников в том, что они преследуют христиан, ничего о них не зная, а «на свете нет ничего более несправедливого, чем ненависть к тому, чего не знаешь». Говорят, например: Кай хороший человек, но христианин, — не понимая, что, может быть, как раз потому он и хороший, что христианин. Христиан обвиняют, что они убивают и едят детей, предаются разврату, но при этом опираются только на слухи: «Вы толкуете об этом давно, но ни разу не подумали разузнать правду». Христианство запрещено законом, но кто мешает исправить плохой закон?

Писатели-апологеты приложили немало усилий, чтобы обелить свою религию в глазах Рима. Но своей цели они добились лишь отчасти. После их работ на христианство стали смотреть более серьезно: если раньше его просто не замечали, то теперь с ним начали спорить. Последователей Христа уже не обвиняли голословно в безнравственности и омерзительных обрядах. Если в начале второго века Плиний Младший считал новую религию просто уродливым суеверием, то на его исходе Цельс вел ученую полемику с христианскими сочинениями, стараясь доказать их несостоятельность. Спустя еще сто лет неоплатоник Порфирий довольно сдержанно, хотя и не очень убедительно подмечал противоречия в Священном Писании и пытался отделить учение Самого Христа от учения Его апостолов. Он считал, что Иисус вполне приемлем для язычников как национальный лидер, впоследствии обожествленный, и предлагал устроить что-то вроде компромисса с христианством.

Постепенно отношение и простых, и культурных римлян к христианству изменилось к лучшему. Но апелляции апологетов к императорам и попытки изменить нелегальный статус своей веры ни к чему не привели. Государство не изменило своим принципам и продолжало настойчиво преследовать *religio illicita*.

Читайте в приложении: Аполлоний Тианский, маг и чудотворец

Гонения

У правителей были свои причины не любить христиан. Любое государство по своей природе консервативно и стремится к самосохранению. Оно каменеет и дряхлеет в старых формах, всякое новшество для него — зло. В римском праве само обвинение против тех, кто готовил государственный переворот, звучало как «введение новых вещей». Философ Сенека говорил, что мудрый человек соблюдает обряды не потому, что они угодны Богу, а потому, что этого требует закон. Цельс писал, что новая религия плоха уже тем, что она новая, а не старая.

Для римлян христианство было непонятно не только своей внутренней сутью — в которую они сначала особо не вдавались, — но и внешним характером. Прозелитизм христиан, их стремление всех обратить в свою веру были римлянам чужды. Они не только не старались распространить свою религию на другие народы, а, наоборот, ревниво оберегали ее от чужаков. Религиозные взгляды вообще считались делом местным и национальным. Другие народы могли свободно почитать своих богов, какими бы они ни были. Да и отношение римлян к своим собственным богам не отличалось особым рвением. Существовала римская поговорка *Injuria deorum diis si ga* — за оскорбление богов пусть мстят сами боги. Римляне только смеялись, когда апологеты христианства вроде Тертуллиана говорили, что, заставляя христиан против воли приносить жертвы, они оскорбляют собственных богов. Если римляне и защищали своих богов, то только тем, что не позволяли проповедовать в Риме чужую веру.

Но официально христиан чаще всего обвиняли именно в безбожии — *sacrilegium*, то есть в отказе почитать признанных законом богов. Христиане возражали, что они чтут своего Бога, но для Рима важно было не то, во что они верят, а то, соблюдают ли они установленные властями правила. Формально оправдаться от обвинения в безбожии можно было не религиозной дискуссией, а простым фактом принесения жертвы богам или клятвой именем богов. Подобные обвинения в античном мире не были чем-то необычным и не раз выдвигались против самих язычников. В безбожии обвиняли, например, Пифагора, потому что тот был вегетарианцем

и не хотел приносить в жертву традиционного быка. Философу пришлось прибегнуть к хитрости, подменив его быком из теста.

Свидетели

На римские гонения Церковь ответила явлением мученичества. «Мученик», по-гречески *μάρτυς*, значит «свидетель», то же, что арабское «шахид». В отличие от мусульманства, в «шахидстве» христиан не было никакой агрессивности: быть свидетелем для христиан означало только не отречься от Христа, несмотря на пытки, страдания и смерть. За все время преследований со стороны Рима не было ни одного случая, когда христиане попытались бы сопротивляться силой. Они не устраивали восстаний, не защищали свои дома и семьи с оружием в руках, не вредили исподтишка властям, не пытались мстить за своих родных и близких. Нас уничтожают и пытаются, писал Тертуллиан, так неужели мы не могли бы хотя бы поджечь ваши дома? «Но не дай Бог, чтобы божественная религия употребила когда-нибудь человеческие средства к отмщению за себя».

Христиан часто обвиняли в фанатизме, но если мы посмотрим на то, как умирали мученики, то не обнаружим ничего похожего на фанатизм. В этих людях видны скорее достоинство, спокойствие, даже рассудительность. Излишнее рвение к мученичеству осуждалось Церковью. Во время гонений в Смирне среди верующих нашелся всего один отступник — некий Квинт из Фригии. Поначалу он с таким рвением стремился к мученичеству, что добровольно отдал себя в руки палачей, но когда дело дошло до «львиных пастей», смутился, согласился отречься от Христа и поклонился идолам. Церковь Смирны осудила его не только за вероотступничество, но и за излишнюю горячность, которая не подтверждалась Евангелием и противоречила поведению самого Христа. Христианин не должен сам спешить на казнь — он должен засвидетельствовать свою веру, если его о ней спрашивают.

Впрочем, нередко пример других мучеников был настолько заразителен, что верующий не мог перед ним устоять и сам обрекал себя на казнь. Вот характерная сценка из жизни римского общества того времени. Жена требует развода, потому что ее

муж предается беспробудному разврату. В ответ тот обвиняет ее в том, что она христианка, а заодно доносит и на ее учителя по имени Птолемей. Птолемея вызывают в суд, и префект по имени Урбик спрашивает: «Ты христианин?» — «Да». — «Казнить». Стоящий рядом Луций возмущается: нельзя же осуждать на смерть человека только что за то, что он христианин! Урбик спрашивает: «А ты христианин?» — «Да». — «Казнить». Тут подходит кто-то третий, безымянный, и уже сам говорит, что он тоже христианин. Его присоединяют к двум первым и казнят.

В самих мучениях, которые сейчас потрясают своей жестокостью, для римлян не было ничего необычного. Так тогда пытали всех преступников и подозреваемых. Показания рабов, даже ни в чем не виновных, принимались только после пытки, чтобы «развязать язык». Римлян не восхищала стойкость мучеников и не убеждало их мужество. В то время процветала вера в сверхъестественные силы, в колдовство. Считалось, что мученики — это искусные маги, которые натираются какими-то мазями, избавляющими от страданий. Во избежание таких магических фокусов христиан перед казнью обливали мочой. Христиан вообще подозревали в магии и наказывали именно так, как было принято наказывать магов: их распинали на кресте, сжигали или отдавали на съедение зверям.

Для самих христиан мученичество не всегда было стопроцентным доказательством веры. Скончавшийся в муках еретик оставался еретиком, даже если исповедовал Христа. «Есть много мучеников и в других ересях, — писал Аполлинарий Иерпольский, — но мы по этой причине не придем с ними в согласие и не сочтем их обладателями истины». Если перед казнью православные, то есть «правильно учащие», мученики оказывались в одной камере с мучениками-еретиками, то должны были держаться обособленно и умирать, не вступая с ними в общение. Впрочем, вряд ли такое разделение всегда соблюдалось на деле. В Лионе среди заключенных христиан был монтанист Алкивиад, отличавшийся суровым аскетизмом: на свободе он питался только водой и хлебом и продолжал придерживаться этого правила и в тюрьме. Никакого отчуждения и вражды с другими исповедниками у него не было: «правильно учащий» Аттал упрекнул его только в том, что он соблазняет других, отвергая пищу, созданную Богом. Алкивиад внял этим словам и стал есть все подряд, не разбирая.

Глава вторая. Мученики и императоры

Начало гонений

Римская империя оказалась для христианской веры одновременно и благом, и злом. Несмотря на негативное отношение Рима к христианству, оно никогда не подвергалось тотальному уничтожению: римское общество было слишком гуманным и законолюбивым, чтобы вырвать с корнем даже незаконную религию. Гонения в первые века не были повсеместными, они вспыхивали в отдельных провинциях и во многом зависели от личности местного правителя. Среди проконсулов и легатов бывали и такие, кто терпимо относился к христианам, не привлекал их к суду и даже подсказывал, что нужно отвечать, если против кого-то из них все-таки выдвигали обвинение. В первое время государство сыграло скорее положительную роль, не дав народу расправиться с христианством: оно сдерживало народное буйство, действуя по правилам и законам. Гонения на христиан часто начинались стихийно, с уличных расправ, после чего останавливались на начальном этапе и переходили в юридически правильную форму. Эта форма и предполагала те пытки и истязания, которыми полны мученические акты.

Отношение государства к мученикам напрямую зависело от личных качеств императора. Чем лучше были императоры, тем хуже жилось при них христианам. Хорошие правители ревностно занимались государством и обращали много внимания на христиан. А христианство объективно воспринималось как вещь для государства вредная. Христиан со своей стороны волновало только то, как император относился к христианству: если хорошо, значит, и император был хорош, а его личные и общественные пороки — разврат, бессмысленные жестокости и казни, расточение казны — как бы не существовали. Как писал русский историк Церкви Василий Бологов, «христиане были заинтересованы в том, чтобы римский престол занимали люди недостойные».

Рим долгое время не замечал христиан. Сначала христианство выступило, по выражению Тертуллиана, под покровом дозволенной религии, то есть иудейства. Христиан принимали

за одну из иудейских сект и распространяли на них те же привилегии или те же гонения, что и на евреев. В первый раз христиане пострадали при императоре Клавдии по ошибке, потому что их перепутали с иудеями. Клавдий, друг иудейского царя Ирода Агриппы, не хотел еврейских бунтов в городе и запретил иудеям религиозные собрания, что вынудило их покинуть Рим. Заодно пришлось уехать и христианам. В Деяниях апостолов, относящихся к более позднему времени, ясно показано, что римское начальство не могло отличить иудейства от христианства и видело в их столкновении только какие-то частные религиозные разногласия, до которых им не было никакого дела.

Первое настоящее гонение на христиан произошло при императоре Нероне. В июле 64 года в Риме вспыхнул страшный пожар, едва не уничтоживший весь город. Пламя бушевало десять дней, из четырнадцати районов города десять выгорели дотла. Самого Нерона в это время не было в городе, он вернулся только в разгар пожара, когда уже горел его Золотой дворец. Но у императора-актера была настолько плохая репутация, что его обвинили в преднамеренном поджоге Рима: будто бы для того, чтобы, вдохновившись этим зрелищем, лучше воспеть пожар Трои. «Чтобы заглушить эту молву, — писал Тацит, — Нерон выставил виновниками людей, которых народ и без того ненавидел за их пороки и называл христианами». Еврейские кварталы не сгорели, и это дало повод обвинить в поджоге евреев. Однако христиан к тому времени уже стали выделять среди иудеев. Пожар при Нероне послужил хорошим поводом, чтобы узнать их получше. В наказание за поджог Рима власти стали жечь христиан: зашив в пропитанные смолой шкуры, их вешали на столбах в императорских садах и поджигали, чтобы они в виде факелов освещали народные гуляния.

После Нерона христианство исчезло из истории еще на тридцать с лишним лет. Христиане старались держаться в тени. Они проповедовали скрытно, без шума, не афишируя себя, внедряясь в римские дома через женщин, рабов, прислугу и в конце концов доходя до жен хозяев, а иногда и до самих хозяев. Это была домашняя, незаметная глазу интервенция, происходившая где-то на задворках римского быта: в каморках, на кухне, в женской половине. Хозяин, ни о чем не подозревая, в один прекрасный день с удивлением обнаруживал, что со всех сторон окружен христианами, что его любимый раб —

христианин и его жена — тоже христианка. В 95 году христианкой была уже Домитилла, родственница императора Домициана и мать наследника престола. Сам Домициан отличался болезненной подозрительностью и видел заговорщиков во всех, включая евреев. Христиан он гнал не потому, что они были христиане, а потому, что боялся иудеев: он опасался, что потомки царя Давида, жившие в Риме, могут покушаться на иудейский престол, и хотел их арестовать. Правда, на этот раз царственные евреи сумели оправдаться, показав ему свои мозолистые руки — это были землепашцы, зарабатывавшие на жизнь тяжелым трудом и никогда не думавшие о престоле.

Траян

При императоре Траяне христианство окончательно вошло на историческую сцену. Марк Ульпий Траян считался лучшим из античных императоров. Это был выдающийся администратор, воин и полководец, воплощение римских добродетелей. Напутствуя новых цезарей, римляне говорили: «Будь счастливее Августа и добрее Траяна!» Репутация Траяна была так высока, что спустя несколько веков римский папа Григорий Великий, по католической легенде, спас его от вечных мук своими слезными мольбами Богу. Но именно этот император положил начало сознательному и последовательному гонению на христиан.

Отношение к христианам того времени проявилось в переписке Траяна, достойного правителя, и Плиния Младшего, римского интеллектуала и блестящего писателя. Плиний, личный друг Траяна и наместник провинции Вифиния, обратился к императору с вопросом, что делать с христианами, которые в подвластных ему землях с быстротой заразы распространились по городам и деревням. Прощать ли раскаявшихся христиан, то есть тех, кто отрекся от Христа, или считать их раскаяние бесполезным? Наказывать только за конкретные преступления или за «само имя», даже если преступлений не было? Допрашивая христиан, Плиний выяснил, что «вся их вина или заблуждение состояли в том, что они в установленный день собирались до рассвета, воспевали, чередуясь, Христа как Бога и клятвенно обязывались не совершать преступления, но воздерживаться от воровства, грабежа, прелю-

бодаяния, нарушения слова, отказа выдать доверенное. После этого они обычно расходились и сходились опять для принятия пищи, обычной и невинной». Так Плиний узнал (или, наоборот, не узнал), в чем заключается суть христианства, и счел его лишь глупым суеверием. Точно такой же вывод и до, и после него делали многие римляне, познакомившиеся с учением христиан.

Ответ Траяна был таков: «Ты поступил вполне правильно, мой Секунд, произведя следствие о тех, на кого тебе донесли как на христиан. Установить здесь какое-нибудь общее определенное правило невозможно. Выискивать их незачем: если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказать, но тех, кто отречется, что они христиане, и докажет это на деле, то есть помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать, хотя бы в прошлом они и были под подозрением. Безымянный донос о любом преступлении не должно приобщать во внимание. Это было бы дурным примером и не соответствует духу нашего времени».

Получалось, что Траян предписывал преследовать христиан за само имя, а не за связанные с ним преступления. Христиан следовало не разыскивать, но наказывать, если они обнаружатся. А как они могли обнаружиться? Только по чьему-то гласному (то есть не анонимному) доносу. В Риме не было государственных прокуроров, и для возбуждения процесса всегда требовалась частная инициатива. Но дело это было неблагодарное, поскольку римляне с презрением относились к доносам, даже гласным. К тому же несправедливое обвинение было рискованно: если на суде выяснялось, что подсудимый был оклеветан обвинителем, то доносчика подвергали такому же наказанию, какое грозило обвиняемому, вплоть до смертной казни.

Новый порядок, установленный Траяном, означал, что никаких обвинений и преступлений уже не требовалось: достаточно было просто объявить себя христианином, чтобы подвергнуться пыткам и мучительной смерти. За «нечестие», в котором обвинялись христиане, предусматривалось два вида казни: сожжение на костре и *damnatio ad bestias* — предание зверям. В эпоху империи римляне традиционно совмещали праздники и казни, превращая исполнение смертного приговора в живописные игры на арене. При том же Траяне в 106 году празднества в честь победы над даками длились целых 123

дня, и в них погибло не меньше 10 тысяч человек. Участниками игр часто бывали осужденные, которых привозили из провинций и использовали как приманку для хищников, раздравших их на глазах у толпы. В пасти зверей погиб один из первых известных нам христианских мучеников — епископ Игнатий Антиохийский, прозванный Богоносцем.

Игнатий Богоносец

Примерно в 70 году от Р.Х. апостолы Петр и Павел поставили в епископы Антиохии сирийского грека с римским именем Игнатий (от *лат.* ignis, «огонь»). Церковные писатели называют его учеником Иоанна Богослова, а из слов Иоанна Златоуста можно сделать вывод, что он с детства жил в общине первых христиан и воспитывался самими апостолами, слушая их рассказы о Христе. Позже возникла легенда, что Игнатий Богоносец и был тем самым отроком, которого Христос ставил в пример своим ученикам, говоря, что «таковые есть первые в Царствии небесном» (Мф. XVIII, 2). Отсюда якобы и пошло его прозвище — Богоносец, Феофорос, «носимый Богом», то есть буквально носимый Иисусом на руках.

О его епископстве, длившемся почти сорок лет, известно только, что Игнатий был «мудрый кормчий», который «с большой осторожностью вел свой корабль среди бурь». Считается, что Игнатий первым ввел в своей церкви антифонное пение: ему было видение, что именно так поют ангелы на небесах, поочередно славя Святую Троицу. На историческую арену мученик-епископ вышел почти через сорок лет, в 107 году, когда император Траян, отправившись на войну с армянами и персами, по дороге прибыл в Антиохию. По преданию, Игнатий сам явился к цезарю, чтобы уговорить его изменить отношение к христианам и в то же время мученичеством засвидетельствовать свою любовь к Господу. Он считал, что христианин должен пострадать и умереть, как Христос, чтобы соединиться с Христом.

Беседа Игнатия с императором была записана учениками Игнатия и сохранилась. Узнав, что перед ним христианский епископ, Траян спросил, не злой ли он демон, который нарушает законы государства и побуждает к этому других, ввергая их в погибель. В этом вопросе слышался упрек хорошего

властителя плохому гражданину, сеющему смуту в собственной стране. Траян пришел к власти после многих лет гражданской войны, едва не погубившей государство, и выше всего ценил закон и порядок, который Игнатий так непатриотично нарушал. Но Игнатий перевел разговор на религиозную тему: в вопросе императора он услышал прежде всего слово «демон» и возразил, что если он и зол, то как раз против демонов, которые «бегут от рабов Божьих». На вопрос, почему его зовут Богоносцем, епископ объяснил, что носит в сердце Бога. «Но и мы имеем в душе богов, которые нас защищают», — возразил Траян. «Это не боги, а демоны. Бог же один — Иисус Христос, сын Божий, в царство Которого я стремлюсь». — «Не тот ли это Христос, что был распят при Понтии Пилате?» — «Да, Тот, и вместе с Ним распяты были мои грехи и ненависть демонов». Беседа со святым старцем ни в чем не убедила императора, и после разговора он постановил: «Повелеваем Игнатия, который говорит, что носит в себе Распятого, отвести в оковах в Рим под воинской стражей и предать на съедение зверям для забавы народа». Игнатий, выслушав приговор, выразил радость и возблагодарил Господа за то, что Тот удостоил его такой же участи, как и апостола Павла.

В Рим Игнатия отправили с охраной из десяти солдат, о которых Игнатий отзывался как о «леопардах», настолько они были суровы и жестоки («Я уже борюсь со зверями», — писал он в одном из писем). Несмотря на трудность и продолжительность пути, никакого особого транспорта государственным преступникам не полагалось: самостоятельно добравшись пешком от Антиохии до Селевкии, узник и его конвоиры сели на попутный корабль и «после многих страданий» прибыли в Смирну. Здесь Игнатий написал часть своих знаменитых посланий, одно из которых было направлено с друзьями в Рим. Это последнее имеет точную дату — оно помечено девятым днем перед сентябрьскими календами 107 года (24 августа). Обращаясь к римлянам, Игнатий умолял не делать ничего, чтобы избавить или отдалить его от мученичества. Он сравнивал себя с пшеницей, которую надо измолоть зубами зверей, чтобы получился хлеб. Пусть внутренности зверей станут его могилой и не оставят ничего от его тела, чтобы и после смерти ему не быть никому в тягость. Он выражал надежду, что звери окажутся достаточно свирепыми, чтобы наброситься на него и растерзать, — а то бывали случаи, когда они от сы-

тости или лени отказывались пожирать жертву. Если так случится, он сам заманит их и заставит себя съесть. «О, только бы не лишиться мне своих зверей!» Он упрашивал не отговаривать его и не спасать своей неуместной любовью, потому что сам знает, что для него лучше; и если даже он сам потом будет просить об ином, они должны его не слушать, а верить тому, что написано в этом письме. Он говорил, что жизнь для него смерть, а смерть — жизнь и что только теперь он становится учеником Христовым, рождаясь в Его жизнь через мучение. «Не хочу больше жить жизнью человеков». Тот, кто сам имеет в себе Христа, поймет его и не будет мешать тому, чем он теперь занят. «Пусть будет огонь и крест, и пусть на меня набросятся звери, пусть мне выдергивают кости, отрезают конечности, уничтожат все мое тело, пусть я испытаю дьявольскую муку, пусть все это произойдет со мной, — лишь бы достигнуть мне Иисуса Христа».

Вместо того, чтобы быстро доплыть морским путем в Рим, солдаты выбрали гораздо более длинный путь: в македонские Филиппы, пешком через Македонию и Эпир, затем из порта Эпидамна снова на корабль и морем в Италию. Христианского епископа всенародно везли на мученичество: такое событие не могло остаться незамеченным. На протяжении всего его маршрута к нему собирались делегации местных церквей, чтобы поприветствовать и почтить будущего мученика. Его крестный путь превратился в триумфальное шествие: Иоанн Златоуст писал, что он шел с востока на запад «как некое солнце». Одним из немногих полезных качеств «леопардов» оказалось сребролюбие: благодаря деньгам, заплаченным христианами, Игнатий пользовался относительной свободой. Находясь в узилище, он мог общаться с братьями по вере, в его темнице даже устраивали вечера любви.

Ближе к концу его путешествие как бы ускоряется: дует попутный ветер, солдаты торопятся в Рим, корабль пронесит мимо ПUTEОЛ, где когда-то высадился Павел, и сам Игнатий стремится к развязке этого долгого путешествия на казнь. Наконец они причалили в Порто, близ Рима, откуда быстро донеслась весть, что уже привезли какого-то христианского епископа на съедение зверям. Солдатам надо было торопиться, время поджимало: почти заканчивались праздники Сатурналий и игры должны были скоро завершиться. Местные христиане, вышедшие приветствовать будущего мученика, еще

надеялись отговорить толпу от кровавой забавы, но Игнатий уговорил их этого не делать. Вместе с ними он преклонил колени и обратился к Богу с молитвой прекратить гонения на христиан и сохранить любовь между братьями по вере. После этого Игнатия повели на ристалище в Рим.

В амфитеатре собралось уже множество народа: это был особенно торжественный день празднеств, условно называвшийся «тринадцатым». Игнатия втолкнули в клетку со зверями. То, чего он опасался, не произошло: львы охотно и быстро набросились на него и мгновенно съели. Это случилось 20 декабря 107 года, или, по римскому летосчислению, в тринадцатый день перед январскими календами. После казни спутники Игнатия и местные христиане провели ночь в молитвах и слезах, а когда они заснули, некоторым из них во сне явился Игнатий, весь покрытый потом, словно по окончании тяжелого труда. После мученической смерти от его тела осталось только несколько костей, которые были собраны христианами, бережно завернуты в льняное полотно и отвезены в Антиохию. Останки Игнатия были погребены в Антиохии на городском кладбище, за Дафнийскими воротами. Позже, в VIII веке, когда Антиохию захватили персы, мощи святого Игнатия успели вывезти и перенесли их в церковь Св. Климента в Риме, где они покоятся до сих пор.

Послания Игнатия

В своих посланиях Игнатий ревностно обличал современных ему еретиков — иудействующих и докетов, призывая христиан ради сохранения единомыслия объединяться вокруг епископов. Однако он призывал молиться и за неверующих и заблудших, поскольку они еще могут покаяться. Игнатий старался меньше говорить о божественных тайнах («Многое разумею я о Боге, но смиряю себя, чтобы не погибнуть от тщеславия») и считал, что можно исповедовать Христа не через слово, а через молчание: «Лучше молчать и быть, чем говорить и не быть». Призывая к твердости и мужеству («Стой твердо, как наковальня, по которой бьют»), он сравнивал христианина с вооруженным воином, для которого крещение — это щит, вера — шлем, любовь — копье, а терпение — полное вооружение.

Поликарп

После смерти Траяна новые императоры династии Антонинов продолжали его линию. Адриан внес в рескрипт Траяна важную поправку: христиан можно было наказывать только за конкретные преступления, а не за само вероисповедание. Вот что он написал в письме к Минуцию Фундану: «Если жители провинции открыто желают вести дело против христиан и в состоянии будут на суде уличить их, то я им этого не запрещаю; только крики и вопли не дозволяются. Во всяком случае, если кто пожелает обвинить их, то нужно справедливо расследовать возводимые на них обвинения. Таким образом, если кто обвинит вышеупомянутых людей и докажет, что они делают что-нибудь противозаконное, то ты наложишь наказание, смотря по силе преступления. Но если кто обвинит кого-нибудь из них и окажется клеветником, клянусь Геркулесом, ты должен наказать его за такое негодное дело». Под «криками и воплями» император подразумевал римский закон, согласно которому никого нельзя было осуждать в отсутствие конкретного обвинителя, по одним только крикам из толпы. О том, что это правило соблюдалось не всегда, свидетельствует судьба еще одного раннего христианского мученика — Поликарпа Смирнского.

В юности Поликарп жил в Эфесе и учился у апостола Иоанна Богослова, который в 110 году поставил его в епископы Смирны. Как пастырь он имел огромный авторитет и считался христианским вождем «всей Азии», а как человек обладал огромным личным обаянием. По рассказу агиографа, даже римские солдаты, пришедшие арестовать Поликарпа, оробели и прониклись к нему большим почтением. За год до своей смерти Поликарп посетил Рим, чтобы обличить гностическую ересь и обсудить с римским папой Аникитой вопрос, в какой день следует праздновать Пасху: 14 ниссана, когда состоялась Тайная вечеря, или на три дня позже, в воскресенье, когда произошло Воскресение Христа. Оба церковных предстоятеля ссылались на предание, доставшееся им от предшественников, и не хотели уступать друг другу, но это не помешало им сохранить между собой общение и мир.

После возвращения Поликарпа в Смирну в городе начались сильные гонения на христиан. Их подвергали неимо-

верным истязаниям: одних секли бичами с такой силой, что в разрезанной плоти открывались внутренние жилы, других растягивали на усеянных шипами раковинах, называемых «лезвиями», третьих бросали на съедение зверям. Страдания мучеников были настолько ужасны, что даже смотревшие на них язычники плакали от жалости, но сами истязаемые не издавали ни стога: невозмутимые и спокойные, как бы совсем потерявшие чувствительность, они переносили пытки с нечеловеческим терпением. Поразительную стойкость этих людей авторы послания объясняли тем, что их души в это время находились вне тела, и пока их плоть испытывала невыносимые муки, сами они мирно беседовали с Господом, Который ради укрепления их духа показывал им адское пламя и небесные блаженства, «так что были они уже не люди, но ангелы».

На казнях присутствовал лично проконсул Азии Стаций Квадрат, который то ли по человеколюбию, то ли по долгу службы уговаривал христиан отречься от Иисуса. Иногда эти старания имели обратный эффект: один из христиан по имени Германик, раздраженный уговорами Стация, сам бросился к зверям, раздражил их и заставил себя съесть.

Когда расправа закончилась, разгоряченная публика потребовала новых жертв, и тут вспомнили о Поликарпе, предводителе местных христиан. Услышав, что его разыскивают, христиане упросили Поликарпа скрыться в одну из соседних деревень, где он прятался несколько дней, проводя время в молитве. Незадолго до ареста, увидев во сне свое ложе, обьятое огнем, епископ догадался, что скоро его сожгут живьем. Его выдал мальчик-раб, живший по соседству; когда солдаты ворвались в дом, Поликарп спокойно вышел к ним, предложил гостям выпить и поесть и попросил предоставить ему время на молитву. Получив это разрешение, он молился непрерывно в течение двух часов. В город его повез начальник местной полиции Ирод, который по дороге принялся уговаривать его принести жертвы цезарю, а когда епископ ответил, что не может следовать таким советам, грубо вытолкнул его из повозки. «Упав, он ободрал себе голень, — сообщает рассказчик, — но тут же встал и бодро пошел дальше, как будто ничего не произошло».

На площади, где снова собралась толпа, Поликарпа встретил сам проконсул. Он упомянул о почтенной старости епископа и напомнил, что ему очень легко избежать ненужных

пыток: для этого надо только поклясться фортунной цезаря и сказать «смерть безбожникам». Старец, обведя взглядом собравшихся зрителей, поднял руку и мрачно произнес: «Смерть безбожникам». «Похули Христа», — продолжал проконсул. Поликарп возразил, что он всю жизнь служил Христу, Который ничего дурного ему не сделал, и ему не за что Его хулить. Не стоит притворяться, продолжал епископ, будто вы не знаете, кто я такой, потому что я сам открыто объявляю себя христианином; если же проконсул хочет побольше узнать о его учении, то пусть назначит удобное для этого время. Стаций, не то серьезно, не то в насмешку, предложил ему убедить в своей истине народ; Поликарп возразил, что он беседует с ним, уважая в нем начальство, а защищаться перед толпой не считает нужным. На угрозы бросить его зверям и в огонь, если не изменит своих мыслей, Поликарп ответил, что мысли надо менять с дурных на хорошие, а не наоборот, и посоветовал ему больше не медлить и поскорее делать то, что он намерен.

После этого проконсул трижды объявил на площади, что Поликарп признал себя христианином. Возбужденные зрители потребовали, чтобы на Поликарпа выпустили льва, но верховный жрец Филипп, заведовавший играми, объяснил, что сделать этого нельзя, поскольку звериные бои уже закончились. Тогда трибуны начали кричать, что его надо сжечь живьем. Из соседних мастерских и бань быстро натаскали дров. Поликарпа заставили раздеться и снять с себя обувь (агиограф замечает, что раньше он этого никогда не делал, потому что верные ученики торопились сами его разуть, чтобы прикоснуться к его святому телу). Его хотели пригвоздить к столбу, но Поликарп заметил, что Господь, дающий силы вынести огонь, поможет ему стоять спокойно и без гвоздей; поэтому его только привязали, сложив руки за спиной. Приставленные к костру люди запалили дрова, огонь запылал; Поликарп стал молиться, и пламя образовало вокруг нечто вроде купола, похожего на надутый парус, а сам он стоял внутри с телом, не затронутым огнем, но раскалившимся наподобие металла в горне. Позвали конфектора — специального служителя, добывавшего после боя раненых людей или зверей, — который заколол его кинжалом; крови хлынуло так много, что она залила весь огонь. Ученики хотели взять частицу его тела, но Никита, отец Ирода, обратился к проконсулу с ходатайством не отдавать покойного, потому что христиане, оставив Иису-

са, могут начать почитать вместо Него Поликарпа. Центурион сжег тело посреди площади, и ученикам достались только кости, которые они бережно собрали и «положили куда следовало». В письме христиан, засвидетельствовавших мученичество Поликарпа, сказано, что он пострадал в месяц ксанфик, во вторую декаду, за семь дней до мартовских календ, в великую субботу, в восьмой час, при архиерее Филиппе Тралльском и проконсуле Стации Квадрате (то есть в два часа пополудни 23 февраля 155 года). Он скончался уже глубоким старцем, в возрасте 86 лет, двенадцатым по счету мучеником в Смирне и последним из тех, кто пострадал во время гонений. Его учеником был Иринеи Лионский, написавший знаменитую книгу «Против ересей».

Лионская бойня

Гонения на христиан в Лионе начались при императоре Марке Аврелии Антонине. Этот римский самодержец до сих пор считается образцом правителя, философа и человека. Император в Риме обладал абсолютной властью, которая соблазняла и опьяняла большинство цезарей, выворачивая наружу их худшие черты и порой доводя до сумасшествия. Но Марк Аврелий, а до него Антонин Пий представляли собой противоположный полюс: это были люди, которых власть не только не испортила, а, наоборот, побудила проявить свои лучшие качества. Оба самодержца стали воплощением достоинства, благородства и простоты, соединенных с естественной добротой и высоким чувством долга. Римляне говорили, что за все правление Антонина Пия — больше двадцати лет — он не казнил ни одного человека и не вел ни одной войны. Марк Аврелий следовал тем же принципам и старался за любое преступление налагать меньшее наказание, чем положено по закону, говоря, что предпочел бы воскрешать мертвых, а не казнить живых. В личной жизни он был строгим аскетом, носил простую одежду, спал на твердом ложе, работал с утра до ночи, изучал науку и труды, но всегда оставался доброжелательным, приветливым и спокойным. На власть император смотрел как на обязанность, а не привилегию и подчеркивал свою скромную служебную роль в сенате, не вставая с места, пока его не отпускал консул. Не будь он реальным

историческим лицом, его можно было бы принять за вымышленный персонаж, созданный для демонстрации идеальных качеств человеческой природы.

К христианам Марк Аврелий относился так же, как ко всем остальным гражданам, ничем их не выделяя. В отношении христианской религии действовали прежние законы, которые представляли для нее скорей виртуальную угрозу, чем реальную опасность. Но в последние годы правления Марка Аврелия отношение к христианам стало более жестким. Вероятно, вышел какой-то новый указ, который ставил их вне закона и позволял обвинителям наживаться за счет их имущества. К этому времени и относится мрачная история, происшедшая в 177 году в Лионе и Виенне.

Все началось со стихийных выступлений горожан. Местные жители самовольно лишили христиан всех гражданских прав: их не пускали на рынки, в бани и другие общественные места, им запрещали появляться на улицах, их забрасывали камнями, грабили и избивали. Когда власти решили наконец вмешаться, начались повальные аресты: забирали всех заподозренных — женщин, рабов, знатных римлян. Всего было арестовано около пятидесяти человек. Кроме самих христиан арестовывали и их рабов-язычников, считая, что рабы должны исповедовать веру своих хозяев. Рабы, испугавшись пыток, обвиняли христиан во всех мыслимых грехах: содомии, пожирании младенцев и т. п. Этим наговорам поверили, и даже те, кто раньше сочувствовал христианам, стали считать их извергами.

Главными обвиняемыми были диакон Санкт из Виенны, Аттал из Пергама, недавно крестившийся Матур и рабыня Бландина. Санкт, несмотря на пытки, не назвал ни своего имени, ни происхождения, ни родины. На все вопросы он отвечал: «Я христианин». Палачи стали прикладывать к чувствительным местам раскаленные в огне медные пластины, пока мясо не начало гореть. Вскоре его тело, съжившееся и покрытое ранами и рубцами, потеряло человеческий облик. Тогда его на несколько дней оставили в покое, а потом снова вернулись к пыткам, надеясь, что для искалеченных и распухших членов они будут еще мучительней. И действительно, его тело было так воспалено, что он не выносил даже прикосновения руки. Но, как ни странно, вторичные пытки его словно исцелили: он стал выглядеть здоровей, чем был прежде, вернул свой прежний облик и способность двигаться.

За рабыню Бландину «верные» особенно боялись, потому что она была очень слаба телом. Но во время пыток она проявила невиданную стойкость: несколько палачей мучили ее с утра до вечера, сменяя друг друга, и наконец измучились сами, не зная, что еще с ней можно сделать. Ее тело было так истерзано, что представляло собой одну сплошную рану, и мучители удивлялись, почему она все еще жива. Еще одна христианка, Библиада, была хрупкой и робкой женщиной; под пытками она отреклась, но ее снова стали истязать, требуя, чтобы она обвинила христиан в поедании детей. Она ответила, что эти люди не едят даже кровь животных, и вновь объявила себя христианкой: выздоровев, как пишет летописец, не телесно, но духовно.

Когда мучения оказались неэффективны, заключенных перевели в более суровые камеры, темные и лишенные воздуха, где многие начали умирать от удушья. Особенно сильно страдали только что арестованные новички; те же, кто уже перенес пытки, хотя и изломанные и больные, не только выживали сами, но и укрепляли и подбадривали других.

Епископом Лугдуна в это время был Пофин. Ему исполнилось уже больше девяноста лет, он страдал от болезней, с трудом ходил и едва дышал, но был преисполнен жадной мученичества. Старец сам пришел к судье в сопровождении толпы, которая, по словам рассказчика, вопила так, словно вела на казнь самого Христа. На вопрос легата, кто у них Бог, Пофин ответил: «Узнаешь, когда будешь достоин». Его поволокли по земле, избивая руками и ногами; каждый из стоявших в толпе считал своим долгом чем-нибудь его ударить или бросить, чтобы отомстить за поругание языческой веры. Пофина бросили в тюрьму, где он умер через два дня.

Следствие продолжалось еще несколько дней. Тех, кто отрекся от Христа, стали пытать заново. Их наказывали вдвойне, как преступников и убийц, совершавших святотатство и предававшихся разврату: им приходилось оговаривать себя во всех этих вещах, чтобы очернить христианство. От отречения они ничего не выиграли, наоборот, им было хуже всех; когда их выводили из тюрьмы, они выглядели несчастней тех, кто сохранил веру.

Наконец, начались казни. В амфитеатре, где собрался жадущий зрелища народ, был назначен особый день для травли христиан. Первыми вывели Матура и Санкта. Обоих сначала

бичевали, потом посадили на раскаленное железное кресло: от горящих тел пошел чад. Матур продолжал молчать, а Санкт повторял те же слова, что говорил прежде на допросах. После нескольких часов страданий, видя, что истязаемые не умирают, их закололи мечами.

Потом вывели Бландину. Ее привязали к столбу, распяв, как самого Иисуса, и вывели зверей. Те некоторое время ходили вокруг столба, но женщину не тронули, и Бландину увели назад в тюрьму для последующих пыток. Следующим на очереди был Аттал. В Лионе его многие знали, он считался человеком достойным. Его только обвели вокруг амфитеатра, повесив на грудь табличку «Аттал-христианин»: выяснилось, что он римский гражданин и его нельзя казнить до решения самого цезаря.

Вскоре пришел вердикт императора: римских граждан казнить мечом, остальных отдать зверям, раскаявшихся отпустить. Наступил праздник, так называемое собрание провинциалов, на который приезжали представители всей Галлии: суд над христианами послужил для них хорошим развлечением. Всех арестованных снова вывели к трибуне и стали допрашивать по одному, обещая отрекшимся свободу. На допросах присутствовал Александр, врач из Фригии; молча поощряя исповедников, он так энергично подавал им знаки, что, по словам историка Евсевия, многие из собравшихся решили, что у него начались родовые схватки. Легат спросил, кто он такой, Александр ответил: «Христианин». Его тут же схватили и привели к казни.

Новые казни состоялись на следующий день. На арену вывели Александра и Аттала и начали пытать. Аттала посадили в раскаленное кресло, и, когда от него пошел запах жареного, он сказал толпе: «То, что вы с нами делаете, и есть поедание людей; а мы не делаем ничего дурного». Во время пыток его спросили, как зовут его Бога; он ответил: «Бог не человек, у Него нет имени». После долгих мучений обоих закололи.

Все это время Бландину и ее брата Понтика, мальчика пятнадцати лет, как самых слабых, выводили смотреть на страдания других, надеясь, что они утратят мужество и отрекутся. Их повели на казнь последними. Первым погиб Понтик, которого до последней минуты ободряла сестра. Настал черед Бландины. Ее подвергли бичеванию, потом посадили на раскаленную сковороду, затолкали в ивовую корзину и бросили быку.

Тот долго играл с ней и подбрасывал рогами, а Бландина молчала, словно оставаясь бесчувственной. Язычники сами признали, что у них ни одна женщина не выдержала бы таких мучений. Когда ее вытащили из корзины, она была еще жива, и ее закололи мечом.

Тела убитых тоже подверглись издевательствам. Все, что осталось от зверей и от огня: обугленные части и куски, руки, ноги и головы, — выбросили на улицу собакам и приставили охрану, чтобы никто не мог их украсть. Их охраняли днем и ночью, так что оставшиеся в живых братья не могли ни угрожать, ни подкупить стражу, чтобы они отдали им останки мучеников и позволили их похоронить. Многие жители города специально приходили, чтобы посмеяться над разлагающимися трупами, проклясть и оплевать их; другие, более добрые и мягкие, с упреком спрашивали христиан, зачем они верят в Бога, который допускает их до таких страданий. Через шесть дней оставшиеся тела сожгли, а пепел смели в Рону, чтобы и после смерти помешать их воскресению.

Коммод и Север

Коммод, сын Марка Аврелия, не унаследовал замечательных качеств отца. Зато он обладал невероятной физической силой, лично участвовал в гладиаторских поединках и ударом копья пробивал насквозь слона. Христианам при нем жилось сравнительно неплохо: вопросы веры его мало волновали, как не волновало вообще все происходящее в государстве. Влюбившись в христианку Марцию, Коммод вернул из ссылки сосланных за веру христиан, но для взбалмошного цезаря это был только каприз, за которым последовали новые мучения и казни. В 180 году были казнены ихлиссские мученики в Карфагене: им дали тридцать дней, чтобы одуматься и отречься от веры, но ни один из них не отрекся. В то же время в Риме пострадал сенатор Аполлоний, который произнес на суде великолепную речь в защиту христианства. Вместе с Аполлонием был казнен донесший на него раб: ему переломали голени, поскольку доносы рабов на господ были запрещены.

Появление христиан-сенаторов и более близкое знакомство с новым учением заставили римлян задуматься, так ли

уж необходимо казнить людей только за то, что они придерживаются другой веры. Противоречие между здравым смыслом и законом стало настолько очевидно, что власти во многих провинциях предпочитали следовать первому, а не второму. Узнавая на деле, кто такие христиане, правители были склонны проявлять мягкость и избегать суровых наказаний. Некоторые проконсулы сами защищали христиан от гонений со стороны народа, заявляя, что потакать таким преследованиям значило бы поддерживать общественные беспорядки. Народ, наоборот, был настроен против христиан и видел в них изгоев и источник всяких бед.

В царствование Септимия Севера (193—211) христианство исповедовали уже многие сенаторы. Север вначале питал симпатию к христианам (христианин Прокул излечил его от болезни, помазав церковным елеем) и даже отпустил на свободу несколько христиан-сенаторов, но затем издал суровый указ, запрещающий принимать как христианскую, так и иудейскую веру. Христиан, уже привыкших к относительно спокойной жизни, этот удар застал врасплох. Тогда едва ли не впервые в истории прозвучало мнение, что царство антихриста уже пришло. Во время этих гонений погибла Потамиена, александрийская рабыня и замечательная красавица: ее медленно поливали кипящей смолой с ног до головы, пока она не умерла. Еще больше прославилась знатная римлянка Фивия Перпетуя, которая вела записи и описала все, что с ней происходило, в личном дневнике.

Перпетуя

Когда вышел указ Севера против христиан, Перпетуе — налатыни ее имя значит «вечная» или «постоянная» — было 22 года. Она жила в Карфагене вместе с отцом, недавно родила ребенка (о ее муже ничего не известно) и готовилась к крещению под руководством некоего Сатура. Отец долго уговаривал ее отказаться от этой мысли, но Перпетуя в ответ указала ему на кувшин и спросила: «Можешь ли ты назвать это иначе, чем кувшином?» — «Нет», — ответил отец. «Вот так и я не могу назвать себя иначе, чем христианкой».

Вскоре Перпетую арестовали и посадили в тюрьму вместе с ее рабыней Фелицитатой, беременной на восьмом месяце,

которая тоже собиралась креститься. В тюрьме узники сидели в двух комнатах, тесно набитых заключенными, всегда погруженных в темноту, душных и жарких, почти без воды и без еды. «Я ужаснулась, — писала Перпетуя в дневнике. — Прежде я никогда не была в такой ужасной темноте... Страшная жара от множества заключенных, жестокое обращение солдат и мучительная тоска о своем ребенке!» Но община христиан не забывала о своих узниках и делала все, чтобы облегчить их положение. С помощью денег они перевели Перпетую в более удобное место, где она смогла кормить ребенка, которого ей приносила ее мать, а потом и взять его совсем. Здесь Перпетуя крестилась вместе с другими оглашенными.

В тюрьме у нее начались видения. Перпетуе чудилось, что она стоит в начале золотой лестницы, уходящей в небо и такой узкой, что по ней мог пройти только один человек. По краям лестницы торчали орудия пыток, а на верхних ступеньках стоял ее наставник Сатур, призывая ее идти за ним, но остерегаться сидящего внизу дракона. Призвав на помощь Христа, Перпетуя сокрушила голову дракону, поднялась на небо и увидела Пастыря в образе старца с белыми волосами, который доил своих овец и делал из молока сыр. Он дал ей попробовать кусочек сыра: проснувшись на своем ложе, она еще ощущала во рту его райский вкус.

В другой раз ночью ей в видении явился ее брат Динократ, умерший от раны на лице. Он вышел из темного места, объятый пламенем и мучась от жажды: край колодца, из которого он хотел напиться, был слишком высок и он не мог достать воды. После молитв Перпетуи о его спасении он явился ей вновь, но уже в светлом месте: его рана почти зажила, колодец был ему по пояс и он с веселым видом пил из стоявшей на краю золотой чаши.

Перед допросом Перпетую снова посетил отец. Он на коленях умолял дочь об отречении, говорил, что ее казнь покроеет позором всю семью, и целовал ей руки, обливая их слезами. «Вспомни, как я носил тебя на руках, как всегда предпочитал тебя твоим братьям. Посмотри на мать, братьев, на своего маленького сына, которому без тебя не жить!» Позже, уже во время суда, отец ворвался в зал с ребенком на руках, протягивая ей сына и умоляя сжалиться над ним. Все эти душераздирающие сцены не повлияли на решимость дочери. Перпетую признали христианкой и вместе с остальными приговори-

ли к казни. Рабыня Фелицитата из-за беременности не могла быть казнена, но преждевременно родила и поэтому тоже попала под приговор. Роды оказались такими тяжелыми, что даже охрана проявила к ней сочувствие, предупреждая, что на казни ей будет еще труднее. «Как же ты собираешься вынести такие муки?» — спросили они. Фелицитата ответила: «Сейчас я страдаю за себя, а там я буду страдать за Другого, и Другой примет на себя мои страдания».

Остальное известно по рассказам свидетелей. В день торжеств, устроенных по случаю рождения сына императора, приговоренных вывели на казнь. Мужчин хотели одеть как жрецов Сатурна, а женщин — как жриц Цереры, но христиане попросили власти этого не делать, потому что они умирают как раз за то, чтобы не иметь ничего общего с язычеством. Их просьбу выполнили. Первыми казнили мужчин, которых, по обычаю, сначала пытали. Потом выпустили леопарда, медведя и дикого кабана. Сатур радовался тому, что не попал в лапы медведям, которые вызывали у него особое отвращение: предназначенный для него медведь отказался выходить из берлоги и вместо этого он был истерзан леопардом. Наслаждавшаяся зрелищем толпа кричала, что он «славно умылся кровью» — так обычно говорили о гладиаторах. Другие добавляли: «Вот теперь он действительно крещен».

Перпетую и Фелицитату, одетых в легкие туники, поставили перед разъяренной коровой. Она опрокинула на землю Фелицитату и несколько раз подбросила на рога Перпетую, разорвав на ней одежду и растрепав волосы. С трудом поднявшись, Перпетуя прикрыла обнажившееся тело и заколола волосы, потом подошла к Фелицитате и помогла ей встать. Обе уже плохо сознавали, что происходит: когда их на время отвели в сторону, Перпетуя спросила, а когда же появится обещанная им корова. Поскольку животные их не убили, дело должен был закончить специальный гладиатор; по требованию публики это сделали не в специальном месте, а посреди арены на глазах у всех. Гладиатор был молод, смущен и неопытен: он не смог сразу убить Перпетую и бесполезно колот ее мечом, нанося болезненные, но не смертельные раны. Тогда она сама взяла руками меч и направила его себе в горло.

Глава третья. Императоры и мученики

Цезари добрые и злые

Наследники Септимия Севера, Каракалла и Гелиогабал, не оставили по себе доброй памяти. Один проливал реки крови и перебил почти всех своих родственников, включая родного брата; другой, изнеженный подросток, прославился только роскошными пирами, которыми истощил римскую казну. По своим религиозным взглядам Каракалла был приверженцем культа Исиды, а Гелиогабал исповедовал финикийский культ Солнца, к которому мечтал приобщить всех римлян. К христианству они оба были безразличны и почти не занимались делами государства.

Следующий император, Александр Север, двоюродный брат Гелиогабала, человек слабый, но мягкий и незлой, признавал всех богов подряд, почитая таковыми и великих людей прошлого. В его молельне среди прочих стояли бюсты Орфея, Авраама, Христа и мага Аполлония Тианского. Христиане при Александре благоденствовали. Мать императора Юлия Маммея любила беседовать со знаменитым богословом Оригеном, а сам цезарь часто повторял иудейско-христианское изречение: не делай другому того, что не желаешь себе, — и даже чеканил его на стенах судов и магистратов. В споре, завязавшемся между христианами и цехом трактирщиков вокруг какого-то земельного участка, Александр Север решительно встал на сторону христиан, заявив, что лучше построить храм какого-нибудь бога, чем трактир.

Преемником Александра стал его полководец Максимин, убивший императора и узурпировавший власть. Он ненавидел как самого Александра, так и все, что с ним было связано, поэтому устроил гонения на облагодетельствованных Севером христиан, в том числе против близкого к императорскому двору Оригена. Но в этих гонениях Максимин руководили скорее личные, чем принципиальные мотивы.

Один из последователей Максимиана, Филипп Араб, по легенде сам был христианином. Христианство становилось все сильнее. Церковь пустила глубокие корни в государстве, которое продолжало относиться к ней враждебно, но уже редко проявляло эту враждебность на практике. К тому же христи-

ане, в отличие от язычников, не стремились к карьере. Наоборот, они избегали высоких должностей, связанных с языческими культами, и порой отказывались от своего имущества, чтобы не быть на них избранными согласно имущественному цензу.

В армии христиане занимали двусмысленное положение. Они были как скрытый враг, который в любую минуту мог быть обнаружен и уничтожен, иногда по чистой случайности. Так, один храбрый солдат получил в качестве знака отличия корону, но во время парада отказался ее одеть, поскольку был христианином, и его казнили. Отношение самих христиан к военной службе тоже было сложным и противоречивым. Известна история Максимилиана, который во время набора рекрутов отказался служить в армии, ссылаясь на то, что он христианин. Занимавшийся набором проконсул Дион возразил, что в армии служит много христиан, даже в императорской гвардии, но Максимилиан твердил, что не будет служить, потому что не хочет делать зла. «Разве служить на военной службе значит делать зло?» — спросил Дион, на что Максимилиан ответил: «Ты сам знаешь». Дело кончилось казнью, и Максимилиан стал мучеником за то, что отказался быть солдатом. Другой легионер, центурион Маркелл, отказался явиться на торжественный обед в честь вступления на престол императора Диоклетиана: он вышел перед легионом, сбросил пояс и виноградную ветвь и объявил: «Я служу Христу». На суде Маркелл сказал, что он воин Христов и не может служить императору, после чего был казнен. В то же время многие христиане служили в армии, и никто их за это не осуждал.

Деций

Христиане уже почти привыкли к мирному существованию в Римской империи, когда на трон взошел Деций — император-идеалист, реформатор консервативного толка, мечтавший о возрождении былой славы Рима. Его заветной мыслью стало восстановление идеалов республиканского правления, основанных на мужестве, патриотизме, личном достоинстве и нравственной чистоте. Будучи единовластным монархом, он отстаивал права римского сената, ратовал за исполнение архаических законов и пытался обуздать пороки общества

с помощью древнего установления — цензуры. В цензоры он назначил сенатора с безупречной репутацией по имени Валериан (правда, тот отказался занять пост, сославшись на то, что разложение зашло слишком далеко и исправить нравы граждан уже невозможно). Сам Деций и его сын вели настолько чистую и безупречную жизнь, что в честь императора была выбита специальная монета с надписью «Целомудрию Августа».

Такой император, глубоко нравственный и принципиальный, должен был быть страшен для христиан. И действительно, за два недолгих года его царствования, с 249 по 251 год, на них обрушилось одно из самых жестоких гонений за всю историю Церкви. Дело было поставлено широко и хорошо организовано. Все христиане — которых местные власти прекрасно знали, потому что они уже привыкли не скрываться, — должны были в определенный день явиться в префектуру или другое официальное учреждение и объявить о своем отречении от христианства, доказав это принесением жертвоприношений богам. Всех, кто отказывался от отречения или просто не являлся вовремя, ждали пытки и казнь.

К тому времени христиане уже потеряли чувство опасности. Христиан было много, и большинство открыто исповедовали свою веру, не сомневаясь, что им ничего за это не грозит. Наступление Деция для них было равносильно нападению врага на расслабленную и деморализованную армию, привыкшую к мирной жизни и разучившуюся воевать. Поэтому в Церкви сразу последовали массовые отречения. Нашлось немало христиан, которые добровольно устремились к языческим алтарям, ведя своих жен и детей. Одни делали это смело и развязно, писал церковный историк Евсевий, другие подходили «бледные и дрожащие, словно не они собрались принести жертву, а сами шли как жертвы на заклатие». Христиане-чиновники являлись в префектуры и отрекались от Христа по долгу службы. Некоторых насильно тащили их родственники и друзья, один муж даже принес жертву вместо своей жены, хотя она громко кричала: «Это ты сделал, а не я!» Были и такие, кто вначале отказался отречься, но не выдержал тюрьмы и пыток и все-таки принес жертву. Самому класть жертву на алтарь было не обязательно — достаточно было получить у чиновника справку о жертвоприношении, которая приравнивалась к самой жертве. Многие не делали даже этого и просто

подкупом добивались того, что власти вычеркивали их из списка христиан и избавляли от необходимости явиться для отречения. Таких Церковь все равно считала падшими, хотя в менее тяжелой форме, чем других.

Справка о жертвоприношении

«От Аврелия Диогена, сына Сатавута, из деревни Александрова острова, 72 лет от роду, над правой бровью рубец. Я и всегда приносил жертвы богам, и теперь, в вашем присутствии, согласно с эдиктом, я принес жертву и совершил возлияние и вкусил жертвенных мяс. Прошу вас подписаться. Желаю благополучия. Аврелий Диоген подал прошение. Аврелий Сир: свидетельствую в качестве участника, что Диоген принес жертву вместе с нами. В первый год Самодержца Кесаря Гаия Мессия Траяна Декия благочестивого благополучного Августа. Епифи 2 (июня 25)».

Церковь переживала тяжелое время. После мученичества римского епископа Фабиана никто в течение года не осмеливался занять его место, и епископская кафедра оставалась пустой. Брошенные в темницу, скончались епископ Александр в Иерусалиме и епископ Вавила в Антиохии: последний провинился тем, что дерзко оттолкнул императора, когда тот после жертвоприношения хотел войти в храм, чтобы сравнить языческие обряды с христианскими. Пострадал и великий Ориген, которому было уже семьдесят: после мучительных пыток ему перебили все кости и отпустили на волю умирать. Другого римского епископа, Моисея, истязали в тюрьме одиннадцать месяцев и одиннадцать дней, после чего он скончался. Святого Трифона, по рассказу очевидцев, сначала волочили, привязав к коню, потом долго водили по городу, вбив в ноги железные гвозди. Вообще, власти старались больше мучить и пытаться христиан, а не убивать их. Смерть христиан ничего не давала, кроме появления новых мучеников, которые только укрепляли Церковь: важно было именно добиться отречения. В Карфагене один из узников писал: «По указу императора нас велено морить голодом и жаждой: 8 дней назад нам в последний раз дали, тоже после 5 дней совершенного поста, немного хлеба и мерку воды». Эта тактика часто себя оправдывала: многие христиане, ждавшие быстрой казни и венца мученичества, не выдерживали долгих пыток и отрекались от веры.

Особенно жестокими были мучения в Александрии. Христианке Квинте связали ноги и протащили через город по камням, хлеща бичами, Исихриону вогнали в живот острую палку, старцу Метру искололи тростником лицо и глаза. Аполлонию выбили все зубы, потом разожгли костер и пригрозили сжечь, если она не откажется от Христа, но женщина сама прыгнула в костер. Юлиана и Кронина бросили в негашеную известь, которая сожгла их вместе с костями, а Александра облили известью с ног до головы. Многие христиане сбежали из города в пустыню, где погибли от голода и зверей или попали в рабство к варварам.

Валериан

Власть после смерти Деция и его убийцы Максимиана унаследовал сенатор Валериан, который считался воплощением римской доблести. В истории Рима он остался одним из самых благородных и высоких по духу императоров. В первые четыре года его правления общее благоденствие распространилось и на христиан, которые не знали никаких притеснений, но в 257 году неожиданно вышел эдикт, запрещающий христианам собираться и проводить богослужения. Через год появился другой, более жестокий указ, по которому все епископы, священники и дьяконы, не отрeksiеся от Христа, подвергались смертной казни. Гонения распространились и на мирян, занимавших высокое положение в обществе: сенаторов, всадников, высокопоставленных матрон и чиновников, состоявших на императорской службе. Их лишали имущества и римского гражданства, ссылали и казнили. Удар был направлен против высших слоев общества и верхушки клира.

В эти дни в числе прочих пострадали Фруктуоз, епископ Тарракона, и два его диакона: их сожгли на костре. Чтобы облегчить мучения, Фруктуозу предлагали выпить ароматического вина, но епископ отказался, потому что была пятница, постный день. Знаменитый Киприан Карфагенский был осужден и перед смертью попросил свою паству передать 25 золотых тому палачу, который отрубит ему голову, — за сделанную работу. Гонения перекинулись и в Африку, где некоторые простые христиане нарочно объявляли себя членами клира, чтобы пострадать и принять мученический венец. Ди-

акона Флавиана в народе так любили, что даже язычники пытались спасти его от казни и, собираясь толпами, кричали, что он не диакон, что он на себя наговаривает. Флавиан с трудом убедил судей, что не лжет и должен быть казнен.

Галлиен

Следующий император, Галлиен, сын Валериана, был талантливым художником, поэтом и оратором, который преклонялся перед Афинами и мечтал попасть в списки афинских ареопагитов. По характеру он был добрым, веселым, слегка развратным, любил шутить и пировать с друзьями. К государственным делам он относился с детской беспечностью и только смеялся, когда ему говорили, что от империи отпадают все новые провинции. «Разве мы не обойдемся без египетского льна?» — улыбался Галлиен, когда отпадал Египет. «Разве мы и без азиатских тканей не обойдемся?» — добавлял он, когда скифы напали на Азию. «Неужели так нужны эти арасские плащи?» — шутил цезарь, когда римляне потеряли Галлию. Гораздо больше его интересовало, что подадут сегодня к столу и какие представления будут на сцене. Узнав, что его отец Валериан погиб в плену, он переиначил слова одного древнего героя: «Я знал, что мой отец смертен». Шутки у него были добродушными: когда в цирке неопытный борец не смог убить огромного вола, Галлиен присудил ему корону, объявив, что не попасть в такое большое животное — трудное дело.

Галлиен выпустил несколько эдиктов в пользу христиан, отменив гонения против предстоятелей Церкви и клира. Однако и в правление Галлиена пострадал один богатый и знатный римлянин по имени Марин, состоявший на военной службе. Когда он хотел занять вакантное место центуриона, на которое претендовали многие другие, один из его соперников заявил, что он христианин и не может получить эту должность, поскольку не приносит жертву императору. Марина, который уже стоял в суде, чтобы получить пояс и виноградную ветвь центуриона, спросили, действительно ли он христианин, и он ответил «да». Ему дали три часа на размышление, после чего он должен был либо отречься от Христа, либо подвергнуться казни. Выйдя из суда, Марин встретился с епископом Феотек-

ном, который привел его в церковь и показал ему меч и Евангелие, предложив выбрать одно из двух. Через три часа Марин явился в трибунал и исповедал себя христианином.

Аврелиан

В лице Аврелиана, правившего пять лет, империя обрела еще одного достойного императора. Если Деций только мечтал о римской доблести, то Аврелиан воплотил его мечту. Он с юности был безукоризненно честен, скромнен, умерен в одежде и еде, а бедность его была такова, что, когда за военные заслуги его наградили консульством, он не смог за свой счет устроить цирковые игры для народа, как это следовало по обычаю, и императору Валериану пришлось оплатить расходы из казны. Аврелиан был выдающимся полководцем, вернувшим все, что отпало от Рима при Галлиене, и восстановившим империю в прежних границах. Солдаты прозвали его «человеком с рукой на железе», восхищаясь его личной храбростью и воинскими подвигами. Историки описывают, как во время сарматского похода он с неудержимой силой врубился в ряды врагов и за один день собственной рукой убил 48 человек. В его войсках царили железная дисциплина и нравственная строгость, отклонения от которых он преследовал с суровостью, доходившей порой до варварской жестокости. Христианство характеру Аврелиана было совершенно чуждо, однако он и здесь старался действовать по закону и справедливости. В споре «правильно учащих» христиан с еретиком Павлом Самосатским, который опирался на поддержку местных властей и не хотел оставлять епископскую кафедру, Аврелиан встал на их сторону и с позором выгнал Павла из церковного дома. Но в общем Аврелиан относился к христианам безразлично, если они не нарушали мира и спокойствия в империи.

Диоклетиан и другие

Диоклетиан правил так долго, что в империи появилось даже новое летосчисление, по годам Диоклетиана. В это время благополучие в Церкви привело к быстрому росту

и расцвету христианства. Начали строиться большие храмы, императорский двор наполнился приверженцами новой веры, в числе сочувствующих оказались даже жена и дочь самого Диоклетиана. Христиане становились правителями целых областей и освобождались от обязанности приносить языческие жертвоприношения.

Гонения начались только в последние годы царствования Диоклетиана. Исходили они, впрочем, не столько от самого императора, сколько от его зятя Максимиана Галерия, храброго и удачливого полководца, который симпатизировал язычеству и находился под влиянием вифинского философа Иерокла, ненавидевшего христиан.

По требованию Галерия христиан начали изгонять из армии, где они уже стали многочисленной силой. Затем Галерий выпустил специальный эдикт, согласно которому все христианские церкви подлежали разрушению, а их священные книги — уничтожению. Самых христиан следовало лишать гражданства, имущества и должностей. После эдикта христиан обвинили в том, что они подожгли императорский дворец в Никомедии и поддержали заговорщиков, объявивших себя императорами в Армении и Сирии. В связи с этим вышли еще два указа, в которых предписывалось сажать всех лиц духовного звания в темницы; в результате тюрьмы так быстро переполнились христианами, что в них не осталось места для обычных преступников. Позже, в честь двадцатилетнего юбилея царствования Диоклетиана, узники были выпущены, но уже через год вышел четвертый и самый страшный эдикт, где говорилось, что все христиане должны быть понуждаемы к отказу от веры всеми доступными способами, включая пытки.

Средства «понуждения» были предельно варварскими и жестокими. Диоклетиан лично присутствовал при пытках. Христиан топили в лодках и выпускали на растерзание хищникам, заставляя при этом размахивать руками, чтобы привлечь к себе зверей. Им загоняли под ногти острые тростники, насквозь прокалывали пальцы и поливали спину расплавленным свинцом. Верующих рубили секирами, резали на части, поочередно отсекая нос, уши, руки и ноги. Христианина Петра, служившего при дворе, сначала избили плетью «до появления костей», потом облили смесью уксуса с солью и изжарили на медленном огне. Других мучеников распинали головой вниз,

а внизу разводили огонь, чтобы человек задышался от дыма. Обнаженных женщин привязывали за одну ногу и оставляли подвешенными вниз головой; часто их раздирали пополам, притягивая ноги к согнутым веткам, или подвешивали за одну руку к колонне портика, чтобы тело, растягиваясь под собственной тяжестью, причиняло мучительную боль. Многих вешали на столбах со связанными за спиной руками и терзали тела острыми «когтями». Очевидец этих событий Филеас Тмунтский писал: «У них не было и тени снисхождения к нам, они думали о нас и обращались с нами так, словно мы сущее ничтожество».

Во время этих гонений появились первые случаи самоубийства христиан и особенно христианок, которые перед арестом убивали себя мечом, топились в реке или бросались с крыш домов. Чаще всего это делали женщины, которым грозили не только пытки и смерть, но и бесчестье: их насиловали, запирали в публичные дома, отдавали на потеху гладиаторам. Мать с двумя дочерьми по дороге в тюрьму бросились в реку и утопились — ее поступок восхваляли, и многие следовали ее примеру. Еще поразительней была история Евфразии из Никомедии, которую во время гонений отдали на растление одному молодому римлянину. Когда они остались вдвоем, Евфразия сказала, что у нее есть волшебное средство, способное сделать человека неуязвимым, и обещала открыть ему его секрет, если он оставит ее девственницей. Чтобы подтвердить свои слова, она намазала шею простой смесью воска с маслом и предложила со всей силы ударить ее по шее мечом. Римлянин с размаху отрубил ей голову.

В Азии и Египте происходили массовые истребления христиан. В одной Фиваиде каждый день казнили от 10 до 100 человек. В другом городе все жители, включая градоначальника, оказались христианами, поэтому его обложили горючими материалами и сожгли целиком вместе с женщинами и младенцами. В Фиваиде чтеца Трифона повесили вниз головой, выколол ему глаза железными стержнями, а его молодой жене вырвали волосы и отрубили все пальцы на руках. Перед смертью супруги уговорили палачей распять их лицом друг к другу: так они и провисели, умирая на крестах, девять дней. В Анкире воры получили право безнаказанно грабить дома, если они принадлежали христианам. Вообще, что бы ни делалось против христиан, государство их не защищало, поэтому они были

беззащитны перед любым насилием. Словно всего этого было еще недостаточно, в Кесарии многие верующие сами приходили к властям и объявляли себя христианами, чтобы принять мученичество.

Не меньше Галерия свирепствовал его племянник Максими́н, бывший некогда пастухом в Иллирии, а потом ставший наследником и цезарем. Чтобы заставить христиан оскверниться, хотя бы поневоле, он приказал окроплять жертвенной кровью все съестные припасы и всех людей, входивших или выходявших из бань. Когда Галерий, тяжело заболев, сменил гнев на милость и запретил убивать христиан, Максими́н начал их калечить: он выкалывал им один глаз или перерезал жилы на одной ноге и затем отправлял в рудники. Но перед смертью Галерий объявил христианство дозволенной религией, и гонения прекратились.

Перед рассветом

Как раз в эти годы стало ясно, что отношение к христианам сильно изменилось. Многие правители и простые жители не только не хотели их преследовать, но помогали по мере сил и старались избавить от казни. Отречения нередко происходили фиктивно, то есть судьи объявляли отрекшимся тех, кто этого не делал, даже если они сопротивлялись и кричали, что никогда не приносили и не будут приносить жертвы. В одном городе начальство просто договорилось с христианами, как выполнить указ так, чтобы и власти были довольны, и среди горожан никто не пострадал. Епископов заранее предупреждали, когда будут обыскивать церкви, чтобы те успели подготовиться и спрятать все, что нужно. Когда у них требовали выдачи священных книг, они отдавали вместо христианских медицинские или еретические сочинения. Бывали случаи, когда язычники укрывали гонимых в своих домах, сами рискуя жизнью. К христианам все привыкли, их считали добрыми соседями и друзьями и не хотели причинять им зло по указке сверху. Важно было и то, что христианство существовало уже триста лет и из новой и сомнительной религии превратилось в древнюю и традиционную, что нравилось консервативным римлянам.

В 313 году соправители Константин и Ликийский выпустили Миланский эдикт о веротерпимости, в котором утверждалось право каждого гражданина выбирать такую религию, какая ему нравится, без каких-либо притеснений или принуждений. Христианам предоставлялась полная свобода вероисповедания и возвращалось конфискованное имущество. Этот указ был настолько ясным и демократичным, что его вполне могла бы одобрить современная европейская страна. Но демократия продолжалась недолго: вскоре император сам начал склоняться к христианству, а вместе с ним, вольно или невольно, — и вся империя.

Глава первая. Мыслящее христианство

Языческая мудрость

Пока христианство совершало первые шаги, античная культура продолжала развиваться и цвести, стараясь подытожить свой богатый опыт. Незадолго до своего крушения римский мир как бы собрал воедино свои духовные силы и сконцентрировал их в новом философском течении, которое получило название неоплатонизма. Основателем этой яркой школы был александрийский философ Аммоний Саккас, а ее главным представителем — Плотин, написавший знаменитую книгу «Эннеады».

Неоплатоники попытались создать универсальное учение, в котором были и космогония, и логика, и этика, и физика, и математика, и магия — все, что накопило языческое знание. К Платону и Аристотелю они добавили Пифагора, стоиков, орфиков, халдейских оракулов и даже индуизм, постаравшись соединить все это в одно гармоничное и всеобъемлющее целое. Плотин учил, что основу всего составляет некое непостижимое и цельное начало бытия, которое он называл «Единым».

Единое (или Благо, или Бог — это одно и то же) невозможно ни помыслить, ни определить, ни почувствовать, ни описать, потому что оно находится за пределами понимания и предшествует всему, о чем можно подумать и сказать. О его природе известно только одно: будучи преизбытком блага и силы, оно производит из себя вторую, более низкую ступень божества и совершенства, названную «Умом». В отличие от Единого, Ум познаваем, к тому же он мыслит сам себя, порождая некие абсолютные идеи-логосы, которые являются источником и образцом для всех существующих вещей. Из Ума происходит чувственная Душа мира, которая «падает» еще дальше вниз — в бесформенную материю и создает организованный и упорядоченный космос, где живут люди. Для наглядности неоплатоники описывали Единое как свет, пронизывающий мироздание, Ум — как Солнце, видимый источник света, Мировую Душу — как Луну, отражающую солнечный свет, а материю — как мрак, который принимает этот свет и образует видимый мир. Таким образом, истинное и совершенное бытие света как бы по ступенькам спускается все глубже во тьму полубытия и прозябания, где обитает человечество.

Несмотря на эту унылую картину, в системе неоплатоников не все так безнадежно. Человек не обречен навсегда томиться в своей тюрьме — с нижней ступеньки он может сразу перескочить на верхнюю, минуя промежуточные этапы. Самый слабый луч света в самой густой тьме сохраняет свою светносущность; так и природа Бога неизменна в любой степени умаления и может быть воспринята нами целиком, даже в состоянии полного мрака и падения, в котором находится наш мир. Это возможно потому, что дух человека по своей сути составляет одно целое с Единым и только временно порабошен чувственной материальной оболочкой, заслоняющей от нас небесный свет. Главная задача любого человека — вырваться из душевной материальной жизни к своей изначальной, духовной сути. А сделать это вполне возможно — ведь Бог сам хочет, чтобы мы Его poznали, так же как свет по своей природе хочет быть увиденным. Его потоки щедро и неизменно изливаются на нас, надо только дать себе труд открыться его силе. Для этого нужно очистить себя изнутри через аскезу, то есть отказаться от всего материального. Плотин считал, что человеку, этому небесному и возвышенному существу, исключительно зависит от физических вещей. Философ стыдился,

что у него есть тело. Он предлагал освободиться от него через аскетические подвиги, утверждая, что такая аскеза рано или поздно приведет к экстазу, то есть слиянию человека с Богом. Достаточно убрать перегородку в виде плоти, и подобное соединится с подобным, дух сольется с Духом.

Последователи Плотина Ямвлих и Сопатр дополнили учение Плотина элементами магии и эзотерики. Они считали, что духу можно и нужно помочь подняться к небу, используя вспомогательные средства. К ним относились всевозможные мистические способы общения с высшей силой: вызов духов, заклинания, использование снадобий и талисманов. Это роднило неоплатонизм с восточным оккультизмом и подготавливало почву для средневековой теургии — науки о соединении человека с божеством. Завершил расцвет неоплатонизма философ Прокл Диадок, обладавший мощным аналитическим умом и систематизировавший и развивший достижения своих предшественников. Сфера его интересов была так широка, а острота мысли настолько безошибочна, что в XX веке его называли «гением рассудка».

Неоплатонизм просуществовал несколько сотен лет, продолжая линию античной «научной» философии вплоть до VI века, когда император Юстиниан закрыл последнюю их школу — платоновскую Академию в Афинах. Но следы этого учения протянулись гораздо дальше, проникнув в христианство, манихейство, средневековую схоластику, немецкий идеализм и даже русское декадентство.

Как появились церковные догматы

К тому времени, когда христианство стало признанной религией, его богословам было еще далеко до интеллектуальной мощи античной философии. Но философская закуска уже давно бродила в недрах христианской веры, готовясь принести новые, прежде не виданные плоды. Богословие шло собственным путем, впитывая все попадавшие по пути системы и учения, но стремясь к своей цели — создать стройное и непротиворечивое церковное учение, основанное на догматах веры.

Формирование и развитие этого учения стали важнейшей частью церковной истории. Значение догматов в жизни веру-

ющего человека трудно переоценить. В отличие от философских теорий, которым каждый может верить или не верить по своему желанию, догмат — не просто попытка определить истину, а ключевой момент, отделяющий спасение человека от его вечной гибели. Он имеет сугубо практический смысл: тот, кто исповедует неправильный догмат, не может и спастись.

Существование «додогматической» Церкви на протяжении трех с половиной веков говорит о том, что догматы не были чем-то неотъемлемо и изначально присущим христианству. От первых христиан не требовалось рассуждений и понимания природы Божества и тайны Св. Троицы. Проповедь христианства сосредотачивалась на благой вести, заключавшейся в том, что все уверовавшие во Христа и исполняющие Его заповеди будут спасены и попадут в царство Божие. В Христа веровали как в Мессию, посланца и Сына Божия, пришедшего на Землю, чтобы принять на Себя грехи мира и спасти Своих избранных. Для такой веры не требовалось богословских дискуссий, достаточно было практики, непосредственно укорененной в жизни: крещения и причастия, молитвы, добрых дел и совместной жизни в общине, собиравшейся вокруг пресвитера.

Но такое положение не могло существовать долго. Время «наивной» веры быстро прошло. Христианство начало задавать вопросы, на которые могли ответить только хорошо образованные и интеллектуально развитые люди. Так появились христианские богословы, которые стали заниматься разработкой и формулировкой церковных догматов. Это была трудная и долгая задача, занявшая у Церкви не одну сотню лет. Простое с виду учение Христа потребовало ввести новые понятия и термины, разработать сложную систему экзегетики, погрузиться в глубины психологии, изучить греческую логику, физику, метафизику и множество других наук.

Трудность в выработке догматов была связана с тем, что богословам приходилось рассуждать о вещах непостижимых и неподвластных разуму. Как Бог мог соединиться с созданной Им тварью? Как можно быть одновременно и Богом, и человеком? Первые христиане не ставили такие вопросы, они принимали евангельское учение как истину откровения, требующую подвига веры, а не отвлеченных рассуждений. Апостол Павел писал, что воскресение Христа — «безумие для эллинов», то есть для тех, кто хочет мыслить рационально.

Тертуллиан утверждал, что верить можно только в то, что абсурдно с точки зрения разума, потому что иначе это было бы предметом знания, а не веры. Но поскольку догмат — это попытка объединить рациональное познание с мистическим, перед богословами стояла вдвойне сложная проблема: разумно определить то, что в принципе не познается разумом.

Догматической работе часто мешали человеческие и исторические факторы. Церкви приходилось продирааться сквозь всевозможные недоразумения и недопонимания, путаницу в терминах, политические неурядицы и личные раздоры, неудачные попытки компромиссов, оговоры и оговорки, национальные традиции и закулисные интриги. Одним из важных факторов, определявших догматические споры, была постоянная борьба с еретиками.

Откуда брались ереси

Слово «ересь» в переводе означает «мнение» или «выбор» — так в Греции называли философские школы, проповедовавшие свои взгляды и воззрения на устройство мира. Отношение ранней Церкви к таким инакомыслящим «школам» было двойственным. Апостол Павел писал, что в христианстве «надлежит быть ересям»: они полезны, поскольку позволяют выявить «искусных». Противоречие заключалось в том, что христианство по своей сути не могло терпеть и признавать ереси. С самого начала оно видело в них попытки разрушить подлинную веру, происки злых сил и вечного противника Бога — сатаны. Все, что не признавалось догматом, автоматически превращалось в преступление и орудие зла. Уже Игнатий Богоносец в своих письмах не жалел выражений для еретиков: это чуждые растения, яд, «смертоносная отравка в послащенной вине», дикие звери в человеческом образе и бешеные псы, кусающие исподтишка. Подобных определений в христианской литературе можно найти немало. Христианам казалось очевидным, что действия еретика — это не частные (и честные) заблуждения одного человека, а часть общего плана дьявола по разложению и уничтожению Церкви.

Церковь изображала еретиков зловредными, упорными и сознательными врагами веры. Но история часто показывала обратное. Среди еретиков встречалось немало людей искрен-

них и убежденных, считавших, что они проповедуют истинную веру, и при этом достаточно твердых и принципиальных, чтобы пострадать за свои убеждения. Именно их рвение и упорство в отстаивании истины, как они ее понимали, вызывали непримиримые конфликты, отлучения, гонения, ссылки и взаимную вражду. Богословие было той областью, где благие намерения сплошь и рядом приводили в «ад». Для ортодоксальных христиан каждый еретик по определению был сатанистом. Если человек придерживался ложных взглядов, значит, он не был с Богом (иначе Бог наставил бы его в истине), а если он не был с Богом, значит, был с дьяволом и бесами. Благочестивый еретик — это парадокс, который, по мнению христиан, в принципе не мог существовать.

Между тем ереси развивались параллельно с догматами и в этом смысле оказывались неуничтожимы. Богословские воззрения многих христиан были неопределенными и зыбкими, как туман, который только зародившаяся в нем новая догматическая проблема заставляла принимать отчетливые формы. В таких случаях вдруг выяснялось, что царившее в Церкви общее согласие было мнимым и скрывало множество противоречий. На прямо поставленный вопрос — например, следует ли почитать иконы — многие христиане, до сих пор казавшиеся единомышленниками, давали прямо противоположные ответы. Тогда возникал очередной богословский кризис, который разрешался выработкой нового догмата и разгромом следующей партии еретиков.

В борьбе с ересью было очень важно исчерпать спорную тему целиком, довести ее до четких и ясных определений, не допуская уловок и скользких толкований. Не проясненная до конца ересь имела свойство возрождаться в новых, более тонких формах. Осужденное на очередном соборе еретичество исподволь проникало в «правильное учение» и снова запутывало все вопросы, создавая причудливые смеси православия с инакомыслием. Почва для этого была самая благоприятная. Неясность терминов, неловко сказанное кем-то слово, неправильно понятая фраза, личные симпатии или антипатии, дальность расстояний, региональный патриотизм легко вызывали новую волну осложнений и раздоров, за которыми следовали взаимные обвинения, доходящие до анафем. Начиналась бесконечная переписка между епископами, созывались новые поместные соборы, заново составлялись

изложения веры, часто слишком многословные, намеренно уклончивые и еще более запутывающие ситуацию. У разоблаченных еретиков оказывались выдающиеся последователи, которые имели большие заслуги перед христианством, сохраняя при этом преданность и уважение к уже осужденным учителям. Например, Лукиан, которого православный Александр Александрийский называл «павликистом» (то есть последователем еретика Павла Самосатского), считался православным мучеником в Антиохийской церкви. Сам св. Иоанн Златоуст произнес на него похвальное слово, и на него же ссылался ересиарх Арий как на одного из своих предшественников для оправдания нового учения.

Ранние ереси

Христианские ереси возникли очень рано, чуть ли не раньше самого христианства. Когда христианское вероучение распространилось и приобрело известность, в него хлынули древние течения и религиозные системы всех предшествующих столетий. Сухой аскетизм ессеев, зороастрийский дуализм, эротические культы Вавилона, схоластика александрийских иудеев — все это давало ростки на почве христианства и пыталось увлечь его в свою сторону, создавая новые варианты учения и личности Христа.

Первый еретик появился уже среди избранных Христом апостолов: это был Иуда Искариот, призванный Богом и ставший Его учеником, но сознательно отвергший и предавший своего Учителя. В церковной литературе поступок Иуды обычно объясняли тем, что он, как и большинство евреев, видел в Мессии иудейского царя, который своей властью сокрушает врагов и обеспечивает процветание народа. Любящий и жертвующий Собой Иисус его разочаровал. Иуду можно считать первым представителем секты иудействующих, которые ставили иудаизм выше христианства.

Для Церкви и для европейской культуры Иуда стал символом предательства; Данте поместил Иуду в самый последний, 10-й круг ада, прямо в пасть дьявола. За тысячу лет до него Папий, ученик апостола Иоанна, красочно описал ужасную смерть предателя, который по его версии не повесился, а скончался от какой-то загадочной болезни, похожей на во-

дянку. «Тело его распухло до такой степени, что он не мог проходить там, где могла проезжать повозка, и не только сам не мог проходить, но даже и одна голова его. Веки глаз его настолько вспухли, что он вовсе не мог видеть света; а самых глаз его невозможно было видеть даже посредством медицинской диоптры: так глубоко находились они от внешней поверхности. После больших мучений и терзаний он умер, говорят, в своем селе; и село это остается пустым и необитаемым даже донныне; даже донныне невозможно никому пройти по этому месту, не зажав руками ноздрей. Таково зловоние, которое сообщилося от его тела и земле».

Несмотря на это, у Иуды всегда находилось множество поклонников. Не так давно было найдено апокрифическое «Евангелие от Иуды», где предатель Христа выступает как Его лучший и единственно достойный ученик, которому Он поверяет свои главные тайны. Иуда стал любимым героем офитов и других гностических течений, где Бог предстает злым творцом-демиургом, а на светлой стороне оказываются змей-искуситель, Каин и другие отрицательные персонажи Библии. Эта оправдательная линия прошла через всю историю культуры вплоть до начала XX века, когда некоторые западные и русские писатели пытались изобразить Иуду как истинного мученика и искупителя, пожертвовавшего собой ради миссии Христа.

Среди первых семи диаконов, поставленных на служение апостолами, тоже нашелся свой еретик — Николай Антиохийский, основавший секту николаитов. Говорили, что Николай имел красивую жену, и, когда его стали упрекать за излишнее к ней пристрастие, он вывел ее на середину и сказал, что ее может иметь всякий, кто пожелает, поскольку «плоть не надо шадить». Позже так же стали поступать и его последователи, что привело к блудодейству и разврату. Однако Климент Александрийский свидетельствовал, что сам Николай вел целомудренную жизнь, а его семеро дочерей и сын умерли девственными.

Есть и другая версия появления первых ересей. Христианский писатель Гегесипп утверждал, что до смерти Иакова Праведного Церковь была «чистой девой, которую никто не обольщал». Однако в народе уже существовало семь ересей, приверженцем одной из которых был некий Фебуфис. Этот Фебуфис надеялся, что после Иакова епископом в Иерусалиме изберут его, но члены общины единогласно постави-

ли в епископы Симеона, сына Клеопы, двоюродного брата Господа. Недовольный Фебуфис откололся от Церкви, начал проповедовать свое учение и стал основателем и прародителем всех христианских ересей. От него пошли клеобиане, досифеяне, горфеяне и масбофеи — ветви самарянской секты, перемешавшей халдейскую магию с еврейской Торой. Учеником Фебуфиса был и самаритянский маг родом из села Гиттон, известный как Симон Волхв.

Симон Волхв

Тезка Симона Петра, Симон по прозвищу Волхв, крещенный диаконом Филиппом, тоже хотел быть апостолом Христа. Рукоположение епископов и низведение на них Святого Духа он считал каким-то видом магии и думал, что может купить ее секрет у апостолов. «Он принес им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святаго. Но Петр сказал ему: серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги» («Деяния апостолов»). Отсюда появился термин «симония» — продажа церковных должностей за деньги.

О жизни Симона Волхва было написано много фантастических историй и легенд в духе «апостольских романов». В этих сочинениях апостолу Петру приходилось без конца бороться с магической силой Симона и его многочисленными фокусами. Волшебник то живым закапывал себя в землю, обещая воскреснуть через три дня, то сажал у дверей какого-то чудовищного пса, грозящего растерзать всякого, кто не признает Волхва богом, то имитировал собственную казнь, где Симону отрубали голову, а он оставался невредим. В Риме Симон оживил медного змея, заставлял двигаться и смеяться статую, превращался то в младенца, то в старика. Под конец он даже взлетел в небо, но Петр разрушил его чары, после чего посрамленный маг упал на землю и разбился насмерть, развалившись на четыре части. Утверждалось, что именно за это деяние Петр был распят Нероном, а Павлу отрубили голову.

Интригующий момент в биографию Симона Волхва добавляло то, что у него была красивая спутница, блудница Елена, которую он выкупил из публичного дома в Тире на те самые деньги, что отвергли апостолы. Симон утверждал, что женщи-

ной она являлась лишь по видимости, а на самом деле это была не кто иная, как София Премудрость, первопричина всего сущего и творческая мысль Высшего божества. Этим Высшим божеством Симон считал самого себя. По его учению, в Самарии он явился как Отец, в Иудее — как Сын (то есть Иисус), а во всех остальных странах — как Дух Святой. Когда Премудрость Божия Елена пала, попав в плен материи и плоти, он спустился с неба и освободил ее, чтобы вместе с ней освободить и всех духовных людей.

У Симона Волхва было много учеников, основавших секту симониан. Самый известный из них, Менандр Антиохиец, утверждал, что обладает высшей магией, принесенной им из космических сфер, и что всякий, кого он окрестит и научит этой магии, немедленно станет навеки юным и бессмертным. Но уже в III веке Ориген говорил, что, хотя Симон в свое время обманул многих, теперь у него осталось не больше 30 последователей, и если о нем еще помнят, то только потому, что про него писали христиане.

Вопросы об Иисусе

Выше мы уже говорили, что главные церковные догматы появлялись как ответы на вопросы, неизбежно возникавшие перед христианами. Первым из них по времени и важности был вопрос о Богочеловеке. Кто такой Иисус Христос? Является ли Он Сыном Божьим? Какова Его природа? В секте эвионитов Иисуса считали всего лишь добродетельным человеком, за что ее членов прозывали «нищими» — по простоте их взглядов на учение. Керинф из Александрии тоже полагал, что Христос был человеком, на которого после крещения сошел Дух Святой, отлетевший затем во время крестных мук. Керинф проповедовал, что после воскресения на земле наступит новое царство бессмертных, которые будут непрерывно предаваться всевозможным наслаждениям плоти, в основном совокуплению и обжорству, но приукрашенным надлежащими обрядами и церемониями. Святой Поликарп рассказывал, что апостол Иоанн был в таком ужасе от этой ереси, что однажды, случайно оказавшись вместе с Керинфом в бане, выбежал оттуда с криком: «Уйдем отсюда, пока не обрушилась крыша, — здесь находится враг истины Керинф!»

Первыми настоящими богословскими еретиками можно считать алогов, или «бессловесников». Греческое понятие «логос» у древних греков означало не только «слово» в его обычным понимании, но и «мысль», «намерение», «принцип», «смысл», «причину». Это был традиционный философский термин, которые греческие мудрецы использовали еще со времен Гераклита. Под логосом подразумевали разумную основу мира и свет мысли, пронизывающий все существование. Иногда логосами называли некие идеальные, первородные «слова» (стойки называли их «семенными»), из которых рождались материальные предметы.

Христианские богословы позаимствовали у греков этот термин, но использовали его по-своему. Евангелие от Иоанна начинается знаменитой фразой: «В начале было Слово». Речь здесь идет не о разуме и не об идее, а о живой личности — втором лице Святой Троицы, Боге Сыне, воплотившемся в Иисуса Христа и ставшем спасителем человечества. Бог Сын — это посредник между абсолютным Богом и сотворенным Им миром, творческое «Слово» Бога, через Которого «все стало быть, что стало быть». Алогам такое представление казалось указанием на вторичность и подчиненность Логоса Богу: ведь Бог и сказанное Им Слово — не одно и то же. Они пришли к выводу, что Логос — это низшее божество, неравное с изначальным и истинным Богом.

Разновидностью алогов были монархиане, которые делились на динамических монархиан и модалистов. Монархиане назывались так потому, что считали Бога «монархом», то есть единодержавным царем, у которого нет и не могло быть соправителей. Представители этой секты учили, что Бог един и это вполне ясно, а вот природа и смысл воплощения Иисуса — не ясны: значит, надо стоять за ясное и отвергать неясное. Они вообще не рассуждали о Логосе, держась за самое надежное — единство Бога. На Христа две ветви монархиан смотрели по-разному: динамические монархиане считали Его просто человеком, не имевшим никакого отношения к божественной природе, а модалисты — Богом, абсолютно тождественным Богу Отцу. И в том, и в другом случае монархиане оказывались правы, поскольку Бог по этим представлениям не «делился» божественностью с Христом и сохранял Свое единство.

Динамический монархизм проповедовали уроженец города Византия Феодот Кожевник и его ученики Феодот Банкир

и Артемон. Их учения иногда называют адопционизмом (от *лат.* *adoptio* — «усыновлять»), потому что они считали Христа простым человеком, который был только избран, «усыновлен» Богом. Видимо, христианские богословы к тому времени хорошо усвоили уловки греческих софистов, потому что во время гонений Феодот Кожевник невозмутимо отрекся от Христа и в оправдание заявил, что он отрекся от человека, а не от Бога. Ведь в Писании нигде не сказано, что Иисус — Бог; Деве Марии говорится, что «на тебя снизойдет Дух Святой», но не «родится от тебя Дух Святой». По мнению Феодота, Иисус был всего лишь полнее наполнен Духом Святым, чем другие люди, — в Нем присутствовала некая особая «добродетель».

Павел Самосатский

Самым выдающимся мыслителем из динамических монархий был антиохийский епископ Павел Самосатский. Павел принял епископский сан в 260 году, а уже в 264-м в Церкви был поставлен вопрос о его неправославии. В то время епископ Антиохии стоял на третьем месте после римского и александрийского, и еретичество такого высокопоставленного лица было серьезной проблемой, требовавшей немедленного решения.

Для осуждения Павла имелись все основания. Павел учил, что есть только один и единственный Бог, одно лицо и одна сущность, из которых не может происходить ничего множественного. Слово — не ипостась Бога, а всего лишь Его свойство, а именно — мудрость (по-гречески «София»), которая может нисходить на людей в большей или меньшей степени и при этом обретать как бы самостоятельное существование. Так Слово нисходило на пророков, но в наибольшей и полной степени — на человека Иисуса. Между Иисусом и Словом установились отношения дружбы, или «синергии», как между двумя совершенно самостоятельными и независимыми природами, человеческой и божественной.

Павел был очень изощренным диалектиком. Отстаивая свои взгляды, он делал это так тонко и искусно, что представления о его учении всегда оставались не совсем ясными. На соборе специальным писцам, тахиграфам, приходилось подробно записывать рассуждения Павла, чтобы не потерять нить

его аргументации и не запутаться в хитросплетениях его возражений и уловок. Чувствуя еретический дух его учения, епископы никак не могли поймать его за руку и уличить в ереси. Словно богословский протей, он менял свой облик, как только его хватали: уклонялся и отступал при нападении, отказывался от своих слов, приводил дополняющие и уточняющие разъяснения и оговорки, придававшие совершенно новый смысл его словам; или, наоборот, с притворной скромностью соглашался с мнением своих оппонентов, но развивал их до таких абсурдных выводов, что приводил всех в недоумение.

Наконец он покаялся во всех своих заблуждениях и пообещал исправиться, чем растрогал даже главного своего обвинителя, Фирмикиона Кесарийского. Павел был оправдан и оставлен в звании епископа, но, как только гроза прошла, невозмутимо вернулся к своим прежним взглядам. На двух последующих соборах Павла снова призвали к ответу, однако он и тут, придерживаясь прежней тактики, ловко отражал все атаки. Наконец, в 268 году отцам очередного собора пришлось обратиться к профессиональному диалектику из язычников, софисту Мальхиону, державшему в Антиохии школу логики: ему поручили разбить Павла, пользуясь его собственным оружием. Этот маневр увенчался успехом: Павел был разоблачен как еретик и изгнан с антиохийской кафедры.

Дело на этом, однако, не кончилось. Павел, бывший не только изворотливым софистом, но и мастером интриги, обратился за помощью к эдесской императрице Зенобии, которая ему благоволила. Пользуясь покровительством светской власти, он отказался покинуть принадлежавший Церкви дом, в котором находилась резиденция антиохийского епископа, и не пустил туда своего преемника Домна. Христиане, в то время не имевшие никакого влияния в государственных делах, ничего не могли с этим поделать. Вопрос решился только после того, как войска Зенобии были разбиты армией императора Аврелиана. Христиане немедленно обратились к новому правителю с просьбой изгнать из дома окончательно зарвавшегося Павла. Аврелиан, будучи римлянином, рассудил просто и практично: прав тот, кого поддерживает епископ Рима. Епископ поддержал Домна. Павел был с позором изгнан и отправлен в ссылку.

Полемика с Павлом имела неожиданные последствия. Стараясь опровергнуть его запутанную аргументацию, антиохий-

ские отцы написали против него специальное соборное послание, в котором среди прочего утверждалось, что Сын «не единосущен» Отцу. Это вызвало недоумение на Первом Вселенском соборе при составлении и принятии Никейского символа, где говорилось как раз обратное: Сын единосущен Отцу. Пытаясь оправдать это странное мнение св. отцов, которое автоматически делало их еретиками, богословы приводили разные объяснения. Говорили, что Павел нарочно прибег к этому термину, чтобы спровоцировать необдуманные слова своих противников, или что единосущие предполагало, по мнению антиохийцев, наличие какого-то первосущества, из которого происходили и Бог Отец, и Бог Сын (так же, как две «единосущные» по материалу медные монеты предполагают исходное существование самой меди). Афанасий Великий писал, что и никейские, и антиохийские епископы являются православными отцами, которые находятся сейчас с Господом, поэтому ни те, ни другие не могут быть неправы; поэтому следует не обсуждать или осуждать их разногласия, а молча стоять перед этим фактом, принимая и сознавая его как некую данность. Вопрос этот так и не был разрешен в Церкви и остался одним из тех загадочных случаев, когда православные учителя придерживались неправославных мнений.

Модалисты и савеллиане

Второе течение христиан, не признававшее Христа Богом, называлось модализмом, от латинского слова «модус», или образ. Его возглавлял Праксей из Азии, живший в Риме примерно в то же время, что и Феодот Кожевник. Праксей тоже пострадал во время гонений, но не сильно: Тертуллиан пренебрежительно писал, что он просто «поскучал» в тюрьме. Для объяснения своих взглядов Праксей ссылался на слова Иисуса в Евангелии от Иоанна: «Я и Отец одно». Отсюда, по его мнению, следовало, что и в Ветхом, и в Новом Завете есть только один Бог Отец, который Сам пострадал на кресте и был распят в «модусе» Сына.

На вопрос, каким образом невидимый Бог Отец стал видимым Богом Сыном, ответ дал другой модалист, Ноит из Смирны. Он утверждал, что Бог может выступать как бы в двух природах сразу. Первая из них, божественная, невиди-

мая и бесстрастная, относится к Отцу, а вторая, человеческая, видимая и страдающая, — к Сыну. Когда христиане упрекали его в том, что он вводит лжеучение, Ноит возражал, что не делает ничего дурного, славя Христа.

Продолжателями Ноита стали савеллиане, названные по имени их духовного отца Савеллия. Савеллий жил в III веке в Риме и был одним из трех самых авторитетных столичных богословов — вместе с Ипполитом, решительным противником монархиан, и Каликстом, занимавшим промежуточную позицию. Когда Каликста избрали епископом Рима, ему пришлось принять сторону Ипполита и отлучить Савеллия от Церкви, за что тот упрекал его в отступничестве. Каликст считал, что модусы — этот термин можно считать предшественником «ипостаси» — разные стороны Отца и Сына, объединенные в Духе: Дух есть и Отец, и Сын, и все трое они одно лицо. Бог не один в трех лицах, а триедин в одном лице. Как человек состоит из тела, души и духа, так и Бог из Отца (тело), Сына (душа) и Духа (дух). Каждый модус имел свою историческую миссию: Отец дал закон евреям, Сын воплотился в человека, а Дух снизошел на апостолов. Эта последняя форма была окончательная, и отныне Бог существует только в виде Духа.

Савеллий развил и модифицировал учение Каликста, различая в Боге «безмолвную монаду», то есть собственно божественную природу, и Слово, обращенное лицом к миру. Слово он, в свою очередь, разделил на Отца, Сына и Св. Духа. Последовательно проявив себя в этих трех образах, Логос снова вернется в изначальную монаду, и мир исчезнет.

Так начинали смутно вырисовываться христианские подходы к Св. Троице. Стройность и разумность учения Савеллия вызвали восхищение многих христиан и подняли широкую волну ереси, с которой вступил в борьбу ученик Оригена св. Дионисий Александрийский. В своих догматических дискуссиях Дионисий опирался на учение о Св. Троице, созданное Тертуллианом и Оригеном.

Тертуллиан

После апостола Павла Тертуллиан и Ориген — самые яркие и талантливые личности первых трех веков христианства. Впоследствии и тот, и другой были признаны еретиками, хотя

Церковь до сих пор признает их заслуги в богословии и разработке правильных догматов. Оба жили в одно время и недалеко друг от друга: один в Карфагене, а другой в Александрии, — но принадлежали к разным культурным традициям и писали на разных языках.

Септимий Тертуллиан, сын центуриона и римский адвокат, был одним из создателей церковной латыни. Он придумал множество неологизмов, описывавших неизвестные раньше христианские понятия, такие, как таинство (*sacramentum*) и Провидение (*providentia*). Отличавшийся непримиримым и порывистым характером, «неистовый муж», как назвал его Иероним, Тертуллиан гневно обрушивался на все, что, по его мнению, искажало чистую суть христианства. Он ни во что не ставил греческую мудрость, считая, что философия не имеет никакого отношения к истине и нужна только для того, чтобы бить язычников их собственным оружием. Не больше уважения вызывали у него и те христиане, которые не стремились к мученичеству и позволяли себе человеческие слабости. Любые отклонения от идеала казались ему предательством веры и вызывали яростное осуждение и гневные насмешки. Он считал, что отступников и падших нельзя прощать, что христианин не может жениться больше одного раза (а лучше — ни одного), что каждый, кто согрешил после крещения, подлежит вечному отлучению от Церкви. Недостаточная, как ему казалось, чистота учения и жизни заставила его уйти из «правильно учащей» Церкви к монтанистам, напрямую общавшимся со Святым Духом и проводившим время в экстатическом горении. Но со временем даже монтанисты стали казаться ему недостаточно строгими аскетами, и Тертуллиан основал собственную секту, просуществовавшую около сотни лет.

Его богословские взгляды были столь же крайними и максималистскими, как и моральные требования. Тертуллиан полагал, что христианство невозможно понять разумом: это предмет откровения и веры, а не философских рассуждений. Он с вызовом заявлял о его абсолютной новизне, не имеющей ничего общего со всеми предыдущими взглядами и представлениями. «Что общего между Афинами и Иерусалимом, — вопрошал богослов, — между Академией и Церковью, между еретиками и христианами?» Отсюда возник его знаменитый парадокс, сформулировавший суть «абсурдного» подхода к истине: «Сын Божий распят — это не стыдно, ибо достойно

стыда; и умер Сын Божий — это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес — это несомненно, ибо невозможно».

Тертуллиан вместе с Оригеном сформулировал новое учение о Св. Троице. Тертуллиан ввел в латынь само понятие Троицы (Trinitas). Он говорил, что Бог имеет три Лица, но одну природу, или субстанцию. Правда, у Тертуллиана эти три Лица были не совсем равноправны: субстанцией являлся только Бог Отец, а Сын и Св. Дух были лишь Его проявлениями и изменениями, как бы формой, в которой Он открывает Себя людям. Поэтому Сын и Дух оказывались подчинены Отцу. Пытаясь примириться с монархианами, Тертуллиан говорил, что Бог един, как един император в Риме, но у Него есть помощники, так же как они есть и у императора, хотя это вовсе не отменяет монархии.

Тертуллиан первым ввел богословский принцип, по которому правильно не то, что более логично и разумно, а то, что более спасительно. Например, для спасения человеческого рода необходимо, чтобы Христос принял настоящее человеческое тело и настоящую человеческую душу. Исходя из этого, Тертуллиан уже во II веке ясно сказал то, что для многих оставалось неясным еще три века спустя. Вопрос о непостижимом воплощении Бога в человека был настолько сложен, что многих сбивал с толку, причем не только еретиков. Например, Климент Александрийский считал, что хотя Иисус и воплотился в человеческое тело, но был абсолютно бесстрастен, то есть не испытывал ни голода, ни печали, ни гнева. Ел Он якобы только потому, чтобы кто-нибудь не подумал, что он призрак, для доказательства Своего воплощения. Тертуллиан же, опираясь на свою «безумную» логику, предвосхитил будущий догмат о двух природах в одном лице: «Мы видим двойственное состояние неслиянное, но единое в одном лице, видим Бога и человека Иисуса».

В свое время Тертуллиан был очень популярен и пользовался огромным авторитетом: св. Киприан, например, не проводил и дня, не прочитав что-нибудь из его сочинений. Но уклонение в монтанизм сильно подпортило его репутацию, и позже его заслуги были надолго забыты Церковью.

Ориген

Египтянин Ориген (его имя означает «рожденный Гором», одним из древнеегипетских божеств) был первым крупным богословом, родившимся в христианской семье. Его отца Леонида обезглавили за исповедание христианства. Сам Ориген страстно стремился к мученичеству и хотел присоединиться к арестованному отцу, но мать не пустила его из дома, отобрав одежду. Тогда он отправил в тюрьму ободряющее письмо, где убеждал отца принять муки за Христа: «Держись, не передумай ради нас!» В 17 лет Ориген остался сиротой с матерью и шестью младшими братьями, почти в полной нищете, поскольку имущество отца было конфисковано. Он жил, продавая книги языческих писателей, на 4 оболы в день: этого едва хватало на пропитание. Ориген не участвовал ни в каких развлечениях и юношеских забавах, ночами напролет читал Священное Писание, спал на голом полу, ходил босым и полураздетым, следуя завету Христа «не иметь ни двух хитонов, ни обуви». Он никого не боялся, посещал в тюрьмах мучеников, сопровождал их на казнь и целовал на глазах у разъяренной толпы язычников. Ходили слухи, что он оскотил себя еще молодым, чтобы, по Евангельскому слову, стать «скопцом для Царствия Небесного». Его называли Адамантием — твердым, как алмаз.

От голодной смерти Оригена и его семью спасло покровительство некой знатной женщины, сочувствовавшей христианам. В восемнадцать лет он стал главой александрийской церковной школы. Чтобы изучить Библию, Ориген выучил еврейский язык и раздобыл все ее переводы, какие смог найти. Он разыскивал их в городах, покупал с рук у неизвестных людей, выкапывал из тайников, находил в архивах. В своих «Гексаплах», давая седьмой вариант перевода псалмов, он сделал примечание, что нашел его в городе Иерихоне, в огромном глиняном кувшине. Кроме богословия Ориген преподавал арифметику, геометрию, философию, поэтому его высоко ценили даже римские философы. Аммоний Саккас, основатель неоплатонизма, сокрушался, что Ориген оставил философию ради богословия: «Разменял на мелочи и себя, и свои способности к науке». Ему вторил Порфирий, упрекавший богослова в том, что тот уклонился от философии к «варварским суевериям», то есть к христианству. Юлия Маммея, мать

императора Александра Севера, приглашала Оригена к себе в Антиохию, чтобы он толковал ей Священное Писание.

Среди христиан слава Оригена была так велика, что его как эксперта вызывали на соборы в разные уголки империи — для борьбы с еретиками. Он побывал в Афинах, в Аравии, в Палестине, где его посвятили в сан священника, и в Риме, где с ним подружился папа Ипполит. Но в самой Александрии местный епископ Димитрий относился к нему ревниво и недоброжелательно, считая, что его подопечный слишком «зарывается». Димитрия раздражало, что Ориген, простой мирянин, обучал слову Божью епископов, а потом в обход его принял сан в чужой епархии, к тому же будучи скопцом, что запрещалось церковными канонами. В вину Оригену ставились и его слишком смелые богословские мнения, например, что дьявол будет спасен Христом. Димитрий собрал два поместных собора, которые постановили лишить Оригена сана и изгнать его из Александрии. Оригену пришлось перебраться в Палестину, где он продолжал преподавать науки и заниматься своими учеными трудами. Здесь он прожил остаток жизни, окруженный преданными почитателями, которые записывали каждое его слово. Жестокие гонения при Деции погубили и Оригена: уже глубоким стариком его арестовали и подвергли пыткам, после которых он вскоре умер.

Читайте в приложении: Учение Оригена

Монтанизм

Одной из крупнейших ересей раннего христианства был монтанизм. Это течение можно назвать реакцией на обмирщение Церкви. В среде христиан всегда было немало людей, которые понимали учение Христа в самой строгой и суровой форме, не признавая никаких послаблений и смягчений. «Отвергнись себя и возьми крест свой», «Оставь отца своего и мать свою и иди за Мной» — такие и подобные им слова Иисуса служили для них абсолютной нормой, любое отклонение от которой воспринималось как предательство. Мирная обывательская жизнь, которую все чаще вели христиане, не удовлетворяла их религиозного чувства, требовавшего горения и подвига. Им казалось, что, упорядочивая свою жизнь, создавая жесткую

церковную организацию по образцу ветхозаветной — с жрецами-священниками, обрядами, храмами, службами, культовыми книгами, таинствами, — человек все больше отдаляется от Бога и от веры. Выразителем мнений и потребностей таких людей стали Монтан и основанное им движение.

Монтан родился в маленьком городке Ардабау на границе Фригии, поэтому его ересь иногда называли «фригийской». Считается, что до обращения в христианство Монтан был жрецом Кибелы, восточной богини, требовавшей оскопления своих служителей. Приняв христианство, он начал проповедовать и быстро распространил свое учение во Фригии и соседних областях Малой Азии. В некоторых местах, например в Фиатире, к нему примыкали целые города.

Монтан решительно отбросил все, чторосло на христианстве за двести лет его существования. Никаких компромиссов, никакого союза с мирским обществом и государством он не допускал. По его мнению, основой христианской жизни должно было быть непосредственное, личное общение с Богом через Св. Духа: «В последние дни изолюю от Духа Моего на всякую плоть» (Иоил. XXVI, 28). Это общение происходило через откровение, даруемое верующему во время экстаза или во сне. Какие-либо посредники в виде епископов и пресвитеров были больше не нужны, церковная иерархия отменялась: Церковь управлялась непосредственно Святым Духом. Пророчества самого Монтана и его учеников — Прискиллы, Максимиаллы, Фемисона и др. — заменяли священные тексты и составляли новый канон, который могли дополнять и изменять новые пророчества. Содержание этих пророчеств ничем не отличалось от учения Вселенской Церкви, новой была лишь сама практика личных откровений, которую Церковь в III веке уже не одобряла и не принимала.

Учение Монтана не сводилось только к отвержению епископства: он вообще был настроен строго и аскетически, стараясь возродить первоначальную чистоту и святость христианства. Он отвергал брак и службу в армии, призывал раздавать имущество, открыто исповедовать веру и принимать мученичество. При нем снова, по примеру ранних христиан, стали проводиться общинные собрания с совместными трапезами, где все верующие были равны перед Богом и каждый мог, преисполнившись Святого Духа, пророчествовать об истине. Монтан и его последователи были убеждены в скором наступ-

плении Страшного суда — это тоже объединяло их с ранними христианами — и довольно четко определяли если не время, то место его пришествия: небольшой городок Пепуза во Фригии, который они называли небесным Иерусалимом. Сюда монтанисты, распродав дома и все свое имущество, устремлялись толпами, чтобы первыми предстать перед Господом.

Монтанизм распространился стремительно и широко. В Северной Африке в новую ересь уклонился «неистовый» Тертуллиан, увлекший с собой многие приходы. В Риме ее едва не признал римский папа, но в последний момент его отговорил монархианин Праксей. Для борьбы с опасной ересью Церковь бросила в бой свои лучшие силы: Клавдия Иерапольского, Мильтиада, Серапиона Антиохийского, Иеронима и других талантливых писателей. Православные христиане смотрели на монтанистов как на злейших врагов веры и предлагали изгонять бесов из «фригийских святых», высмеивая их пророков и давая им презрительные клички. За то, что монтанисты проповедовали, прижав к носу кончик указательного пальца, их называли «застрявшими в носу», а за обычай причащаться хлебом и сыром — «сыроедами». Даже раскаивавшихся монтанистов в Церковь принимали не иначе как через второе крещение. Некоторые ортодоксальные епископы в полемическом запале заходили так далеко, что обвиняли приверженцев Монтана в употреблении крови младенцев и каннибализме — то есть именно в том, в чем язычники упрекали их самих. По-видимому, были и прямые столкновения между монтанистами и их христианскими противниками: церковный писатель Евсевий сообщал, что монтанисты называли православных христиан «проуроубийцами».

Несмотря на гонения со стороны государства и Церкви, монтанизм существовал очень долго, почти шестьсот лет. Начав с отрицания епископства и церковных властей, со временем он пришел к созданию собственной иерархии, подтвердив своеобразный закон, по которому всякое земное общество либо расползается вширь и исчезает, либо вытягивается по вертикали. В VIII веке император Лев Исавр издал против монтанистов закон, обязывавший их принять православие. В ответ многие из них сожгли себя внутри своих молитвенных домов.

Монтанизм был только первой ласточкой в ряду похожих ересей. Монтана иногда называют первым протестантом, хотя его учение и практика напоминали скорей образец и парадиг-

му для многих последующих сект, где подкупающая строгость в личной жизни, чистая и ясная духовная последовательность и бескомпромиссность веры сочетались с сомнительной и мутной экстатичностью духовного рая и с недобросовестной и истеричной предапокалиптической риторикой, разжигавшей нездоровый фанатизм. На таком фоне ортодоксальное христианство выглядело воплощением здравого смысла, часто переходившим, однако, в мирскую косность и формализм, что рано или поздно вызывало новый взрыв религиозного максимализма.

Можно добавить, что обратной стороной религиозного ригоризма, в том числе и монтанистского, были нетерпимость и презрение к «чужим», доходившее до прямой жестокости. Вот как описывал Страшный суд суровый Тертуллиан: «Будут и другие зрелища: день последнего, окончательного суда... Это будет пышное зрелище. Там будет чем восхищаться и чему веселиться. Тогда-то я и порадуюсь, видя, как в адской бездне рыдают вместе с самим Юпитером сонмы царей, которых придворные льстецы объявили небожителями. Там будут и судьи — гонители христиан, объятые пламенем более жестоким, чем свирепость, с которой они преследовали избранников Божиих. Будут посрамлены и преданы огню со своими учениками и философы, учившие, что Богу нет до нас дела, что души или вовсе не существуют, или не возвратятся в прежние тела... Тогда-то мы и послушаем трагических актеров, голористо оплакивающих собственную участь; посмотрим на лицедеев, в огне извивающихся, как в танце; полюбуемся возницей, облаченным с ног до головы в огненную красную ризу... Но с еще большим удовольствием погляжу я на тех, кто свирепствовал против Господа... Такого зрелища, такой радости вам не предоставит от своих щедрот ни претор, ни консул, ни квестор, ни жрец, причем, благодаря вере, силой воображения уже сейчас мы можем в общих чертах представить его».

Глава вторая. Гностицизм

Тень христианства

Очень рано, у самых истоков христианства, к нему стало примешиваться сложное и необычное учение, непохожее на все существовавшее раньше и почти не имевшее аналогов

в будущем. Это было «лжеименное знание», как называли его христиане, или гностицизм. Появившись еще до рождения Христа, гностицизм на протяжении двухсот лет, как темный двойник, сопровождал ортодоксальное христианство, тесно переплетаясь с его главным течением и создавая с ним странные и причудливые гибриды.

Вообще, первые два века от Рождества Христа были для богословия чем-то вроде нильского ила — мутной и плодородной жижей, из которой, как зеленые ростки, в изобилии вылезали самые удивительные ереси. Тот Новый Завет, каким мы знаем его сегодня, выкристаллизовался только к IV столетию, а до этого параллельно с ним ходило немало апокрифических книг, где евангельские события представляли в сказочном и причудливом виде. В «евангелиях» Фомы, Филиппа и Марии, в апокалипсисах Адама и Иакова, в «Трактате о воскресении» и «Апокрифе Иоанна» можно найти множество неизвестных изречений Христа, фантастических событий и потрясающих историй. Сам Христос похож в них на космического посланца или на часть грандиозного мифа, в котором действуют загадочные персонажи со странными именами вроде Барбело, Изель, Ахамот. Эта темная, но богатая мыслями литература, густо замешанная на магии и мистике, и была той средой, на которой произрастал гностицизм.

Основная суть всех гностических систем сводилась к трем пунктам. Первый: наш мир — самый худший и низший из всех миров. Второй — наш мир сотворен не истинным Творцом, а злым и ограниченным демиургом, который несет ответственность за все творящееся в нем зло. Третий — некоторые из людей сотворены непосредственно Творцом и могут познавать («гнозис» по-гречески означает «знание») исходящую от Него истину и, просветленные этой истиной, спастись из мира зла и вернуться к своему Творцу.

Мир для гностиков представлял собой трагическое смешение духовных и плотских элементов, а смысл и суть спасения заключались в отделении первых от вторых. С точки зрения гностицизма плохо не то, что существует материя, а то, что она пленяет и подавляет дух. Духовное не может просветить материю, а лишь освобождается от нее, да и то только после титанических усилий. Поскольку мир сотворен злым демиургом, который в Библии называется Богом, то надо быть на стороне всех, кто боролся с Богом и выступал против него. Святость

и греховность у гностиков были перевернуты наоборот: Каина они считали святым, а Авеля преступником, Иуду — добрым началом, а Христа — злым. В отношении телесной жизни гностики делились на строгих аскетов, не принимавших ничего плотского, и антиномов, предававшихся разнузданным удовольствиям и пренебрегавшим плотью как чем-то безразличным и не влияющим на дух.

Системы гностиков до сих пор поражают своей громоздкостью, гигантскими масштабами небесных катаклизмов и бесконечным множеством разных персонажей, вступающих между собой в запутанные отношения. Это мир зависти, мести, борьбы, обманов, падений и самопожертвований. Христиане потратили немало сил и трудов, чтобы подробно описать головоломные учения гностиков. Это было важно, потому что именно такими причудливыми историями гностики привлекали к себе учеников, выдавая свои мифы за сокровенную истину, которая понемногу, шаг за шагом, открывалась изумленным неопитам. Сама сложность и многоступенчатость системы, усугубленная к тому же недосказанностью, казалась залогом ее истинности. Описать ее во всей наготе и нелепости значило ее разоблачить.

Разнообразие гностицизма

Гностицизм породил огромное количество сект, которые трудно не только описать, но и просто перечислить. Одни только офиты создали несколько ветвей своей доктрины, разделившись на наассенов, ператиков, сифиан, каинитов, архонтиков, барбелиотов и многих других. Представители этой ереси поклонялись змею-искусителю, соблазнившему в раю Еву и Адама, и считали его Мессией и Христом, который научил людей познавать самих себя. Во время своих тайных богослужений офиты держали в ящике змею и выпускали ее на стол, чтобы она соприкоснулась с хлебом, который они употребляли для евхаристии. В заключение службы участники собраний устраивали оргии, где предавались традиционному разврату для «умерщвления плоти».

Другие гностики, симониане, обожествляли Симона Волхва, о котором мы уже рассказывали. Многие считают его главным основателем гностицизма. Не сумев стать апосто-

лом, Симон объявил себя Богом и придумал один из первых гностических мифов, где земной мир оказывался творением злых архангелов. В этой красочной истории порожденные божественной Мыслью (по-гречески «Энная») архангелы подняли мятеж, создали наш ущербный мир и, захватив Энною в плен, заключили ее в тело женщины по имени Елена. Пройдя длинную цепочку воплощений — в том числе и как Елена Прекрасная в Спарте, — она дошла до последней степени падения и стала проституткой в Тире. Но плотские воплощения никак не затронули ее духовной божественной и бессмертной сути. Симон, ее истинный отец, следил за Еленой с неба и сошел в мир, чтобы спасти ее из плена. Во время нисхождения на землю он проходил через все небесные сферы и видоизменялся в соответствии с тем уровнем, в котором пребывал. «В каждом небе я принимал другую форму, соответствующую форме бытия каждого неба, так что я мог оставаться скрытым от правящих ангелов и спуститься к Энное, которая называется также Пруникос и Святой Дух, через которую я сотворил ангелов, которые потом сотворили мир и человека». Наконец, на земле Симон принял облик Христа и освободил Елену, а вместе с ней — и все духовное, плененное материей в этом мире.

Еще более замысловатую сказку придумал Василид, сириец, живший в Египте при императоре Адриане. Это был большой фантазер и выдумщик, не стеснявшийся искажать общеизвестные факты и перекраивать по своему желанию евангельскую историю. Например, он уверял, что когда во время шествия на Голгофу Иисус передал Симону Киренейскому Свой крест, то вместе с ним отдал и Свой наружный вид, так что на самом деле распяли не Иисуса, а Симона. Василид придумывал разных несуществующих пророков с варварскими именами — Варкоф, Варкавва, — приписывал апостолу Петру тайное учение, которое сам Василид якобы перенял у его последователей, и, подражая Пифагору, требовал пятилетнего молчания от новых учеников.

Василид учил, что сотворенный мир естественным образом разделится на три слоя, примерно так же, как это происходит в жидких средах: легкая духовная часть сразу вознеслась к Творцу, более тяжелая душевная с трудом последовала за ней, а самая массивная материальная осела на дне, прихлопнутая, словно надгробной крышкой, небесной Твердью. Здесь в косной и бездуховной тьме, ничего не знавшей о светлом ми-

ре, обитали творцы-архонты, создавая землю и людей и искренне считая себя высшими богами. Мировая трагедия заключалась в том, что некоторые частицы небесной сущности застряли во мраке материальности и оказались в плену. Эта светоносная часть всегда жила в духовных людях, которым было тесно и тяжело в грубой материальной оболочке. Их-то и пришел освободить Иисус, посланец высшего мира, который в конце концов соберет все частицы света и духа и вернет их обратно к Творцу. А материальный мир, больше не тревожимый ничем духовным и навсегда забывший о его существовании, сможет благополучно и самодовольно пребывать в своем мраке.

Но пожалуй, проще и понятней всего была система Сатурнина. По его мнению, Бог сотворил множество миров, из которых последние семь объединились во главе с божеством Яхве, образовали союз семи планет и решили создать новый мир наподобие того, что существовал наверху. Для этого они отвоевывали у сатаны часть злой материи и сотворили из нее земной мир и человека. Поскольку творцы из них были неважные, человек получился несчастным и жалким созданием, которое не могло даже ходить и только ползало как червь. К счастью, истинный Бог, сжалившись, заронил в него искру духа, и человек устремился к небу. Тогда сатана создал из материи других людей, которые начали преследовать «духовных», а иудейский Бог-Яхве, слабый и бессильный, ничем не мог им помочь. Но в конце времен пришел Христос, посланник истинного Бога, который научил людей, как спастись посредством знания и аскетизма. В секте Сатурнина практиковали суровое воздержание, в частности, запрещались брак и мясо.

В отличие от Василида и Сатурнина, Карпократ не только философствовал, но и практиковал магию, готовил зелья и общался с демонами. Для него самым важным было то, что мир — это нечто единое, неделимое и цельное: он называл его «монадой», то есть единицей. Ересиарх считал, что разнообразие мира само по себе плохо, поскольку создано ангелами, отпавшими от монады: злом является любое разъединение, проявление индивидуальности и отпадение от целого. Поэтому духовные, избранные души должны стремиться к возвращению в единство, преодолевая собственную индивидуальность. Учение Карпократа призывало попирать все законы морали, поскольку они придуманы сторонниками разделения целого.

Борьба с плотью не имеет значения, и вообще ни с чем не надо бороться, тем более с естественными влечениями: гностик отдается им, но не подчиняется, сохраняя свой путь к единству. Сын Карпократа Епифан подошел к этому вопросу более практически и ввел единство жен.

Особняком в гностическом мире стояли древние мандеи, или христиане св. Иоанна. Члены этой секты признавали истинным пророком только Иоанна Крестителя, а всех остальных, в том числе Моисея и Иисуса, считали лжепророками. По представлениям мандеев, мир должен существовать 480 тысяч лет, после чего последует 50-тысячелетнее царство праведников, а затем всякое зло исчезнет и наступит вечное царство света. Мандейская ветвь гностицизма отличалась строгим аскетизмом и крайней щепетильностью в проведении таинств и обрядов. У пресвитеров существовал обычай перед посвящением два месяца соблюдать строжайший пост, а если по каким-то причинам он нарушался, начинать его заново, поэтому иногда им приходилось поститься по полгода и больше. Из тех же благочестивых соображений мандеи крестились не один, а много раз — иногда по три раза в день, — чтобы очищаться от своих грехов. Хлеб, который они принимали при причащении, священник давал им прямо в рот, чтобы от прикосновения пальцев тот не утратил свою тайную силу.

Практически все гностические секты исчезли бесследно или остались только в отрывках и упоминаниях церковных писателей, и лишь мандеям удалось дожить до наших дней. Их небольшая община, сохранившаяся недалеко от иракского города Басры, насчитывает несколько тысяч человек.

Валентин

Валентин, еще один александрийский гностик II века, широко прославился своим учением и приобрел такой авторитет в Церкви, что его чуть не сделали римским папой. Позже он порвал с Церковью и был признан еретиком.

Учение Валентина — наиболее известное и самое популярное среди всех гностических течений. Когда говорят просто «гнозис», то имеют в виду именно Валентина. Христианство боролось с ним особенно упорно: его опровергал Ириней Лионский в книге «Против ересей», с ним спорил Ориген в сво-

их толкованиях на Евангелие от Иоанна, его клеймили Климент Александрийский и папа Ипполит.

Система Валентина грандиозна, запутанна и поэтична. Земной мир, по мнению Валентина, возник в результате любовной драмы. Изначально вся полнота бытия (гностики называли ее плеромой, то есть «полнотой») состояла из парных эонов, неких вечных духовных сущностей, которые вступали друг с другом в брак и порождали новые пары. Так, Первоначало в союзе с Молчанием родили Ум и Истину, те, в свою очередь, произвели на свет Слово и Жизнь, от них произошли Человек и Церковь и т. д. Гармония этого духовного царства нарушилась, когда последний из эонов, Мудрость, воспылал страстью к самому первому эону, Первоначалу, и породил младенца Мысль. Поскольку Мысль была незаконным и ущербным созданием, ее пришлось выбросить из плеромы в кеному (пустоту), где она произвела демиурга. Ничего не зная о плероме, демиург вообразил себя высшим Божеством и сотворил наш мир, а в нем — человека, не имевшего в себе духа, только материю и душу. Но Иисус, один из эонов, сожалел над несчастным творением и с помощью Мысли вложил в него духовное начало.

В рамках этого мифа Валентин ввел свое знаменитое разделение людей на три типа: плотских, душевных и духовных. Плотские люди, или язычники, произошли от материи, душевные (иудеи и христиане) — от демиурга, а духовные (гностики) — от Мысли. По учению Валентина, плотские люди обречены на гибель, духовных ждет воскресение в духе, а душевные, в зависимости от своих поступков, могут примкнуть к первым или ко вторым. Именно к ним, желая спасти их, и является Иисус в виде Мессии. Для самих гностиков Мессия не нужен: они спасаются собственной природой и могут делать все, что хотят. После преобразования вселенной они сочетаются браком с ангелами и в ангельском сонме будут воспевать хвалы Первоначальному, тогда как материальный мир погибнет в пламени.

Замысловатые системы Валентина и других гностиков до сих пор могут смущать и сбивать с толку. Кажется странным и непонятным, зачем нужно было выдумывать все эти олицетворенные абстракции? На самом деле главная задача гнозиса — объяснить, каким образом из доброго происходит злое. Если в начале всего лежит бесконечное благо, то откуда берет-

ся что-то злое и конечное? Гностики видели мироздание как последовательное развитие мышления Первоначала о самом себе. Познавая себя, Первоначало рождает зоны: так происходит распад простого на сложное, хотя в сложном содержится не больше, чем в простом. Зоны — это богатство индивидуальной сложности, которая раскрывает простоту и единство Первоначала. Каждый из зон бесконечно богат, но только в своих пределах. Отсюда и возникает ограничение: часть не может быть целым, она ущербна, а ущербность и есть зло.

У Валентина было много учеников и последователей, споривших между собой главным образом о том, было ли тело Иисуса только духовным или также и душевным. Наибольший след в истории оставили Ираклеон, Вардесан и Марк. Последний крестил своих приверженцев «во имя непознаваемого отца, во имя истины, матери всего, и во имя снизошедшего Иисуса».

Борбориты

Полный контраст возвышенному Валентину составляли борбориты, самая грубая и извращенная форма гностицизма. Борбориты были тайной сектой, скрытно существовавшей среди мирян и монахов и практиковавшей ритуальную сексуальность. Они почитали трех богов — Отца, Сына и Марию, а их главный обряд составляло ритуальное осквернение десяти девственниц в святилище. Сексуальные акты были нужны борборитам для того, чтобы собирать мужское семя и женские выделения, которые они считали священными. Епифаний Кипрский, специалист по христианским ересям, объяснял это так: «О силе, заключенной в менструальной крови и в семени, борбориты утверждают: это душа, и мы ее, собирая, поедаем».

Епифаний красочно описал обычаи и правила борборитов. «Жен своих имеют они общими, и если приходит какой гость, держащийся того же с ними догмата, то у них есть знак у мужчин к женщинам и у женщин к мужчинам, — именно, протягивают руку для пожатия и снизу ладони производят прикосновением какое-то щекотание, давая тем знать, что прибывший одного с ними исповедания. После сего, уже зная друг друга, тотчас обращаются к угощению; и хотя бедны, предлагают

обильные яства мясные и вина; по окончании сего пиршества, когда жилы от пресыщения, так сказать, станут полны, предаются неистовству похоти; муж, удаляясь от жены, говорит супруге своей такие слова: восстань, сотвори любовь с братом. И несчастные совокупаются между собой».

«По совокуплении в блудной страсти, сверх этого простирают хулу свою на небо: приняв женщину, истечения от мужского органа на собственной руке муж ставит в отрицание небу — на руке имея нечистоту, так молится... делая подношение Отцу и говоря: “приносим Тебе это приношение — тело Христово”. И таким образом едят это, имея долю в общем безобразии и говоря: “сие есть тело Христово и сие есть пасха, чрез страдание наши тела, и страсть Христова принуждает к согласию”. Таким же образом и с женщиной: когда настает время освобождения крови, месячную кровь нечистоты собирают и, получив таким образом, едят сообща. И “сие, говорят, есть кровь Христова”». Епифаний добавлял, что совокупление у борборитов полагалось осуществлять 365 разными способами, по числу «князей мира сего», от каждого из которых они освобождались с помощью полового акта. Прошедшие сквозь это женщины, однако, считались девами, поскольку не приняли в себя семя.

В ходу у сектантов были онанизм («Некоторые из них, не приближаясь к женам, собственными своими руками растлевают себя и растление свое берут в руки, и так съедают») и гомосексуализм («сближаясь с женами и не насыщаясь уже совокуплениями со многими, разжигаются друг на друга, мужи на мужех»). Деторождение при этом было запрещено, поскольку считалось, что размножение способствует закабалению духа. Зачатым младенцам находили другое применение: «Вытягивая эмбрион вниз, забирают зародыш этот для поедания в едином кругу и, собравши все свиное и собачье, смешивают мед, перец и другие ароматы и масти, дабы не стошнило их, и каждый приверженец имеет по персту от измученного младенца. И таким образом произведя людоедство, молятся наконец Богу». По мнению борборитов, все эти непотребства заповедал творить Сам Иисус, Который в их Евангелиях совокупляется с женщиной и предлагает есть Свою сперму.

Секта борборитов была полностью уничтожена римскими властями. После ареста и пыток ее приверженцев заклеямили каленым железом, вымазали черной краской, разрисовали цветными пятнами и изгнали из страны.

Маркион

Маркион, выходец из Малой Азии, прославился тем, что внес в христианскую общину Рима 200 000 сестерций, чем сразу заслужил большой авторитет. Еще в молодости, уверовав во Христа, он отказался от всего своего имущества и начал проповедовать христианство, но уже скоро был отлучен за ересь собственным отцом, епископом Синопа. В отличие от многих гностиков, Маркион и его ученики вели строго аскетическую жизнь, за которую их хвалили даже враги. Сам он говорил, что люди его ненавидят, и своих приверженцев называл «товарищами по бедствиям».

Маркион считал, что Бог Евангелий не может быть Богом Ветхого Завета: они совершенно различны и по духу, и по учению. Бог Ветхого Завета на самом деле дьявол, демиург. Наш мир сотворен демиургом, который дал человеку закон, но не вдохнул в него нравственных сил для исполнения закона. Демиург думал, что достаточно дать строгие правила жизни, чтобы установить порядок в мироздании. Но люди, не имея сил следовать этим правилам, мучились как при жизни, так и после смерти, поскольку демиург отправлял всех грешников в ад (а грешниками были все). Наконец настоящий благой Бог послал на землю Мессию, который научил людей, что демиург — не истинный Бог. После распятия на кресте Мессия сошел в ад, чтобы освободить от власти демиурга мертвых, а живых он освободит во время второго пришествия.

Маркион почитал истинными только десять посланий Павла и отредактированное им самим Евангелие от Луки; из этого Евангелия он изъял все ссылки на Ветхий Завет, которые были, по его мнению, вставлены туда сторонниками иудаизма. Таким образом Маркион, по словам Тертуллиана, отделил Новый Завет от Ветхого. Деятельность Маркиона встретила одобрение среди многих христианских групп. Влияние ересиарха было столь сильно, что римская община очень долго вела с ним переговоры, пытаясь достичь соглашения, но он умер, так и не успев примириться с христианами Рима.

Иногда к маркионитам причисляют энкратитов — приверженцев крайнего аскетизма в христианстве. Они признавали христианское учение, но были скорее последователями древних восточных сект, питавших отвращение к плоти и старав-

шихся как можно меньше соприкасаться с едой и сексом. Энкратиты питались только хлебом и водой и даже евхаристию совершали на воде. Во главе их стояли знаменитый Татиан, позже ставший гностиком, и его ученик Север. Некоторые уподобляли энкратитов гемеробаптистам, которые постоянно омывали себя водой от скверны.

Маркионитство просуществовало целых 600 лет, до VII века, пока не слилось с манихейством.

Манихеи

В 241 году на аудиенции у персидского шаха Шапура появился странный молодой человек в желто-зеленых штанах и плаще небесной голубизны; в правой руке он держал черный посох, а в левой — книгу. Это был Мани из Хамадана, называвший себя потомком Аршакидов, основателем новой веры и великим мессией, явившимся для спасения мира на исходе веков.

Когда Мани прибыл ко двору Шапура, ему было всего 24 года. До этого он долго жил на Востоке и побывал в Индии, где изучал философию и практику буддистов. Мани считал себя последним пророком (после Будды, Заратустры и Христа) и истинным воплощением Святого Духа. Какое-то время его учение пользовалось успехом и смогло очаровать нескольких персидских шахов и индийского царя. Но в конце концов Мани был обвинен в ереси и казнен. С него живого содрали кожу острым тростником, труп разрезали на куски, а голову повесили над воротами города.

Кроме яркой и увлекательной мифологии, перемешавшей гностицизм с зороастризмом, манихеи славились своей живописью и книгами. Мани лично рисовал замечательные картины, пользовавшиеся большим успехом. Манихейские книги считались самыми прекрасными книгами, когда-либо существовавшими на свете. Искусные каллиграфы писали текст на белоснежной бумаге, тонком пергаменте или шелке, используя лучшие чернила и тушь, которые прекрасно сохранились даже через несколько сотен лет. Мусульманский ученый аль-Гахиз, видевший их в IX веке, написал: «Воистину, никакая бумага, какую я когда-либо видел, не сравниться с бумагой, на которой написаны их книги, и никакая каллиграфия

с той, какая применяется в них». Строчки в этих книгах были разноцветными, а текст, усеянный вместо знаков препинания рисунками цветов, испещрен драгоценным орнаментом и миниатюрами — драгоценным в прямом смысле, поскольку на него шло сусальное золото. Все это заключалось в переплет из мягкой кожи и листового золота, украшенный пластичными черепашьими панцирями и уголками из слоновой кости.

Манихеи были известны своим трепетным отношением к еде. Они думали, что, поедая плоды земли, освобождают частицы света, плененные в них материей, и возвращают их вечному Духу. Иерархия у них была сложной и очень замкнутой: Августин, бывший манихеем девять лет, так и не поднялся выше первой ступени «слушателей». За «слушателями» шли «избранные» и «совершенные», делившие, в свою очередь, на «сынов разума», епископов, «учителей кротости» и т.д. Все они практиковали строгую дисциплину и суровый аскетизм, привлекавший к ним новых почитателей.

Учение манихеев опиралось на идею дуализма — то есть противоборства материи и духа, — которая возникла гораздо раньше манихеев и продолжала развиваться после них. Простота и наглядность этого принципа, рисовавшего ясную и стройную картину борьбы добра и зла, прельщали многих последователей в разные времена и разных странах. К наследникам манихеев принято относить средневековые секты богомилов, альбигойцев, катаров и павликиан. В Уйгурском царстве манихейство одно время даже было государственной религией, но показало себя не с лучшей стороны, жестоко преследуя инакомыслящих. Манихейские корни легко можно найти в сегодняшних сектах и даже в повседневных взглядах современных людей.

Читайте в приложении: Системы гностиков

Глава третья. Центробежная Церковь

Каликст против Ипполита

Для стороннего наблюдателя история Церкви — это прежде всего история расколов. Когда читаешь церковные хроники, хорошо заметно, что в течение столетий она все боль-

ше распространялась вширь, одновременно разваливаясь на части. Если взять пример из астрономии, можно сравнить ее с одной из тех «горячих» звезд, которые несутся через космос с пылающим термоядерным ядром, по дороге разрываясь и теряя свою массу. Центробежные силы в Церкви были больше центростремительных: брошенная в мир, она неуклонно двигалась к истине, роняя откалывавшиеся по пути куски.

Одна из первых больших трещин, появившихся в ее фундаменте, появилась в начале III века и была связана с соперничеством Каликста и Ипполита. На протяжении первых двух столетий христианства дисциплина в Церкви постепенно падала. Суровый ригоризм первой прозелитской Церкви со временем смягчался в сторону все большей терпимости и свободы. В Риме строгие и требовательные папы Элефевр и Виктор сменились умеренным Зефирином, а потом и совсем мягким Каликстом. Каликст был настолько снисходителен и либерален, что возмущившаяся часть римских верующих в противовес ему выбрала другого папу — св. Ипполита.

Ипполит постоянно клеймил и разоблачал своего соперника. В его изложении жизнь Каликста больше походила на похождения бессовестного проходимца и пройдохи, чем на биографию римского епископа. По версии Ипполита Каликст был неверный раб, которому его господин, христианин по имени Кариофор, поручил вести свои дела. Каликст растратил казну и попытался сбежать, но Кариофор его настиг и отправил работать на мельницы. Однако Каликст не унялся и там: он ворвался в синагогу и устроил беспорядки, после чего его отдали под суд и отправили на рудники в Сардинию. Даже римский папа Виктор был о нем такого плохого мнения, что, когда император Коммод согласился освободить сардинских христиан, вычеркнул из списков только одного Каликста. Несмотря на это, Каликст все-таки вышел на свободу. Когда Виктор умер, он вернулся в Рим, втерся в доверие новому папе Зефирину и стал сначала пресвитером, а потом и папой.

Как римский епископ Каликст, по мнению Ипполита, также проявил себя не лучшим образом: он совершил множество церковных проступков и грехов, выразившихся главным образом в его чрезмерной снисходительности. Каликст принимал в Церковь без разбора всех отлученных и покаявшихся еретиков; говорил, что епископа нельзя низложить, даже если он впадет в смертный грех; делал священниками людей, со-

стоявших во втором и третьем браке, и спокойно относился к тому, что клирики женятся, не оставляя своих церковных должностей. Кроме того, он ввел в Церкви второе крещение и покровительствовал убийцам и прелюбодеям.

Последнее обвинение нужно прояснить. Каликст выступал за признание браков знатных римлянок с рабами. В Риме женщины аристократического происхождения не имели права выходить замуж за рабов и мужчин низшего сословия. Такие отношения допускались только как сожительство — конкубинат — без всяких юридических обязательств. Патрицианки при этом теряли свои родовые сенаторские права и титул *clarissima*, «светлейшая». Дети также лишались наследственных прав, поэтому женщины часто не желали иметь детей от мужей-конкубинариев. Каликст из милосердия разрешил христианкам из высших сословий выходить замуж за рабов, вольноотпущенников и безродных римлян, то есть сделал такой брак законным с точки зрения Церкви. По мнению Ипполита, это и было одобрением прелюбодеяния и абортов, к которым могли приводить подобные браки.

Между Ипполитом и Каликстом имелись и чисто богословские разногласия. Ипполит и его сторонники настаивали на абсолютной божественности Иисуса (Отец и Сын — два образа божества), за что их обвиняли в отступлении от монотеизма. Каликст называл Ипполита двубожником и сектантом, а тот его — савеллианином. Большинство христиан было на стороне более мягкого Каликста, но борьба их так ничем и не кончилась: оба погибли во время очередных гонений.

Вражда продолжилась и после смерти Каликста при его преемниках Урбане и Понтиане. В конце концов власти, раздраженные раздором между двумя христианскими партиями, выслали на Сардинию и Урбана, и Понтиана, а римская община выбрала нового единого папу Антероса. На этом первый церковный раскол закончился.

Киприан и Новациан: проблема отступников

Вскоре за первым расколом последовал второй. В 248 году в Карфагене епископом выбрали Киприана, человека достойного, но крестившегося всего за два-три года до избрания и поэтому, по мнению части паствы, не заслуживавше-

го такой чести. Как раз в это время начались гонения Деция, и Киприану пришлось бежать, чтобы управлять Церковью из тайного убежища. Это поставили ему в вину, напомнив слова из Евангелия о плохом пастыре, который, увидев волка, оставляет овец и убегает. Авторитет Киприана упал, зато вырос авторитет мучеников и исповедников веры, которые стали чувствовать себя выше епископа и давать ему указания. Они принимали решения, кого из отступников, отпавших от веры во время гонений, можно принимать в Церковь, и выдавали им специальные оправдательные записки, *libelli pacis*, часто без всякого разбору. Нередко записки были даже без указания имени, их мог взять любой и предъявить как доказательство своего прощения. С такими оправдательными справками падшие толпились вокруг епископов, уже не прося, а требуя восстановить их в церкви. Некоторые мученики самого Киприана считали чуть ли не падшим, поскольку он сбежал от гонений.

Киприан оказался в неудобном положении: ему пришлось выступать против почитаемых всеми исповедников веры. Он писал, что в двери церкви «можно стучаться, но нельзя их взламывать», и призывал мучеников быть осмотрительней в выдаче *libelli pacis*.

После окончания гонений и возвращения Киприана в Карфагене состоялся собор, где решался вопрос об отступниках. Их обнаружилось огромное количество: Церковь, по признанию самих христиан, лежала в развалинах. Многие из них были отлучены от Церкви и образовали особую партию, которая избрала своего епископа Фортуната. Стоявший во главе раскольников Новат обратился за поддержкой в Рим.

В Риме в это время происходили свои раздоры. Авторитетный пресвитер Новациан выступил против папы Корнелия. По мнению Новациана, Корнелий слишком мягко относился к отступникам и слишком легко принимал их в Церковь. Произошел раскол, в котором одна сторона постаралась всячески очернить другую. Новациан объявил Корнелия отступником от веры. Корнелий называл Новациана бесноватым, трусом и клятвопреступником. Папа рассказывал, что, когда во время гонений христиане просили у Новациана помощи, тот якобы отказался от своего пресвитерства, сказав: «Я держусь другой философии», — и, уехав из Рима, занялся литературой. К тому же, по словам папы, Новациан был так честолюбив, что римские пресвитеры и исповедники взяли с него

клятву, что он никогда не будет претендовать на епископский сан, однако Новациан ее нарушил. Он отыскал где-то в глуши трех невежественных епископов, пригласил в Рим, запер у себя в доме, напоил, и после этого они произвели его в епископы. Когда от Новациана стали разбегаться даже его верные сторонники, он от отчаяния прибег к такой тактике: всех, кто приходил к нему причащаться, хватал за руки и требовал дать клятву, что они никогда его не оставят и не перейдут к Корнелию. Только после их согласия он давал им причаститься, и вместо «аминь» они провозглашали: «Я никогда не перейду к Корнелию». В таком виде папа Корнелий представлял Новациана.

При императоре Валериане Новациан погиб мученической смертью, но раскол на этом не кончился. Новацианство существовало еще несколько столетий и сумело заслужить уважение даже православных христиан. Новациане отличались исключительной нравственной чистотой и строгостью личной жизни. Благодаря этому они находили сторонников среди всех приверженцев сурового благочестия и церковной дисциплины. Во время бурных споров о Троице и природе Христа новациане были союзниками православных, поскольку придерживались тех же догматов. Позже императоры-христиане, преследовавшие ереси, вычеркивали их из списков еретиков. Даже Иоанн Златоуст отзывался о новацианах с симпатией и почти соглашался принять их в церковное общение. В сущности, именно стремление к чистоте отделило новациан от ортодоксов. Церковь казалась им запятнанной общением с отступниками. Они считали, что падших должна прощать не Церковь, а только Бог.

Спор о переkreщивании еретиков

В связи с новацианами в Церкви возникла новая проблема — нужно ли переkreщивать их в случае раскаяния? Этот вопрос вызвал новую волну споров, на этот раз между Римом и Карфагеном. Что такое крещение и как соотносятся *форма* крещения и *учение* тех, кто крестит?

Понятно, что чем дальше стояла ересь по форме и учению от ортодоксального христианства, тем больше было оснований переkreщивать раскаявшихся еретиков. Гностиков пере-

крещивали, не задумываясь; над монтанистами уже задумались: догматически они были православными, но добавляли в учение свои пророчества, — но все же решили перекрещивать. Новациане, однако, не отличались от православных ни догматически, ни канонически, хотя считались схизмой и сами повторно крестили обращавшихся к ним православных. Папа Стефан в Риме решил не перекрещивать обращавшихся новациан, а в некоторых случаях даже сохранять за ними церковные должности, которые они имели у новациан. Стефан хотел проявить мягкость, в противовес суровым новацианам, и тем самым привлечь отступников.

Но на Востоке продолжали придерживаться мнения, что надо перекрещивать всех еретиков, включая новациан. Киприан собрал в Карфагене собор из 31 епископа, еще раз подтвердивший эту практику. В том же духе он написал послание Стефану, уточнив, что по данному вопросу каждый епископ может принимать решение сам, за что даст потом ответ Богу. Стефан, заранее зная содержание послания, не только не выслушал послов Киприана, которые привезли акты Карфагенского собора, но даже не пустил их в дом. Киприану он написал, что тот должен подчиниться ему, Стефану, как римскому папе и главному епископу Церкви, а до тех пор он отлучается от церковного общения. Такие же послания были отправлены двум другим христианским авторитетам того времени: Дионисию Александрийскому и Фирмилиану Кесарийскому.

В ответ Киприан собрал в Карфагене новый собор (256 год), уже с 87 епископами, который подтвердил прежнее мнение, и списался с Дионисием и Фирмилианом. Дионисий занял примирительную позицию, посоветовав Стефану не разжигать раздоры в церкви, а Фирмилиан поддержал Киприана и выразился в том смысле, что папа Стефан, отлучив восточную Церковь, отлучил сам себя.

Стефан пробыл на епископской кафедре в Риме всего три года; после его смерти спор уже без прежней горячности продолжался между его преемником Ксисомом II и Дионисием, пока постепенно не заглох сам собой. Как в это время поступали с обращенными еретиками, не известно: видимо, каждый епископ действительно решал вопрос по своему усмотрению. В 314 году собор в Арле принял окончательное решение: еретиков надо только спрашивать, как они веруют в Св. Троицу, и если оказывается, что веруют правильно, то принимать без

повторного крещения. Это постановление было подтверждено правилами Никейского, Константинопольского и Трулльского соборов. Так вопрос был решен на практике.

Теория перекрещивания

В теории все было сложнее. Стефан считал, что христианские таинства остаются истинными и за пределами Церкви, поэтому перекрещивать еретиков незачем. Киприан говорил, что вне Церкви нет ничего истинного: ни крещения, ни мученичества, ни праведной жизни и т. д. Он не делал различия между сектантами и схизматиками, для него они были на одно лицо: все, кто не в Церкви, — «противники Бога и антихристы». Киприан ссылаясь на слова Павла: «Един Господь, едина вера, едино крещение» (Ефес., IV, 5). Поэтому всех надо перекрещивать.

Но что делать, если вера едина, а Церковь — расколота? Стефан отвечал так: еретики верят в Св. Троицу, значит, их крещение истинно. Киприан думал иначе: вне «правильно учащей» Церкви вообще невозможна никакая вера. «Кто не имеет мать Церковь, не может иметь отцом Бога», — утверждал он. Поэтому вера у еретиков — лишь видимость, подобие настоящей веры. Даже если еретик пострадает за имя Христа, он не станет мучеником и исповедником. Вель и Сам Христос, в которого верят православные, совсем не тот же самый, в которого верят гностики или монтанисты.

Киприан выдвигал и другой аргумент: у сектантов и схизматиков нет епископской преемственности, а значит, нет и благодати, которая передается только через рукоположение епископов. Пусть крещаемый еретик и верит в Бога, но благодати при крещении он не получит, а значит, крещение не состоится. Сторонники Стефана считали, что на такого еретика достаточно наложить руки (то есть сделать конфирмацию, подтверждение веры), чтобы сообщить нисхождение на него Св. Духа, а второй раз крестить не надо. Киприан возражал, что если еретики могут крестить, то могут и возлагать руки и делать конфирмацию: где Иисус, там и Св. Дух. Кроме того, крещаемый помазывается елеем, который освящается на алтаре: если еретики могут это делать, то могут и совершать евхаристию. А значит, спастись можно и вне Церкви. Чтобы не

допустить такого вывода, следует признать, что все, в том числе и крещение, возможно только в Церкви. Тот, кто этого не признает — например, папа Стефан, — еще худший враг Церкви, чем сами еретики. Именно так и писал Фирмилиан Кесарийский, называя Стефана защитником еретиков. Римские христиане пытались возражать, что не так важно, кто крестит, как то, во что верует крещаемый: по его вере на него нисходит благодать крещения. Но Киприан настаивал, что единство Церкви важнее единства веры. Даже если православный и схизматик верят одинаково, но последний по каким-то причинам отошел от Церкви, он тут же теряет все дары Св. Духа, которые могут изливаться только в Церкви. Церковь — это не просто общество верующих, а общество объединившихся вокруг епископа. Где епископ, там и Церковь. Без епископа нет никакой веры, никакой благодати, никаких таинств. В совершении таинств епископ и священник играют ключевую роль. Совсем не безразлично, кто тебя крестит, православный или еретик. Еретик — грешник, «грешника Бог не слушает» (Ин. IX, 31), в нем нет Св. Духа, как же он может творить таинства? Отсюда Киприан делал вывод, что еретики и схизматики — те же язычники, их таинства не имеют никакого значения, поэтому их надо перекрещивать.

В конце концов Церковь признала правоту Стефана. Учение Киприана, человека вполне православного, признанного святого, блестящего логика и полемиста, объективно таило в себе опасность, которая вскоре привела к новому расколу — донатизму.

Менсурий и Цецилиан

Гонения Диоклетиана с особенной силой ударили по Африке, где власть принадлежала жестокому правителю Максимиану. Карфагенская церковь во главе с Менсурием старалась смягчить этот удар, не раздражая власти чрезмерным мученическим рвением и по возможности идя на уступки и даже хитрости. Например, когда от христиан потребовали выдать и сжечь их священные книги, Менсурий подложил в базилику церкви еретические сочинения и выдал их за православные. Обман раскрылся не сразу, позже гонения поутихли, и дело было закрыто.

Этот поступок вызвал нарекания христиан-ригористов. Последние еще при Киприане составили отдельную партию, противостоявшую партии умеренных. Ригористы считали недопустимыми любые уступки и послабления там, где следует мученичеством свидетельствовать свою веру.

Менсурий, предвидя их недовольство, сам вступил в переписку с их главой Секундом Тигизинским и попытался объяснить свои поступки. Секунд резко ответил, что придуманный Менсурием подлог с книгами недопустим: во-первых, потому, что недостойн христиан, а во-вторых, он может ввести в соблазн других собратьев.

Ригористы вообще были недовольны тем, как Менсурий и карфагенская Церковь относились к мученичеству. В то время исповедниками становились не только те, кого языческие власти привлекали к ответу, но и некоторые добровольцы, которые сами заявляли на себя, чтобы подвергнуться мученической смерти. Церковь считала такое поведение самонадеянным, ненужным и вредным для христиан. Часто дело обстояло еще хуже, и в исповедники записывались всевозможные проходимцы и мошенники, которые с помощью заключения в тюрьме надеялись избавиться от долгов и пожить за счет сердобольных христиан, заодно снискав себе славу и почет.

Менсурию пришлось объявить, что добровольцы и лица, пострадавшие не из-за Иисуса, а по другим причинам, не будут считаться мучениками Церкви. Ригористов это возмутило, и они набросились на Менсурия с обвинениями. Сохранилось описание деяний Менсурия и его архидиакона Целестина с точки зрения партии исповедников. Целестина обвиняли в том, что он поставил у входа в тюрьмы людей с ремнями и плетьюми, чтобы не пускать к арестованным христианам тех, кто хотел оказать им помощь. Они будто бы отбирали у них пищу и разбрасывали собакам.

После смерти Менсурия (311 год) в карфагенской Церкви начался разброд. Большинство местных христиан был избран помощник Менсурия архидиакон Цецилиан, который хорошо знал дела Церкви и следовал мягкой линии своего предшественника. Сторонники Цецилиана постарались поскорей собрать собор из местных епископов и посвятить его в епископский сан. Но не успела закончиться хиротония, как в Карфагене появился Секунд Тигизинский с 70 нумидийскими епископами и объявил посвящение Цецилиана недей-

ствительным, потому что его совершил отступник Феликс Аптунгский: как предатель веры, он, по мнению ригористов, мог давать только проклятия, а не благословения.

Не желая обострять ситуацию, Цецилиан предложил своим противникам отменить хиротонию и самим посвятить его в сан. Это предложение очень обрадовало нумидийцев: они решили, что во время процедуры рукоположения, когда Цецилиан преклонит голову, они наложат на него руки не как на епископа, а как на кающегося и тем самым лишат его даже диаконского сана, отрезав все пути к епископству. Но Цецилиан вовремя передумал, и нумидийцы тут же созвали свой собор, который постановил считать посвящение Цецилиана в епископы недействительным, а его самого — низложенным и отлученным от Церкви.

В дело вмешалась некая Люцилла, богатая вдова из Карфагена, невзлюбившая Цецилиана за то, что тот потребовал от нее отказаться от поклонения мощам какого-то не совсем надежного мученика, пригрозив в случае отказа не допускать ее до причастия. Люцилла предложила нумидийцам богатый подарок, чтобы они избрали на карфагенскую кафедру чтеца Майорина, домашнего человека Люциллы. Так в Карфагене появилось сразу два епископа, Цецилиан и Майорин, и возник новый раскол.

Донатисты

В это время в империи произошли важные перемены — христианство стало государственной религией. Император Константин Великий щедро изливал благодеяния на официальную Церковь, обходя при этом раскольников и еретиков. Возмущенные майоранисты — позже их стали называть донатистами по имени Доната, преемника Майорина, — обратились к Константину с просьбой рассудить их с противниками и определить, кто на самом деле является законной Карфагенской Церковью. В судьи они попросили епископов из Галлии, считая их самыми беспристрастными в этом вопросе, поскольку среди них не было отпадших от веры: галльские церкви избежали гонений при Диоклетиане, поскольку Галлия тогда находилась под властью милостивого и благочестивого Констанция Хлора.

Константин удовлетворил их просьбу. В 313 году в Риме состоялся собор под председательством трех галльских епископов — Ретикия Отенского, Матерна Кельнского и Марина Арльского, — который решил дело в пользу Цецилиана. Но донатисты обжаловали решение собора, ссылаясь на его немногочисленность и отсутствие каких-то важных документов, которые якобы могли изменить вердикт суда. Они предложили провести подробное расследование в самой Африке, на что терпеливый Константин дал свое согласие. По его приказу языческие власти (Константин сам еще не был христианином) в лице проконсула Африки Элиана начали расследование тяжбы христиан. Проведя допросы официальных должностных лиц и чиновников администрации, в том числе одного жреца, Элиан выяснил, что Феликс Аптунгский не совершил отступничества. Документ, на который ссылались донатисты и где говорилось, что Феликс якобы выдал властям священные книги, оказался подложным письмом, написанным кем-то из противников Феликса. Обвинения против него были сняты, а посвящение Цецилиана в сан признано законным. После этого в Галлии состоялся еще один собор, где нумидийские епископы были окончательно лишены сана и отлучены от церковного общения.

Донатисты, однако, сдаваться не собирались. Они обратились напрямую к Константину, прося его решить дело своей властью. Константин с поистине христианским терпением устроил еще один, императорский суд и вынес решение в пользу Цецилиана (316 год). Стараясь справиться с расколом и желая мира Церкви, он попытался удовлетворить обе стороны и запретил появляться в Карфагене как Донату, так и Цецилиану. Это не помешало обоим противникам в скором времени снова оказаться в Карфагене, где раскол вспыхнул с новой силой. Несмотря на указы Константина против донатистов, число раскольников все увеличивалось и в 330 году насчитывало уже 217 человек одних только епископов. Донатисты чувствовали себя так уверенно, что разрушили в Карфагене православную церковь, построенную по приказу императора. Константину пришлось восстанавливать ее на свои личные средства. В 345 году у донатистов были свои епископы уже в Риме и Испании.

Циркумцеллионы

К этому времени в Африке зародилось новое христианское течение, еще более суровое и радикальное, чем донатистское. В сельских районах появились люди, которые бродили вокруг хижин (по-латыни — *circum celias*, за что их и прозвали циркумцеллионами) с огромными дубинами и занимались попрошайничеством и грабежами. Своим дубинам они придавали большое значение и называли их «израилями», уподобляя жезлам еврейских патриархов. Смыслом своего существования циркумцеллионы считали мученичество и смерть за веру. Они не хотели ждать, когда за ними придут язычники, а сами устраивали на них набеги, надеясь, что их убьют во время схватки. Вооруженные своими священными дубинами, они сколачивали банды и нападали на проезжавших по дороге путешественников, но не для того, чтобы их убить, а для того, чтобы быть убитыми. Окружив испуганных людей, они требовали, чтобы те закололи их мечами или умертвили каким-нибудь другим способом, угрожая в случае неповиновения насмерть забить их дубинами. Некоторые жертвы этих странных нападений, не желая устраивать бойню, шли на хитрость и, связав циркумцеллионов, якобы для того чтобы их казнить, поскорей удалялись прочь. Циркумцеллионы были буквально одержимы жаждой смерти и искали ее везде, где только могли, а когда удобного случая не подворачивалось, просто бросались в реку или костер. Такие случаи происходили каждый день.

Несмотря на эту самоубийственную манию, они на протяжении многих лет оставались довольно многочисленны и навели страх на целую страну. Этот страх еще больше усилился, когда во главе циркумцеллионов встали два донатиста, Фазир и Аксид. Под их руководством циркумцеллионы начали нападать на мирных жителей, освобождать рабов и сжигать усадьбы богачей. Встречая на дороге богатые экипажи, они вытаскивали оттуда господ и заставляли их бежать впереди лошадей, а на их место сажали рабов. Других господ брали в плен и принуждали делать тяжелую работу, ворочая жернова на мельнице. Власти с переменным успехом вели борьбу против повстанцев; им удалось уничтожить несколько банд, но движение циркумцеллионов продолжалось. Часто они обращали свой гнев на православных епископов, особенно на

тех, кто перешел в православие из донатистов. Их подвергали многодневным пыткам, отрезали языки, отрубали пальцы и выкалывали глаза. Одного епископа ослепили, залепив ему веки негашеной известью и залив уксусом. Их боевой лозунг был «Deo laudes» — Богу слава.

Император Констант направил к донатистам посольство с богатыми дарами и обещанием своей дружбы и милости. Донат ответил послам: «Какое дело императору до Церкви?» — и призвал других епископов не принимать дары от императора. Те, в свою очередь, послали глашатаев на рынки и призвали циркумцеллионов к борьбе за веру. Циркумцеллионы сделали запасы хлеба, приготовились к длительной войне и напали на конвой императорских послов. «Правильно учащие» призвали на помощь императорские войска. Циркумцеллионы были рассеяны, вожди донатистов арестованы, некоторые из них казнены. Донат Великий, как называли его единомышленники, был сослан и умер в ссылке. Храмы донатистов были переданы православным, и в 349 году на Карфагенском соборе объявлено об объединении церквей.

Донатисты при Юлиане и после Юлиана

В 361 году к власти пришел Юлиан, прозванный Отступником. Донатисты попросили его восстановить справедливость и вернуть им захваченное имущество. Насилие, допущенное при Константине, бумерангом ударило по православной Церкви. При поддержке императора донатисты отобрали свои храмы, убили нескольких епископов, других лишили сана и подвергли «покаянию» (то есть лишил общения). Епископам выбривали головы, как бы для того, чтобы снять с них полученную благодать. Так же вычищались и храмы: стены покрывались свежей штукатуркой, престолы разламывали или скоблили скребками, освобождая их от скверны, Святые дары, приготовленные к причащению, и освященное миро выбрасывали на улицу. Православных заставляли на вопрос «Кто ты?» отвечать «язычник» и подвергали вторичному крещению как нехристиан.

Однако как только донатисты восторжествовали над своими противниками, в их рядах начались внутренние разногласия. От основного ядра сектантов откололось несколько

новых групп — урбаненсы, клаудианисты, рогатисты, максимианисты. Последняя секта была основана диаконом Максимианом, родственником Доната. В 392 году карфагенский епископ Приммиан, бывший, как и его предшественник Пармениан, «правоверным» донатистом, отлучил Максимиана от общения за неуступчивость и надменность. Максимиан немедленно собрал собор из 100 своих единомышленников, которые объявили его епископом и предложили всем христианам в течение шести месяцев перейти на их сторону. Не сделавшие этого автоматически считались отлученными от Церкви. Приммиан собрал 310 епископов, лишил Максимиана диаконского сана и дал ему и его сторонникам восемь месяцев на размышление, после чего они также должны были считаться отлученными от Церкви. На стороне Приммиана было явное преимущество, поскольку он пользовался поддержкой властей и открыто объявлял через глашатаев: «Кто войдет в общение с максимианистами, того дом будет сожжен».

Вскоре власть в Риме сменилась, и вся ее сила снова обратилась в другую сторону. Сектанты стали массами переходить из донатистской церкви в православную. Чтобы облегчить этот процесс, православные признали крещение у донатистов и стали принимать их без покаяния, с сохранением должности и сана. Православная церковь приобрела себе сильного сторонника в лице Августина, который вызывал донатистов на соборы и дискуссии, надеясь переубедить их силой своего слова. Донатисты всячески избегали таких предложений; известен случай, когда одного епископа тащили на собор и он по дороге бросился в воду, а потом попытался сломать себе ногу, лишь бы не идти на встречу с Августином.

Наконец в 410 году, через сто лет после возникновения раскола, в Карфагене состоялась встреча донатистов и православных для окончательного решения вопросов о вере. На дискуссии присутствовали 286 католических и 279 донатистских епископов, была создана специальная комиссия для расследования дела, в которую вошли по восемнадцать епископов и два нотариуса (секретаря) с каждой стороны; из этих восемнадцати семь участвовали в прениях, семь были их советниками, а четыре считались «хранителями бумаг». Третьим судьей император Гонорий назначил своего трибуна и нотариуса, язычника Маркеллина. Противники заранее договорились о том, что будет после того, как победит одна из сторон:

католики должны были снять с себя сан и вступить в донатистскую церковь в качестве мирян, а донатисты — перейти к православным в своем сани. Такое неравенство было вызвано тем, что католики хотели с помощью уступок заманить на дискуссию капризничавших и уклонявшихся донатистов.

Первое заседание конференции утонуло в бумажной волоките. Донатисты пожелали проверить подлинность подписей католических епископов под грамотой, удостоверявшей их участие в дискуссии, и для этого вызывали каждого из них лично; потом они также представили самих себя, на чем первое заседание закончилось. Второе заседание отложили, потому что не были готовы протоколы первого. На третьем донатисты выпытывали у католиков, кто и зачем обратился к императору с просьбой устроить эту дискуссию, и предлагали отменить ее на том основании, что время для ее проведения уже пропущено. Глава донатистов Петилиан потребовал, чтобы православные определились, как они хотят вести дискуссию: исходя из Священного Писания или императорских законов — и какую сторону нужно считать истцом, а какую — ответчиком. Наконец, дошли и до основных вопросов. Какая церковь истинная, донатистская или православная? Был ли Феликс Аптунгский преступником? Правильно ли осужден Цецилиан? Из протоколов следует, что заседание продолжалось до глубокой ночи, на нем выступали 587 раз, и Петилиан под конец потерял голос. Это не помогло: Маркеллин признал, что победило православие. Церкви постановили у донатистов отобрать. Донатисты немедленно объявили, что Маркеллин был подкуплен православными, и отказались оставить храмы; в случае насилия они угрожали самосожжением. Хлебопеков они призвали не печь хлеб для православных и уморить их голодом. Они интриговали против Маркеллина до тех пор, пока тот не был казнен по обвинению в узурпации власти.

Все это продолжалось до тех пор, пока императорская власть в Африке не рухнула. Волна вандальского нашествия захлестнула всех. Вандалы больше благоволили донатистам, сторонники которых, циркумцеллионы, воевали вместе с ними против православных. Но донатисты пережили и вандалов: последние упоминания о них встречаются в VII веке у папы Григория Великого. Дальше их следы теряются.

Читайте в приложении: Догматическая сторона раскола Доната

Раскол Мелетия

Епископ Ликопольский Мелетий и епископ Александрийский Петр во время гонений оказались в тюрьме в одной камере. Между ними произошел спор, как нужно поступать с раскаявшимися отступниками. Мелетий стоял за строгий подход: суровое продолжительное покаяние и разжалование клириков в миряне, — а Петр настаивал на мудрой снисходительности. Не придя к согласию с Мелетием, Петр повесил свою одежду поперек камеры и сказал сидевшим с ними узникам: кто поддерживает мое мнение, пусть перейдет по эту сторону завесы, а кто согласен с Мелетием, пусть перейдет на его сторону. Большинство перешло на сторону Мелетия. Так начался раскол мелетиан.

Мелетий организовал собственную «церковь мучеников», которая догматически ничем не отличалась от православной, и начал ставить в египетских епархиях своих епископов, объясняя это тем, что во многих из них епископы отсутствуют, поскольку находятся в тюрьме. При этом он не спрашивал разрешения ни у епископов, сидевших в тюрьме, ни у александрийского епископа Петра, в чьем ведении находились епархии. Даже в самой Александрии Мелетий отлучил двух кебриодетов (пресвитеров, исполнявших обязанности епископов) Петра и поставил на их место своих людей. Петр в письме из тюрьмы призвал епископов не иметь общения с Мелетием и поставил на соборе 305–306 годов вопрос об отлучении его от Церкви, обвинив Мелетия, в числе прочего, в поклонении идолам.

После этого Мелетий окончательно откололся от Церкви и стал жаловаться императору на Петра. Никейский собор еще раз осудил Мелетия, специально указав в 6-м правиле, что епископ Александрийский имеет права в своих областях согласно «древним обычаям». Однако мелетианские епископы на Никейском соборе не только не были отлучены от Церкви, а даже оставлены в сане без права управления епархиями, но с правом замещать вакантные должности после смерти православных епископов. Таким образом, мелетианская церковь стала естественно сливаться с католической, то есть всеобщей. В то же время многие мелетианские епископы встали на сторону Ария и объединились с ним в арианской ереси.

Раскол о праздновании Пасхи

С древности существовало два обычая праздновать Пасху: малоазийская (сирийская) и западная. Первая праздновала не воскресение Христа, а ту иудейскую Пасху, которую накануне Тайной вечери справлял Сам Христос. Этот день был жестко закреплен в лунном иудейском календаре — 14 нисана — и в разные годы приходился на разные дни недели. В празднование своей Пасхи малоазийцы вкладывали прежде всего мотив единения учеников с Христом — именно здесь произошло первое причащение хлебом и вином — в синтезе с будущим страданием и будущей славой Христа.

Западные христиане не знали иудейского календаря и в праздновании Пасхи ориентировались на день воскресения Христа, который пришелся на первое воскресенье после первого весеннего полнолуния и поэтому так же должен был праздноваться и в будущем, независимо от того, на какое число падал этот день. Акцент ставился на славе и торжестве Христа, воскресшего из мертвых и воскресившего вместе с тем всю человеческую природу.

По этой причине, а также из-за путаницы в календарях и летосчислениях Пасху в сирийской Церкви справляли иногда на 4–5 недель раньше, чем в александрийской. В Риме вообще использовали свой календарь, где первое равноденствие приходилось не на 21, а на 25 марта. В результате, например, в 387 году Пасху праздновали в Александрии 21 марта, а в Риме — 25 апреля.

Вопрос о праздновании Пасхи поднимался несколько раз и с каждым разом ставился все более остро, пока римский папа Виктор не пригрозил малоазийцам, что отлучит их от церкви, если те не откажутся от своего обычая. Но те твердо ответили, что их празднование древнейшее и унаследовано еще от апостолов Иоанна и Филиппа. Дело осложнилось тем, что в самом Риме некий Власт ввел схизму, установив справлять Пасху по малоазийскому обычаю. Папа Виктор в конце концов отлучил непослушных, несмотря на уговоры св. Ириней и неолобование многих епископов. Так появился раскол четырнадцатидесятников (от 14 нисана), который просуществовал до V века.

Вопрос о Пасхе встал на Первом Вселенском соборе в Никее. Император Константин был решительно против празд-

нования Пасхи по сирийскому обычаю, то есть одновременно с иудейской. Иудеи будут смеяться, говорил он, что христиане не могут даже отпраздновать свой самый важный праздник, не прибегая к иудейским обычаям; да и вообще, ни в чем не стоит следовать этому богоубийственному народу. В конце концов Никейский собор подтвердил правильность празднования Пасхи по западному варианту и особо оговорил, что она не должна совпадать с Пасхой иудейской: «Да не будет у нас ничего общего с ненавистным иудейским народом: мы приняли от Спасителя другой путь».

Положительным следствием всего этого было то, что для удобства исчисления дня Пасхи римский аббат Дионисий Малый в 525 году ввел летосчисление от Рождества Христа, которое существует до сих пор.

Читайте в приложении: Летосчисление в Церкви

Часть IV
Как императоры стали христианами,
или Церковь торжествующая

Глава первая. Константин

Митра или Христос

После долгих гражданских войн римским императором стал Константин Великий. Его отец Констанций Хлор был приверженцем культа Митры — персидского Бога-Солнца. Чужие божества в изобилии наводняли позднюю империю, и Митра, *invicti solis* («непобедимое солнце»), пользовался наибольшей известностью, особенно среди военных и купцов. В некоторых чертах митраизм напоминал раннее христианство: римские легионеры, вступавшие в это закрытое общество, посещали подземные храмы с алтарями, проходили таинственное посвящение и участвовали в молитвенных службах, причащаясь хлебом и водой. Но по духу митраизм не имел с христианством ничего общего. Это была еще одна вариация все той же языческой религии с примесью астрологических восточных культов и мистерий. Митру изображали юношей в коротком развевающемся плаще и фригийской шапке, убивающим ножом быка, которому скорпион отгры-

зал фаллос, чтобы излившееся семя произвело все живое на земле. В отличие от христианства, митраизм был чисто мужской, даже солдатской религией, не допускавшей к участию женщин. Он проповедовал мужество, честность и воинскую доблесть, что особенно нравилось императорам, охотно внедрявшим новую веру в государстве.

Сын Констанция Константин унаследовал от отца симпатии к этому культу. Он сам был превосходным воином, еще при Диоклетиане служил в Никомедии и участвовал в походах в Персию и Египет, а потом блестяще воевал в Галлии против франков и аллеманов. Религиозно настроенный царевич с уважением относился к вере своих солдат и даже имел некое видение, в котором ему явился бог солнца. Но объективно интересы империи все больше склонялись к религии Христа. Причины, по которым государство отвергало христианство, к тому времени уже рассеялись или смягчились. За триста лет оно перестало быть новой и подозрительной религией, превратившись в религию древнюю и почтенную. Узнав его получше, люди убедились, что в нем нет всех тех ужасов и преступлений, в которых обвиняли христиан. Наоборот, это были добропорядочные и мирные граждане, приятные люди и хорошие соседи. Но самое главное, империя обнаружила, что христианство вполне совместимо с устройством государства и прекрасно вписывается в его структуру. Впервые познакомившись с учением Христа, власти могли опасаться, что учение о всеобщем братстве и любви, отвержении мира и неосуждении ближнего будет плохо уживаться с общественным благом и государственной пользой. Эти опасения оказались напрасными. Константин нашел в христианах добрых подданных, послушных власти и своим пастырям. Христиане показали, что могут торговать, судить и воевать не хуже язычников. К тому же религиозное рвение и церковное единство делали их более сплоченными, более энергичными, чем разрозненное и отживавшее свой век язычество. Император понимал, что, если не заставлять христиан приносить жертвы языческим богам, они могут стать преданной и надежной опорой государя. Для этого следовало только провести религиозную реформу.

Знамение

Но окончательно подтолкнули его к этому события, имевшие отношение скорее к политике, чем к вере. После Диоклетиана в империи наступило время смуты, когда на власть претендовало сразу пять официальных цезарей. После нескольких гражданских войн их число сократилось до двух — Константина и Максенция. В жизни Константина наступил решающий момент: либо он станет императором, победив своего соперника, либо падет от руки Максенция. Силы были неравны: армия Максенция имела большое преимущество в опыте и численности, поэтому даже среди сторонников Константина многие считали предстоящую битву безнадежной. К тому же языческие гадания давали ему дурные предзнаменования, а благоприятные — Максенцию.

Однажды во время похода, когда Константин спал в своей палатке, ему во сне явился некий бог, который повелел изобразить на щитах своих солдат эмблему в виде буквы Х, перекрещенной с буквой Р. Такой монограммой обозначались обычно имена людей, начинавшиеся на «х» и «р», или наоборот. Божество пообещало, что с этим знаком император одержит победу над Максенцием. Проснувшись, Константин стал выяснять, кто ему явился, и призванные в палатку христиане объяснили ему, что это был Христос. Тогда Константин выполнил данные ему указания и победил.

В другой версии Константин сначала увидел на небе знамение огненного креста с надписью «сим побеждай», а затем во сне получил повеление сделать знамя в виде полотнища, укрепленного на кресте, с водруженной на нем монограммой ХР в золотом венке. Были и иные варианты этой истории: в небе появлялось блистающее воинство и т. д. Достоверно известно, что после победы Константин в знак благодарности воздвиг в Риме свою статую, державшую в руках перевернутый крест.

На перепутье

В любом случае император получил победу и жизнь благодаря знамени, полученному от Христа. Однако после этого Константин не только не утвердил христианство в своем го-

сударстве, но и сам не торопился становиться христианином. Он вел себя как осторожный и умный политик, рассчитывавший каждый шаг. Константин хотел привлечь на свою сторону христиан, а не уничтожить язычество; он укреплял и собирал свое государство, а не разделял. Население в большинстве симпатизировало христианам, но христиан в империи было слишком мало — не больше 10 процентов. Опирались на такое малочисленное меньшинство было слишком опрометчиво. Поэтому о победе Константина на триумфальной арке, воздвигнутой сенатом в честь победы над Максенцием, было туманно написано: «Константин освободил Рим по внушению божества», — без уточнения, какого именно. Языческие ораторы говорили, что победа была дарована ему «каким-то богом», а перевернутый крест в руке статуи мог сойти за меч. Больше того, хотя Константин явно благоволил христианству и крестил своих детей, он сохранил традиционный для императоров титул великого понтифика, то есть главного языческого жреца. В 321 году *dies solis*, как его называл Константин, то есть «день солнца», становится выходным днем — воскресеньем. Но под «солнцем» можно было подразумевать и Митру, и Аполлона.

Самым решительным шагом Константина в пользу христианства стал Миланский эдикт 313 года, принятый им вместе с соправителем Лицинием после победы над Максенцием. Миланский эдикт предоставил жителям империи свободу совести: каждый мог исповедать ту веру, какую хотел, включая христианство. До этого римляне были обязаны почитать Юпитера, даже если считали верховным божеством Изиду или Заратустру. Теперь все религии стали равны. Запрещались только совсем уж варварские культы в духе современного вуду — с кровавыми жертвоприношениями, сомнительными гаданиями и развратом. Христианство по этому эдикту только входило в число других разрешенных религий, ничем особенным не выделяясь. Правда, поскольку христиане сильно пострадали во время гонений, Константин компенсировал им ущерб, постановив вернуть их конфискованную собственность и восстановить разрушенные храмы. Кроме того, он освободил служителей церкви от общественных повинностей, даровав им те же привилегии, что языческим жрецам и представителям синагог.

После Миланского эдикта ненадолго наступило время свободы совести, когда никого не принуждали быть ни христианином, ни язычником и каждый мог верить, во что хотел. Все знали, что Константин любит христиан, — и это склоняло к новой вере многих, желавших угодить императору, — но не меньше ценит и хороших подданных-язычников. Сам Константин продолжал вести полухристианскую, полуязыческую жизнь, в которой с точки зрения христианства были довольно темные стороны. Особенно мрачно выглядели его отношения в семье. Свою первую жену Минервину Константин оставил, чтобы жениться на красавице Фаусте. Но Фауста, подобно греческой Федре, влюбилась в своего пасынка Криспа, сына Константина от Минервины. Отвергнутая Криспом, она оклеветала его в злом умысле против отца. Поверив жене, император отстранил сына от власти, долго держал его в заключении и, наконец, убил. Через год, узнав правду, он приказал отвести жену в баню и заживо сварить в кипятке. Детали этой истории иногда рассказывали по-другому: например, что Фауста не влюбилась в Криспа, а интриговала против него в пользу собственных детей, что она не сварилась, а задохнулась от жара и т. п., но казни сына и жены императора не оспариваются никем.

Некоторые поступки Константина говорили скорей о языческом суеверии, чем о христианской вере. Например, из гвоздей, которыми Иисуса прибавали к кресту, он сделал себе забрало и шишак для шлема. Своих детей Константин воспитывал как христиан, но сам до последнего откладывал крещение. Даже Первый Вселенский собор он возглавлял, еще будучи язычником. Только перед самой смертью император был крещен Евсеваем Никомедийским, епископом, принадлежавшим к секте ариан.

Александрийцы и антиохийцы

В правление Константина началась арианская смута — первый из крупнейших церковных расколов, которые сотрясали христианство в течение последующих нескольких столетий. Разразившийся в Церкви богословский кризис имел много разных причин, в том числе и чисто политические. Примирение с властью сделало христианскую веру предметом особой

заботы государства, которое часто проявляло ее очень неуклюже. Императорам хотелось видеть Церковь крепкой монолитной силой, цементирующей общество с помощью единства веры. Ради блага государства они начинали подавлять инакомыслие силой и насаждать догматы с помощью указов и репрессий. Этот императорский нажим придавал церковным спорам упорство и ожесточение политической борьбы.

Другая причина заключалась в том, что христианство пришло не на пустое место. Оно легло на почву древних культур, уже давно имевших собственные взгляды и философские теории, свои представления о мире, привычные способы мышления и излюбленные идеи, освященные традициями и подкрепленные национальными склонностями. Новое откровение о Богочеловеке по-разному преломлялось в этих гранях, поворачиваясь то одной, то другой своей стороной, смешиваясь с прежними учениями и пропитываясь духом прошлого.

В христианском мире издавна соперничали две главных богословских школы — александрийская в Египте и антиохийская в Сирии. Каждая из них смотрела на веру под своим углом. Склонных к мистицизму александрийцев больше волновала теория, чем история, поэтому они предпочитали индизабельное и аллегорическое толкование Писания. Страсть к аллегориям зародилась в Египте еще до христианства, перешла от Филона Александрийского и гностиков к Оригену и укрепилась в александрийской школе, оттуда захватила умы почти всех отцов Церкви. Следуя этой манере, александрийцы всегда старались видеть в тексте больше, чем там было написано. В Ветхом Завете они прозревали предвестие Нового. Если в тексте Ветхого Завета упоминалось, например, «слово», то в нем обязательно видели Бога-Слово из Евангелия от Иоанна. В философском плане александрийцы опирались на Платона с его отвлеченными идеями и опорой да духовные первоосновы.

Антиохийцы, наоборот, во главу угла ставили не теорию, а историю. Их интересовал точный и буквальный смысл сказанного. Они боялись вдаваться в слишком свободные аллегории, чтобы не приписать слову Божьему того, чего в нем не было. В Ветхом Завете они видели только то, что там сказано, а не предвестие Завета Нового. Их метод был более научным, основательным и в то же время более приземленным. В плане философии это были скорее последователи Аристотеля.

Споры велись о самой сложной и необъяснимой вещи в христианстве — личности Самого Христа. Его моральное учение, воплощенное в Нагорной проповеди и поражавшее божественной красотой и смелостью, несло печать самоочевидной истины, поэтому принималось почти без толкований. Но вопрос о том, как Бог мог стать человеком, постоянно оставался камнем преткновения. Он был главной осью, вокруг которой вращались богословские баталии, то приближаясь к своему центру, то снова откатываясь в сторону. На протяжении нескольких веков происходило как бы нащупывание истины, где христианская мысль часто спотыкалась и отступала назад, чтобы затем шагнуть немного дальше. Если Бог один и Он источник всего, то откуда берется разнообразие мира? Как соотносятся Бог Отец и Бог Сын? Антиохийская и александрийская школы давали этому разные объяснения, привычные для своей среды и своих традиций. Маятник веры на Востоке долго раскачивался между александрийской и антиохийской системами, создавая при каждом махе новые виды ересей. Александрийская школа породила оригенизм и монофизитство, а антиохийская — арианство и несторианство.

Рождение ереси

Арианский раскол обнаружился случайно. Арий, один из пресвитеров Александрии, служил в церкви одной из городских лавр. В Александрии «лаврами» называли широкие улицы, делившие город на отдельные районы. У каждой лавры были свои названия и свои пресвитеры, по статусу фактически равные епископам. Они могли участвовать в рукоположении епископов и отлучать мирян от Церкви. Одним из таких важных пресвитеров и был Арий, человек по характеру мягкий и деликатный, склонный к аскетической жизни, в то время уже довольно известный ученый муж, основавший свою догматическую и экзегетическую школу и пользовавшийся всеобщей симпатией и уважением. Он был родом из Ливии, то есть Африки, и принадлежал к богословской школе Лукиана, ученика Павла Самосатского. Высокого роста, худошавый, в простой одежде, безупречный в личной жизни и славившийся как проповедник, к началу арианской смуты он был уже старик.

Биография Ария складывалась сложно. По отзыву одного древнего историка, он был страстным ревнителем веры и, следуя своим убеждениям, часто действовал бескорыстно и во вред себе. Так, он встал на сторону опального Мелетия, потому что тот строго относился к отпадшим от веры во время гонений, в отличие от снисходительного Петра. Однако Мелетий показался ему слишком нетерпимым, и он снова вернулся к Петру. Но Петр отлучил Мелетия от Церкви, то есть тоже проявил нетерпимость, и Арий опять примкнул к Мелетию и был отлучен вместе с ним. Только когда Петр погиб мученической смертью, Арий вернулся в его партию, принесся покаяние, и стал пресвитером. Своим красноречием, ученостью и религиозным рвением он снискал такое уважение и симпатию, что его кандидатура стала одной из основных при выборе нового александрийского папы. Голоса между ним и Александром разделились почти поровну, но избран был Александр. О том, как отреагировал на эту неудачу Арий, есть два противоположных свидетельства. Согласно арианину Филосторгию, Арий сам великодушно отказался от сана в пользу Александра. Согласно православному Феодориту — затаил злобу на Александра, что и сыграло важную роль в возникновении арианства.

Началось все с того, что Арий как-то услышал от александрийского епископа Александра фразу: «Бог един в Троице и троичен в единице», — и решил, что это проповедь савелианства. Для прояснения вопроса была назначена дискуссия между Арием и архипресвитером Коллуфом, на которой Арий был признан еретиком и отлучен от Церкви. Однако на сторону Ария встали треть александрийских епископов, множество диаконов и некоторые ливийские епископы, в том числе влиятельный Секунд Птолемаидский. Епископ Александр не желал раскола и хотел уладить дело миром, но тут возмутился уже архипресвитер Коллуф: обвинив Александра в посягании на еретика, он объявил себя епископом и начал рукополагать пресвитеров. Тогда епископ Александр созвал собор из подчиненных ему епископов и снова осудил Ария. В ответ Арий обратился к авторитетному епископу Евсевию Никомедийскому, дружившему с самим императором Константином и возглавлявшему кафедру в Никомедии, где находилась императорская резиденция (что придавало ему особое значение и вес). Евсевий написал Александру письмо, стараясь

примирить его с Арием, но тон его послания звучал слишком властно, и Александр усмотрел в нем покушение на свои права и достоинство александрийской кафедры. Примирение не состоялось.

После этого Арий развернул широкую агитацию своих идей, прибегнув к своеобразному способу: он стал сочинять песенки для простонародья (отдельно для мельников, матросов, странников и т. д.), пропагандируя в них свое учение. Предполагалось, что эти песни будут распевать за работой или в пути. В свою очередь, Александр, увидев, что дело зашло слишком далеко, начал рассылать послания другим епископам, обосновывая и разъясняя свои взгляды. Дело наконец дошло до императора. Константин больше всего был озабочен единством империи и согласием внутри Церкви; его не устраивали волнения и споры, которые грозили новыми смутами и беспорядками, особенно в Египте, поставлявшем хлеб чуть ли не во всю империю. Он не стал вникать в детали спора и положился на мнение своего приближенного Евсевия Никомедийского, смотревшего на арианство снисходительно, как на какое-то ребячество, которому не следует придавать никакого значения. Император сам написал письма Арию и Александру, решив рассудить и примирить противников. Позиция его была очень практичной: он считал, что ни епископу, ни пресвитеру вообще не следовало поднимать спор о таких темных вещах, которые только зря сбивают с толку верующих, и успокоиться на том, что они оба почитают Бога и признают Иисуса Христа. «Важнее всего мир и согласие; берите пример с греческих философов, которые много спорят, но сохраняют спокойствие и уважение друг к другу. Ведь это же пустые слова, споры по ничтожному вопросу... Возвратите мне мирные дни и спокойные ночи. В противном случае мне не останется ничего другого, как стенать, обливаться слезами и жить без всякого покоя».

Письмо императора повез епископ Осий Кордубский. Выполнив свое поручение, он вернулся к императору с докладом, что положение на самом деле гораздо более серьезно, чем полагает Константин, и раскол Ария грозит самым основам христианской веры. Безразличный прежде к арианским спорам, Осий с этого момента стал ярким антиарианином и ключевым борцом с ересью вместе с другим богословом, будущим светилом Церкви Афанасием Александрийским.

Смысл арианства

Чем же был так опасен Арий? С точки зрения Церкви, его учение грозило нарушить единство человека с Богом, а значит, разрушить всю суть христианства. В чисто логическом смысле Арий был, возможно, прав, но его правота приводила к представлению, что во Христе человек соединяется не с Богом, а только с Его творением. Получалось, что никакого боговоплощения не произошло. Между тем объединение Бога с человеком — ключевой момент для христианства. В конце концов, моральное учение христиан можно представить и без самого Христа. Его элементы встречаются в других религиях и философиях прошлого. Например, принцип «отвечай добром за зло» есть у Сократа. Толстой как раз хотел создать такое нравственное евангелие без Бога. Но таинство евхаристии без Христа представить невозможно. А евхаристия — это лекарство бессмертия, как говорил Игнатий Богоносец. Без Христа можно быть нравственным и высоко духовным, но бессмертным быть нельзя. По словам апостола Павла, «если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна».

В споре ариан, как и много раз впоследствии, еретики опирались на логику, а ортодоксы — на сотериологию, то есть на спасительную силу христианства. Для православия важно то, что христианство спасает, а не то, что оно логично. Пусть лучше учение будет нелогичным, чем не спасительным. В этом смысле христианство не рационально и даже не сверхрационально — оно чудесно. Вот почему святой Афанасий опровергал Ария не логикой, а практикой, то есть сотериологией. Для него самым главным было: если Арий прав, то христианство бесполезно.

Арий был последователен и этой последовательностью подчеркнул неясность христианских представлений о тричном Боге. Он спровоцировал дискуссию, которая в Церкви могла существовать только в виде ереси. В конце концов споры вокруг Ария распространились по всей империи и затронули даже язычников. «Дело дошло до такой нелепости, — писал историк Сократ Схоластик, — что над христианством стали смеяться публично, даже в театрах». К арианской смуте добавились уже описанные проблемы с разными датами празднования Пасхи. Расстроенный император призвал всех

епископов собраться вместе и решить эти и многие другие накопившиеся в Церкви вопросы.

Этот всеимперский богословский съезд получил название Первого Вселенского собора.

Читайте в приложении: О лицах Св. Троицы. Александр и Арий

Глава вторая. Первый Вселенский собор

Расстановка сил

Константин созвал епископов не в Константинополе, а в Никее, объяснив это тем, что она ближе к Европе (ожидались гости с Запада) и там хороший климат. Кроме того, он сам хотел присутствовать на заседаниях, а поскольку Никея находилась недалеко от Никомедии, где стоял его военный лагерь, это место было для него намного удобней.

На Первый собор съехались представители Церкви со всех концов империи. Сколько их было, точно не известно — назывались разные числа, от 250 до 300. Позже появилась цифра 318, которая окончательно укрепилась в истории, и собор стали называть «собором 318 отцов». В то время в Церкви существовало около 1800 епископий (1000 на востоке и 800 на западе), значит, на соборе присутствовал каждый шестой епископ. Но самым главным было не количество епископов — их никто не считал, и никого это не интересовало, — а сам факт этого грандиозного и невиданного прежде события: собрания предстоятелей всех поместных церквей, единого церковного съезда, состоявшегося впервые после 300 лет существования Церкви. В Никее была представлена вся полнота христианского сообщества в разнообразии его многочисленных традиций и частных мнений, национальных особенностей и личных характеров. Испанец Осий мог встретиться здесь с персом Иоанном, а представитель готов Феофил — с карфагенянином Цецилием. Пышный царедворец Евсевий Никомедийский мог побеседовать со смиренным Спиридоном Тримифунтским, который в простоте своей продолжал пасти овец даже после того, как его избрали епископом, а утонченный теолог Евсевий Кесарийский — пообщаться с неопытными в слове,

но мужественными мучениками за веру, явившимися на собор с выколотыми глазами и шрамами от перенесенных пыток.

Твердых сторонников Ария на соборе было так же мало, как и убежденных защитников православия. К первой группе, кроме самого Ария, принадлежали Евсевий Никомедийский, Паулин Тарский, Феогний Никейский и, с некоторыми оговорками, Евсевий Кесарийский, а также несколько епископов из Ливии, земляков Ария, — всего около двадцати человек. Афанасий Великий называл их партией «свободомыслящих», что в его устах не было комплиментом: имелось в виду, что они опирались на разум и старались подвергнуть рациональной критике все положения веры, независимо от традиции и авторитета.

Среди православных выделялись Евсевий Антиохийский, епископ Александрии Александр и особенно его диакон — будущий Афанасий Великий. В этой партии было много мучеников — людей сильно верующих, но «простецов», опиравшихся на бесхитростную веру. Они считали, что о Св. Троице и ипостаси Христа вообще не стоит рассуждать. Тот же Афанасий говорил: «Учение о Божестве преподается не в умственных доводах, но при посредстве веры и благоговейно благочестивого помысла». Позже Василий Великий писал, что человек не может понять природу даже муравья, что уж говорить о природе Бога. Общее мнение было таково, что к спасению приводит не исследование, что такое Бог, а сама вера, что Бог есть.

Основная масса епископов занимала среднее положение: настороженная против Ария, но боявшаяся и слишком смелого, как им казалось, александрийского учения, граничившего с савеллианством. Камень преткновения заключался в двух терминах: «усия», то есть сущность, и «ипостась», — которые не встречались в Писании и которые употребляли Александр Александрийский и его товарищи. Различения между понятиями сущности, как общей природы, и ипостаси, как ее частного проявления или лица, еще не было произведено. «Единосушный в трех ипостасях», как предлагали сторонники троического богословия, звучало на тогдашний слух так же странно, как «одна природа в трех природах». Арий никому не нравился — фактически он предлагал считать Иисуса творением, а не Богом, — но и Александр говорил малопонятные вещи, сильно походившие на иудейское единобожие. Способы решения проблемы тоже назывались разные: кто-то пред-

лагал ничего не менять и оставить все, как записано в древних символах и постановлениях; другие указывали на необходимость разработки новых понятий и прояснения учения веры. Суть же всего дела, ради которого и съехался собор, заключалась в том, чтобы прийти к единому мнению относительно природы Христа и отразить его в новом символе веры.

Начало собора

Собор растянулся на много месяцев. Его предваряли многочисленные заседания, на которых встречались сторонники различных партий, чтобы в долгих дискуссиях разъяснять и обосновывать свои мнения. Часто эти встречи проходили в присутствии императора Константина, который в то время еще не был крещен.

Наконец в начале июня состоялось торжественное открытие собора под председательством Константина. Евсевий Кесарийский в своей «Истории» подробно описал эту церемонию. Епископы собрались в огромном зале императорского дворца и, заняв свои места, стали ждать появления императора. Когда тот явился — в сопровождении большой свиты, одетый в роскошное одеяние из золота и драгоценных камней, — епископы встали, приветствуя его. Император долго обходил зал, обнимая прибывших на собор мучеников, целуя их в раны и искалеченные члены; затем остановился в центре и по знаку главных епископов скромно сел на приготовленное для него золотое кресло.

Заседание началось с приветственного слова императору, сказанного одним из епископов, и речи Константина, который говорил по-латыни и лишь в конце прибавил несколько слов на греческом. «Не медлите рассмотреть причины вашего расхождения в самом их начале, — призвал он собравшихся, — и разрешить все спорные вопросы мирными постановлениями. Через это вы совершите угодное Богу и доставите величайшую радость мне, вашему сослужителю».

После этого приступили к обсуждению собственно религиозных тем. Евсевий Никомедийский предложил арианский символ веры, в котором открыто называл Бога-Слово сотворенным и не-единосушным Отцу. Этот вариант был не только отвергнут, но и с гневом разорван на части как абсолют-

но нечестивый. Стали составлять другой символ веры. Ариан обвинили в том, что они не согласны с древними установлениями христианства и прямо противоречат Св. Писанию; те возражали, что никаких противоречий со Св. Писанием у них нет, а все дело заключается в его правильном толковании. На все выражения, приводимые православными в качестве доказательства единосутия Сына и Отца, они отвечали другими, которые опровергали эти выражения или придавали им другой смысл. Например, если в Писании говорилось о Сыне как о «силе Божьей», то они находили такое место, где о евреях и даже о саранче тоже говорилось как о «силе Божьей»: значит, это выражение не могло служить доказательством единосутия Бога Сына и Бога Отца. В том же духе ариане возражали против понятия «вечности» Сына, указывая на то, что вечность можно понимать в смысле будущего постсуществования, а не вечного предсуществования.

Существует легенда, что присутствовавший на соборе епископ кипрского города Тримифунта Спиридон доказал единосутие Троицы с помощью чуда: он сжал в руках глиняный кирпич и из него вверх ударил огонь, вниз потекла вода, а между пальцев осталась глина. Показав столь наглядный опыт, Спиридон сказал: «Стихии три, а плинфа (кирпич) одна; так и в Пресвятой Троице — Три Лица, а Божество Едино». По другому преданию, на соборе находился святой Николай Чудотворец, который был так разгневан нечестивым учением Ария и его упорством, что на одном из заседаний вlepил ему пощечину.

Омусиос и омиусиос

Наконец после долгих споров поднялся некий человек — историки считают, что это был Евсевий Кесарийский, — и предложил прекратить ненужные словопрения, на том основании, что тайна отношений между Богом Отцом и Богом Сыном непостижима. Познать ее не только невозможно, но и ненужно, поскольку спасется не тот, кто знает Бога, а тот, кто верит в Него: «Верующий в Меня имеет жизнь вечную» (Ин. VI, 47). Это было именно то мнение, которого придерживался сам Константин, полагавший, что все споры такого

рода бесполезны и даже вредны, поскольку нарушают единство Церкви.

Евсевий предложил не сочинять ничего нового, а просто принять символ веры кесарийской Церкви, где все формулировки были сделаны настолько обобщенно и обтекаемо, что могли устроить всех. Начало его звучало так: «Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всех видимых и невидимых, и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Слово Божие, Бога от Бога, Света от Света, Жизнь от Жизни, Сына едиnorodного, перворожденного всей твари, прежде всех век от Отца рожденного, чрез Которого и произошло все». После его чтения наступило долгое молчание. Император после размышления наконец взял слово и заметил, что ему этот символ веры нравится, но в него хорошо бы добавить слово «омусиос», что по-гречески значит «единосущный». Как, когда и почему возникла у Константина идея включить в символ это слово, ставшее фундаментом православного богословия, осталось неизвестным. Слова «единосущный» нет в Писании, но оно встречается у двух древних авторов — Дионисия Александрийского и Дионисия Римского. Предполагается, что этот термин придумали Александр Александрийский и Осий во время личной встречи накануне собора. Потом это слово мелькало во время обсуждений на соборе. Возможно, Константин мог слышать его во время совместных дискуссий, предварявших собор, а может быть, кто-то из православных успел убедить его в необходимости этого термина. Как бы там ни было, после того, как это слово употребил сам император, спорить с ним стало невозможно.

Кесарийский символ, одобренный Константином, был взят за основу и переработан в Никейский с помощью различных изменений, дополнений и исключений. Некоторые из них (например, было исключено выражение «Слово Божие») не совсем понятны, другие были явно направлены против ариан — в частности, вместо «Жизнь от Жизни» было поставлено «Бога истинного от Бога истинного», поскольку именно последнее положение оспаривали ариане. Выражение «перворожденного всей твари», хотя и являлось цитатой из апостола Павла (Кол. 1, 15), также было исключено как характеризующее отношение Бога Сына к твари, а не к Отцу. К «рожденному» добавили «несотворенному», «из сущности Отца» и решающее «единосущному Отцу». Заканчивался Никейский

символ анафематизмами, то есть проклятиями против всех, кто осмелится что-либо убавить или прибавить к составленной формуле.

Не принявший Никейский символ Арий был отправлен в ссылку в Иллирию, а из всех его единомышленников только четверо остались на его стороне и тоже были сосланы. Рассказывали, что двое из них, Евсевий Никомедийский и Феогний Никейский, все-таки согласились подписать символ, но вставили в слово «омусиос» («единосущный») лишнюю букву, и получилось «омиусисос», то есть «подобосущный». Позже это стало причиной новых недоразумений.

Продолжение споров

Никейский символ стал точной формулировкой правильного учения и окончательным вероизложением, обязательным для каждого члена Церкви. Но с его принятием споры вокруг троического богословия не закончились — наоборот, они только начались. Проблема была в том, что после Никейского собора понятия «сущность» и «ипостась», основополагающие для троического учения, почти во всей Церкви оставались такими же неясными, как и до него. Сам Афанасий Великий, участник и активный пропагандист решений Первого собора, позже употреблял слова «усиос» и «ипостась» как идентичные и взаимозаменяемые. В 362 году, то есть через тридцать лет после принятия Никейского символа, Афанасий присутствовал на Александрийском соборе, где все еще выясняли значение слов «усиос» и «ипостась». Одни заявляли, что Бог — единая сущность, и таких обвиняли в савеллианстве; другие — что Бог в трех ипостасях, и их обвиняли в арианстве. Решено было считать обе стороны православными, а поднявшуюся дискуссию — спором о словах, который отменялся рекомендацией ограничиться никейской верой как более «точной и лучшей». Таким образом, никейские отцы, употребив слово «единосущный», никак не прояснили, что понимается под «сущностью», и терминологические трудности продолжались дальше.

На Никейском соборе партия ариан была разгромлена, но эта победа была временной, потому что опиралась прежде всего не на силу убеждения, а на силу государства. В Никее пра-

вославные победили благодаря авторитету императора, но тот же авторитет мог обратиться и против них. Именно так вскоре и произошло.

Константин, склонный к компромиссам и объединению Церкви ради единства всей империи, вскоре вернул из ссылки Ария, Евсевия Никомедийского и Феогния Никейского. Ариане воспрянули духом и развернули активные действия по компрометации и низвержению православной партии. В ход шли все средства, но прежде всего надо было опорочить православную веру в глазах императора. Каппадокийский ритор Астерий, ученик Лукиана, выпустил книгу, в которой остроумно высмеял экзегетические приемы никейцев и александрийцев. В 330 году, всего через пять лет после Никейского собора, православного Евстафия Антиохийского обвинили в савеллианстве, а заодно нравственной нечистоте и политической неблагонадежности; он был низложен и сослан. Императору особенно не понравилось, что Евстафий дурно отзывался о его матери Елене, дочери трактирщика, в прошлом которой антиохийский епископ нашел кое-какие дурные стороны. Узнав о низложении Евстафия, Константин с радостью написал антиохийским церквям, что они хорошо поступили, «стряхнув с себя эту грязь». Вслед за Евстафием были сосланы другие православные епископы — Асклин Газский и Евтропий Андрианопольский.

После этого ариане развернули кампанию против главного врага — Афанасия Великого. Объединившись с мелетианами, сторонниками еще одного сосланного епископа — Мелетия, они объявили, что Афанасий был избран на александрийскую кафедру слишком молодым, что противоречит правилам (епископам должно было быть не меньше тридцати). В 331 году всплыло дело о «льняных стихарях» — незаконном налоге, якобы установленном в Александрии Афанасием на облачение священников и церковную утварь. Когда и из этого ничего не вышло, Афанасия вместе с пресвитером Макарием обвинили в том, что они ворвались в мелетианский храм и разбили чашу со святой кровью. Вдобавок Афанасию приписали политическую измену — будто бы он послал ящик золота узурпатору Филумену, восставшему против императора. Афанасий был вызван к Константину, но в личной беседе сумел полностью оправдаться перед царем и удостоился от него имени «человека Божия».

Тирский собор

В 335 году, в связи с постройкой храма Господня в Иерусалиме и тридцатилетием царствования Константина, император сделал новую попытку объединить Церковь. Для этого он повелел епископам собраться в городе Тире и постараться помирить александрийскую Церковь, переживавшую целую серию расколов. Но как только Афанасий прибыл в Тир, на него посыпались новые обвинения: в нецеломудренной жизни, в преследовании мелетиан и даже в убийстве мелетианского епископа Арсения Нильского, у которого Афанасий якобы отрубил руку, чтобы использовать ее для колдовства. Арсений действительно за несколько лет до этого таинственно исчез, что породило слухи о его смерти. На суд Афанасий явился в сопровождении некоего человека, скрытого покрывалом; когда ему предъявили обвинение в убийстве, он снял покрывало, и все увидели под ним епископа Арсения, живого и невредимого. Указав на его руки, Афанасий с улыбкой спросил, где же третья рука, которую он отрубил. Оказалось, что все это время Арсений прятался у мелетиан, и Афанасию пришлось произвести почти детективные розыски, чтобы найти его и привести на суд. Мелетианам ничего не оставалось, как заявить, что они беспокоились за судьбу Арсения, который нигде не появлялся.

Дальше события на соборе развивались еще более бурно. Мелетиане снова обвинили Афанасия в том, что он опрокинул алтарь во время богослужения пресвитера Исхира и разбил потир — чашу с кровью Христовой. В ответ александрийцы заподозрили Евсевия Никомедийского в том, что тот отрекся от веры во время гонений Диоклетиана. Ариане и мелетиане пожаловались на сторонников Афанасия, что они оскорбляют отцов собора и устраивают беспорядки. Египтяне, в свою очередь, возмутились, что на соборе председательствуют не церковные, а светские лица, а именно — комит Флавий Диони, который явно благоволил арианам. Действительно, в комиссию по делу о потире вошли в основном враги Афанасия — в частности, Феогний Никейский, — поэтому результат расследования был предрешен заранее. Комиссия не обратила никакого внимания на путаницу в показаниях мелетиан: Исхир во время службы был то болен, то не болен, на богослуже-

нии почему-то присутствовали иудеи и язычники, и даже сама церковь, в которой якобы проводилась литургия, в реальности не существовала, поэтому пришлось построить ее задним числом. После краткого расследования комиссия объявила Афанасия виновным. Его отлучили от сана и приговорили к изгнанию из Александрии.

Но в это время Афанасий был уже в Константинополе: не дожидаясь окончания процесса, он сбежал из Тира, сев на попутную баржу с лесом. Прибыв в столицу, он добился приема у императора, который, выслушав его, постановил собрать всех епископов при своем дворе. К этому времени Константин уже вернул свою благосклонность Арию, возвратившемуся из ссылки и составившему новое изложение своего вероучения в форме, достаточно расплывчатой, чтобы удовлетворить императора.

Поэтому и отцы Тирского собора, подъехавшие тем временем в Иерусалим на открытие базилики Гроба Господня, приняли в общение Ария и посоветовали то же сделать и александрийской Церкви. Повинуясь повелению императора, арианские епископы явились в Константинополь на очную ставку с Афанасием и немедленно предъявили ему новое обвинение: будто в ответ на развязанные против него репрессии он угрожал остановить подвоз хлеба из Египта в Константинополь. Это обвинение было настолько страшным и настолько тяжелым, что даже тень его правдоподобия заставила смутиться Константина. Ариане затронули его больное место — страх оставить столицу без еды, который преследовал многих императоров, сознававших свою зависимость от египетской провинции и поэтому особенно болезненно относившихся к любым волнениям и неурядицам в Александрии. Испугавшись одного призрака этой угрозы, Константин приказал сослать Афанасия на север, в готский город Трир, а Александрию оставить без епископа.

Случай в лодке

За свою бурную и насыщенную жизнь Афанасий Великий объехал чуть ли не весь белый свет, скрывался в пустынях, беседовал с императорами, четырежды восходил на александрийскую кафедру и трижды отправлялся в ссылку. Он умел выходить невредимым из самых трудных ситуаций и нередко с веселой бра-

вадой сам шел навстречу опасности. Однажды, пытаясь убежать по морю от преследовавших его солдат, он сам повернул лодку им навстречу. Солдаты приняли его за обычного рыбака и спросили, не видел ли он Афанасия. Тот ответил, что да, видел, и если они поторопятся, то скоро его нагонят, — а сам спокойно поплыл к берегу.

Ариане близки к победе

К этому времени в Церкви сложилась удивительная ситуация — большинство ее епископов было арианами, а поскольку Церковь, по Киприану Карфагенскому, есть собрание верующих, объединенных вокруг епископов, то выходило, что и сама Церковь стала арианской. Ариане настойчиво обращали на это внимание императора, называя свое богословствование «церковным», то есть принадлежащим большинству Церкви и опирающимся на ее авторитет. Константин, уже постаревший и потерявший былую энергию, почти всецело перешел на их сторону. Один из немногих оставшихся на епископских кафедрах ярких православных богословов, Маркелл Анкирский, попытался переломить ситуацию и написал большое сочинения против ариан, отослав его императору и попросив прочитать его лично. Но Константин, усталый и больной, просто передал послание на рассмотрение очередного собора, назначив его председателем противника Маркелла Феодора Ираклийского. Собор, разумеется, низложил Маркелла и отправил его в ссылку в Рим.

Порядок, при котором церковные административные и догматические дела в огромной степени зависели от императора, сильно вредил Церкви. Низложенные епископы при каждом удобном случае обращались к императору, оспаривая осудившие их решения соборов. В конце концов было принято особое правило, по которому «епископ, осужденный собором и не оправданный другим, теряет все». Это правило исключало прямое влияние императора на положение епископов, но не исключало косвенного, которое могло действовать — и нередко действовало — через посредство самих соборов.

Очень скоро новое правило было обращено против Афанасия. После смерти Константина его сын Константин II вернул Афанасия из ссылки, и тот снова оказался епископом Алек-

сандрии. Но положение его не стало лучше. По разделу империи Египет вместе с Александрией достался другому сыну Константина, Констанцию, настроенному проариански, а сами ариане легко могли обвинить Афанасия в том, что, осужденный собором, он не был оправдан Церковью, а возвратился по постановлению светской власти. Они так и сделали, не признав Афанасия епископом и избрав вместо него некоего Писта. Последний оказался слишком ничтожным, чтобы заменить великого александрийца, и на его место стали искать других, более выдающихся личностей. В конце концов на кафедру был избран Григорий Каппадокийский, а Афанасий снова бежал из Александрии и отправился в Рим, где встретился с низложенным Маркеллом Анкирским. Римский папа Юлий некоторое время пытался играть роль третейского судьи между Афанасием и восточными отцами, посылая в Антиохию послов с требованием явиться на суд, но в ответ получил лишь предложение выбирать между общением со всеми восточными отцами — то есть огромным большинством Церкви — или только с Афанасием и Маркеллом.

Между тем в 341 году в Антиохии был созван собор «97 отцов», где ариане попытались протолкнуть свои догматические формулы. Целью этого собора было рассеять подозрения Запада об арианстве восточных епископов. Само это подозрение показалось им оскорбительным с чисто иерархической точки зрения. «Мы и не думали быть последователями Ария. Как мы, епископы, да последуем пресвитеру? Мы испытали и исследовали веру Ария и его приняли в свое общение, а не сами к нему присоединились. Мы не держимся никакой другой веры, кроме преданной от начала». В это время и в стане никейцев началась путаница, потому что их ярый сторонник Маркелл впал в ересь и начал проповедовать савеллианство. Афанасий и другие никейцы отнеслись к этому слишком снисходительно, чем подставили под удар свою партию. В результате антиохийский собор осудил и Афанасия, и Маркелла.

На примере антиохийского собора легко объяснить, почему Никейский символ сразу не удовлетворил всех: понадобилось время, чтобы понять, что другие символы еще хуже. В одной Антиохии после Никеи было сделано двенадцать попыток составления новых формул. В них всячески избегалось слово «единосущный», которое никейцы, наоборот, считали своим главным достижением. Итогом антиохийского собора

341 года стала формула, в которой объявлялось, что три лица Св. Троицы разделяются по ипостаси, а объединены не по сущности, как у никейцев, а «по согласию», то есть через волю. Христос же — «неотличимый образ» Отца.

Больше соборов и больше формул

Следующий собор состоялся в Сердике (сейчас София) в 343 году. Он был созван по соглашению императоров Западной и Восточной империй, то есть Константа и Констанция, чтобы решить вопрос о низложении, а потом восстановлении на кафедре Афанасия Великого. Западные епископы были за Афанасия, восточные — против. Увидев себя в меньшинстве, восточные отцы составили замкнутую партию, поселились в одном доме и наотрез отказались обсуждать саму возможность рассмотрения дела Афанасия на том основании, что постановления одного собора (низложившего Афанасия) не могут пересматриваться и отменяться на другом. В одну из ночей восточные отцы тайно сбежали из Сердики под тем предлогом, что узнали о победе Констанция над персами и хотят вернуться к своей пастве, чтобы возблагодарить Бога за эту милость. По дороге они остановились в другом городе, Филиппополе, и здесь составили собственный собор, назвав его Сердикским. На этом соборе они объявили низложенными Афанасия и нескольких главных западных епископов, включая римского папу Юлия, и также предложили новую формулу вероисповедания, арианскую по смыслу, но составленную в самых обтекаемых выражениях.

Оставшиеся в Сердике западные отцы пытались сочинить еще одно изложение веры, но Афанасий выступил против, и дело кончилось подтверждением Никейского символа. По окончании собора западные отцы отправили своих делегатов в Антиохию, где по инициативе Констанция был созван новый Антиохийский собор, принявший еще одну формулу веры, направленную против арианства, но отличавшуюся от никейской. В то же время Констант потребовал от своего брата Констанция, чтобы постановления Сердикского собора были приняты повсеместно, в том числе — восстановлен в своих епископских правах Афанасий. Кстати освободилась александ-

дрийская кафедра, и Афанасий вновь стал епископом Александрии, впрочем, ненадолго.

Вскоре в результате мятежа Магненция умер главный защитник Афанасия, западный император Констант. Констанций сумел разбить мятежников и в 351 году стал единодержавным императором Востока и Запада. В том же году в городе Арелате Афанасий был снова осужден, но остался на кафедре, несмотря на то что его пытались выгнать оттуда силой и посланный властями нотариус Диоген несколько месяцев осаждал церковь. Постепенно все защитники Афанасия на Западе и Востоке были низложены и сосланы. В 356 году Констанций отправил в Александрию дукса Сириана, который с несколькими легионами вошел в город и оцепил церковь, где Афанасий в это время совершал всенощное бдение. Из уважения к священнодействию солдаты не вошли внутрь, а стали ждать снаружи. Когда народ стал с пением расходиться из церкви, Афанасий незамеченным вышел вместе с остальными, что впоследствии было воспринято как чудо. Солдаты ворвались в храм, обыскали все помещения, объявили розыск по городу и по всему Египту, но Афанасий исчез бесследно. Есть легенда, что все это время он жил в доме у некой христианской девы, которая его кормила и поддерживала, пока он писал свои богословские труды.

Торжествующие ариане составили новую формулу веры, уже чисто арианскую по сути, которую подписал даже ярый защитник Никейского символа Осий Кордубский. В этой формуле объявлялось, что Бог один, и это — Бог Отец; что касается Сына, то никто не может судить о том, как Он соотносится с Отцом, потому что это выше человеческого разума. Следовательно, разговор об этом следует оставить, а слова «единосущный» и «подобосущный» не употреблять, тем более что таких выражений нет в Священном Писании. О том же, что Отец больше Сына, ясно из слов Самого Сына, Который сказал: «Отец Мой более Меня» (Ин. XIV, 28). Победа ариан была утверждена и римским папой Либерием, который, попав в опалу и оказавшись в ссылке, вынужденно подписал арианское вероисповедание.

Вся эта тягостная и малопродуктивная борьба осложнялась тем, что после Никейского собора христиане далеко не сразу разделились на «чистых» и «нечистых». Никейцы и ариане продолжали находиться в общении друг с другом. Напри-

мер, Дианий, епископ Кесарии Каппадокийской, который всю жизнь был ярким арианином и возглавлял Антиохийский собор 338 года, низложивший Афанасия Великого, оставался личным другом православного Василия Великого. Василий отзывался о нем с большим уважением и симпатией и негодовал, когда ему приписали факт низложения Диания, назвав это «бесстыдной клеветой». Когда уже перед самой смертью Дианий подписал очередное арианское изложение веры, принятое в Константинополе, Василий огорчился из-за его слабости и на время прекратил к нему визиты, но дело тем и ограничилось.

Другой арианин, Леонтий Антиохийский, приглашал в свою церковь известных православных проповедников Дидодора и Флавиана, и те охотно принимали его приглашения. Между тем Леонтий умело лавировал между двумя сторонами и даже заключительное славословие в православных молитвах произносил так тихо, что никто не мог расслышать, что именно он говорит: «Слава Отцу через Сына во Св. Духе», как полагалось арианину, или «Слава Отцу и Сыну и Св. Духу», как делали православные. Зато в заключение он громко добавлял: «И во веки веков». Леонтий сам прекрасно понимал, что пытается сидеть на двух стульях, и, показывая на свою седую голову, говорил: «Когда этот снег растает, будет много грязи».

Читайте в приложении: Течения арианства

Глава третья. Констанций и Юлиан

Характеристика Констанция

«С тех пор как императоры стали христианами, дела Церкви стали от них зависеть», — написал в IV веке историк Сократ Схоластик. Биография правителей, их характер, склонности, личные вкусы и политика превратились в важный фактор церковной жизни. Поэтому здесь и дальше нам придется много говорить об императорах — по-византийски «басилевсах» — и перемешивать церковную историю со светской.

После смерти Константина Великого империя была разделена между тремя его сыновьями. Старшему, Константину

Второму, которому исполнилось 21, досталась западная часть с Галлией, Испанией и Британией. Второй сын, 16-летний Констанций, получил весь Восток вместе Константинополем. Третий брат, Констант, на год его младше, встал во главе средней части империи, включавшей Италию, Африку и территорию вокруг Дуная. Остальные претенденты на престол были убиты, чтобы не создавать смуту в государстве. Устранили двух родных братьев Константина, Далмация и Юлиа Констанция, и их детей. В живых остались только два сына последнего — 12-летний Галл и шестилетний Юлиан, будущий Юлиан Отступник.

Вскоре Константин Второй и Констант вступили в междоусобную войну, в ходе которой Константин был убит и Констант оказался единовластным правителем Запада, а Констанций — Востока. Позже на Западе произошло восстание, узурпатор Магненций убил Константа и вступил в борьбу с Констанцием. После изнурительной войны Констанций победил и стал императором единой империи, как и его отец.

У нового правителя было немало военных и административных талантов. Он удачно воевал с персами, алеманнами и мятежником Сильваном. Ему удалось реформировать армию, заковав всю кавалерию в гибкие чешуйчатые кольчуги, а лошадей — в стальные тяжелые попоны. Он провел тюремную реформу, в частности, запретил держать арестованных больше месяца без суда и следствия и сажать в одну камеру мужчин и женщин. Ему были не чужды науки и искусства, представления о достоинстве властителя, справедливости и благе государства. Преисполненный высокого мнения о своем величии, во время торжественных процессий император всегда ехал один, неподвижно сидя на коне и глядя в одну точку.

В то же время в лице Констанция империя получила богослова на троне, которого церковные дела волновали едва ли не больше, чем государственные. В отличие от мягкого отца, Констанций был агрессивен, деспотичен, но слаб характером; он любил действовать коварно, исподтишка и отличался мстительностью. Если Константин стремился всех примирить и умиротворить, то Констанций прямо выступил против язычества. Он запретил все языческие культы и общества, в которых приносились кровавые жертвы. Однако общество в то время оставалось еще по преимуществу языческим, и царские указы часто не выполнялись. Тем более что и сам Констан-

ций, оказавшись в Риме, с восхищением смотрел на языческие храмы.

Еще более ревностно император боролся с еретиками. Афанасия Великого он считал еретиком и бросил против него все средства, какие были в распоряжении государства: армию, полицию, чиновников, дипломатов. Он говорил, что устранение Афанасия Великого обрадовало бы его больше, чем победы над войсками Магненция и Сильвана. За его голову была назначена награда, солдаты постоянно проводили обыски в церквях и монастырях. Констанций даже написал специальное письмо в Абиссинию, требуя от ее князей не принимать у себя Афанасия.

Самовольно вмешиваясь в дела Церкви, Констанций, однако, заботился о том, чтобы его решения одобрялись тем или иным собором. Он собирал их в таких количествах, что это нанесло серьезный ущерб финансам государства. На соборах Констанций не стеснялся прибегать к открытому принуждению. На Миланском соборе он потребовал от епископов осудить Афанасия. Когда те возразили, что это противоречит канонам, император заявил: «Что я захочу, то вам и канон. Или повинуйтесь, или отправляйтесь в ссылку». Констанций не стеснялся угрожать епископам мечом, а папу Либерия пытался подкупить, предложив ему 500 золотых. При его правлении было сослано множество авторитетных епископов, включая Иларию Пиктавийского, Люцифера Каларисского и Либерия.

Император-арианин и продолжение смуты

Для разрешения споров император Констанций решил созвать новый вселенский собор, но по инициативе ариан, боявшихся союза западных епископов с никейцами, тот разделился на два собора: восточный в Селевкии и западный в Аримине, современном Римини (359 год). Селевкийский собор, в свою очередь, раскололся на две партии, василиан и акакиан. Василиане низложили Акакия и его главных соратников, в том числе Евдоксия, вместо которого на антиохийскую кафедру поставили Аниана. Акакиане, не долго думая, обратились к императорской власти в лице комита Леоны, который арестовал Аниана и отправил в ссылку. В конце концов на восточном соборе под давлением акакиан была

принята новая форма изложения веры, где предлагалось отказаться от слов «усия» и «ипостась», поскольку они не упоминаются в Писании и только вводят народ в соблазн. Представители восточного собора, Валент и Урсакий, отправились с этой формулой к западным отцам в Аримин, но там отказались подписать формулу восточных отцов и низложили самих Валента и Урсакия.

Урсакий и Валент

Церковные историки обычно упоминают эту пару вместе: Урсакий и Валент, Валент и Урсакий, два епископа-авантюриста, два прирожденных смутьяна, которые чувствовали себя как рыба в воде среди церковных неурядиц и интриг. Осужденные за арианство на соборе в Сердике, они быстро покаяться и перешли на сторону никейцев и Запада, но, когда Констанций стал императором западной части империи, тут же передумали и перешли на сторону восточных, которым благоволил Констанций. Валент заслужил особую благосклонность Констанция с помощью ловкого трюка: перед его сражением с Магненцием он подслал своих шпионов в военный лагерь базилиевса. Как только битва закончилась, Валент получил сведения о поражении Магненция и немедленно отправил поздравления Констанцию, рассказав, что ему только что явился ангел и сообщил о победе императора. Констанций с тех пор почитал Валента как человека великой святости.

После этого обе стороны отправили своих представителей к императору, чтобы он их рассудил. Император встал на сторону акакиан. Получив поддержку власти, те под разными предлогами низложили василиан, за которых заступились западные и никейцы, и аномеи, возмущенные хитрыми интригами и непоследовательностью Акакия. Оставшись только с небольшой кучкой единомышленников, Акакий начал искать себе союзников, переманивая на свою сторону василиан, никейцев и аномеев, в том числе главу последних Евномия. В результате всех расколов, разногласий и интриг в Антиохии к 362 году образовалось три отдельных партии, каждая из которых имела своих епископов: никейская, арианская (представленная акакианами) и аномейская. Тут же появились еще и духоборцы, поставившие вопрос о Св. Духе, и аполлинарии,

отрицавшие, что Сын принял в Себя человеческую душу, а не только тело.

Никейцы, в свою очередь, разделились на евстафиан и мелетиан, по имени епископов Евстафия и Мелетия, приверженцами которых они являлись. Разделение произошло из-за того, что сторонники антиохийского епископа Евстафия, сосланного арианами, порвали отношения с пришедшим на его место арианствующими епископами, а когда позже на кафедре был поставлен православный Мелетий, не стали общаться и с ним, считая, что он слишком запятнал себя сотрудничеством с арианами. Когда же был изгнан и Мелетий, его почитатели тоже стали собираться отдельно, не желая общаться с не принявшими Мелетия евстафианами. К тому же две этих по сути православных группы по-разному понимали слова «сущность» и «ипостась»: евстафиане не различали ипостась от сущности и вместо единосущия говорили об «одной ипостаси», что казалось мелетианам савеллианством, потому что для них это звучало как «одно лицо». Мелетиане же говорили о «трех ипостасях», что евстафиане понимали как «три сущности» и поэтому считали это арианством. Люцифер Каларисский по поручению устроенного Афанасием Александрийского собора приехал разбираться и мирить две партии, но еще больше запутал дело, перепутав «три ипостаси» с «тремя сущностями», и, в свою очередь, отделился от всех и образовал новую схизму «люциферриан». Часть василиан в попытке удержать золотую середину образовала секту македонян, мало чем отличавшуюся от «подобосущников», и т. д.

Юлиан Отступник

В 361 году умер император Констанций, и его место занял Флавий Клавдий Юлиан. Новый император начал свое правление тем, что неожиданно отказался от христианской веры и снова обратился к язычеству. Чтобы разобраться, почему это произошло, надо поподробней рассмотреть биографию этого необычного правителя.

Характер и взгляды Юлиана складывались под влиянием политических обстоятельств, в которых прошли ранние годы его жизни. Вся его семья была убита Констанцием во время борьбы за власть, пощадили только самого Юлиана, потому

что тот был еще ребенком, и его брата, слабого и болезненно-го Галла. В детстве и юности Юлиан находился под постоянным подозрением, за каждым его шагом следили, видя в нем опасного претендента на престол. Он чувствовал себя скорей заложником, чем принцем.

Воспитывали его епископ Евсевий Никомедийский и язычник Мардоний, хорошо разбиравшийся в классической культуре. С ранних лет Юлиан начал проявлять склонность к язычеству. Сильное впечатление на него произвел языческий маг Максим, который заставлял статуи двигаться и улыбаться, а факелы — вспыхивать у них в руках. Констанций, наоборот, стремился как можно больше приобщить его к Церкви, желая видеть в нем скорее отрешенного от мира монаха, чем сильного политического соперника. Император запрещал ему слушать лекции знаменитого ратора Ливания, и Юлиан тайком читал их в записи. Из страха перед Констанцием он всегда скрывал свои настоящие мысли и интересы.

Вскоре его брат Галл был казнен, и император вызвал к себе Юлиана. Тот провел несколько месяцев под домашним арестом, на грани жизни и смерти, пока жена императора Евсевия не упросила мужа отправить Юлиана в Афины, чтобы он мог закончить свое образование. В Афинах Юлиан учился вместе с Василием Великим и Григорием Богословом, двумя из трех величайших отцов Церкви (третьим считается Иоанн Златоуст). Григорию Юлиан не понравился: он увидел в нем скрытного и двуличного человека с уклончивым характером и бегающим взглядом. Ему запомнились его слабая шея, подергивающиеся плечи, беспокойные манеры, порывистые жесты и бессвязная речь.

Пробыв в Афинах не больше полугода, Юлиан был отправлен в Галлию в звании кесаря для управления этой провинцией. В это время он приблизил к себе епископа Пигасия, который удивил его тем, что снисходительно относился к языческой религии: входя в храмы римских и греческих богов, он не свистел в знак презрения и не осенял себя крестным знаменем, как делали другие христиане. Терпимость Пигасия простиралась так далеко, что он смотрел сквозь пальцы даже на жертвоприношения, хотя они запрещались законом. На вопрос Юлиана, как это возможно, Пигасий ответил: «Почему же язычникам не приносить жертвы, ведь и мы чтим мучеников, как они — героев».

Назначение Юлиана кесарем в Галлию не отвело от него подозрений Констанция и не сделало его жизнь более безопасной. Окруженный шпионами, Юлиан боялся проявлять к кому-то симпатию, потому что такие люди тут же попадали в немилость к Констанцию и подвергались наказанию. Ему приходилось притворяться, что он не знает тех, кто на самом деле являлся его ближайшими друзьями.

В Галлии Юлиан показал себя как хороший полководец и правитель. Он разбил германцев, обустроил провинцию и снизил налоги. Местные жители и армия были на его стороне. Раздраженный Констанций ждал только повода, чтобы расправиться с ним. После неудачной войны с Персией он потребовал передать ему легионы из Галлии, подчинявшиеся Юлиану. В ответ войска провозгласили Юлиана императором. Назревала новая гражданская война, но смерть Констанция в 361 году прекратила распрю. Юлиан стал императором и сразу объявил о возвращении свободного поклонения богам.

Язычник-реформатор

Юлиан искренне почитал язычество и считал, что в честном соревновании оно победит христианство. Образцом для него был «философ на троне» Марк Аврелий, подражая которому, он писал по ночам религиозные трактаты. Его собственные взгляды были близки к неоплатонизму. Юлиан придерживался учения о трех мирах — мысли, мыслящем и чувственном. Согласно этой доктрине, мир мысли соприкасается с чувственным через мыслящий, в центре которого стоит бог Солнца.

Как ни странно, в реформации язычества Юлиан позаимствовал кое-что из христианства. Он был огорчен, что многие языческие жрецы вели себя безнравственно, и хотел создать из них что-то вроде монашеского ордена, состоящего из людей образцовой морали. Они должны были хорошо разбираться в поэзии и философии и вообще являться эталоном для всех. Другая его христианская идея — благотворительность и помощь бедным. Юлиана возмущало, что жрецы не стараются помогать нуждающимся и нищим, как это делают галилеяне (то есть христиане). Сам он раздавал хлеб и вино бедня-

кам и требовал от храмов оказывать приют странникам: «Кто оскорбляет странника, оскорбляет Зевса».

Юлиан вообще был разочарован и недоволен язычниками. Ему хотелось «подтянуть» их до уровня христиан и сделать еще выше, чтобы доказать превосходство традиционной религии. Но язычники не разделяли его религиозного рвения и смеялись над его желанием лично участвовать в жертвоприношениях и строго соблюдать все тонкости религиозных церемоний. Император лично приносил в храм дрова, разводил огонь, изучал внутренности животных. Рядом с жертвенником часто толкались беднота и всякий сброд, выпрашивавшие куски жертвенного мяса, поэтому самого Юлиана в насмешку прозвали «подъедалой».

В легкомысленной и привыкшей к роскоши Антиохии язычники, для которых он так старался, потешались над его длинной бородой и философским образом жизни. Они говорили, что борода его слишком длинна и что надо ее обрезать и сплести веревки. Антиохийцев мало волновала религия, им было все равно, во что верить, они просто хотели жить в свое удовольствие. Поэтому они сплошь и рядом разочаровывали Юлиана. Во время празднества Аполлона он с огорчением увидел, что храмы пусты и никто не торопится нести в них жертвы. «Я надеялся, что город принесет хотя бы одного белого быка». Антиохийцы в ответ начали острить, что если Юлиан победит персов, то белым быкам придется не сладко.

Антихристианин

В отношении христиан Юлиан проводил политику терпимости. Он их не любил, но считал, что «галилеян» надо склонять к язычеству не насилем, а убеждениями. Император писал полемические трактаты, в которых указывал на ошибки христиан и на то, что их вера вторична по отношению к иудейской. Юлиан вернул всех сосланных епископов, чтобы они сами разбирались между собой без вмешательства государства: он говорил, что они перегрызутся как собаки. Этот указ позволил вернуться на кафедру в Александрию Афанасию Великому. Александрийцы, отличавшиеся пылким нравом, выгнали из города его предшественника епископа Георгия, а когда тот попытался вернуться, сначала посадили в тюрьму, а потом

убили и возили его труп по улицам на верблюде, после чего сожгли. Афанасий тоже оставался в городе недолго: Юлиан снова сослал его в ссылку, недовольный тем, что тот крестил любимых им язычников.

Несмотря на внешнюю снисходительность, за всеми действиями императора стояла откровенная неприязнь к христианству, которое он подвергал издевкам, порой очень жестоким. Известен случай, когда, увидев толпу перед пещерой одного христианского подвижника, Юлиан обратился к нему со словами: «Если хочешь спастись, живи уединенно», — и приказал завалить вход в пещеру камнями вместе с отшельником, замуравав его заживо. У Эдесской церкви он отобрал все денежные средства, заявив, что «христиане страдают, когда их не преследуют» и он хочет «облегчить им вход в царствие небесное».

Он помещал свое изображение на картинах и статуях вместе с языческими богами, чтобы, кланяясь императору, христиане кланялись и им. Все продукты на рынках по его приказу освящались жертвенной кровью. Раздавая деньги воинам, он заставлял солдат бросать на огонь ладан, якобы в целях гигиены, а сам ставил за ширмой статуи богов: получалось, что они курили ладан языческим божествам. Обнаружив это, христиане возмущенно бросали деньги на землю.

Подчиненные Юлиана часто вели себя по отношению к христианам совершенно разнузданно, зная, что это сойдет им с рук. В Газе языческая толпа растерзала священников и девственниц, начинила их тела ячменем и бросила свиньям. В Гелиополе какой-то безумный фанатик зубами выгрыз у дьякона Кирилла печень. В Арефузе епископа Марка вымазали медом и выставили на съедение насекомым. В Мире мэра города Амахий приказал поджаривать христиан на решетках, а они из огня кричали ему: не забывай поворачивать, не то мясо останется непрожаренным. Христианские кладбища разоряли, кости вырывали из могил и выбрасывали. Череп одного из убитых епископов использовали в качестве лампы. Зверства были таковы, что за христиан начали заступаться даже такие авторитетные язычники, как ритор Ливаний.

В целом Юлиан вел себя двойственно и противоречиво: читая разных авторов, можно составить о нем прямо противоположные мнения. Резкий контраст уничтожающей критике христиан составляют воспоминания боевого офицера Амми-

ана Марцеллина. Этот мягкий, здравомыслящий и толерантный человек, сам бывший язычником, но находивший добрые слова и для христиан, описывал Юлиана как образцового правителя и выдающегося человека, которого оплакивали все достойные люди империи.

Погиб он храбро, как доблестный воин. Персы заманили войско в ловушку, и Юлиан бросился в битву, не надев лат. Дротик пронзил его печень. Когда рану перевязали, император хотел снова кинуться в бой, но его остановили: он потерял много крови. Той же ночью Юлиан умер, как подобает философу, беседа с друзьями о бессмертии души.

Закат арианства

Отступление Юлиана от христианства, как ни странно, оказало услугу христианской Церкви. Христиане всех толков и школ получили возможность веровать и богословствовать свободно, без давления со стороны власти, угрозы ссылок и прочих наказаний. Это помогло прояснить многие недоразумения. Искусственно созданная партия омиев сразу развалилась. Василий Анкирский и Георгий Лаодикийский, сторонники «подобосущия», написали «Памятную записку», где дали наконец отчетливое объяснение терминам «сущность» и «ипостась». Бог имеет одну сущность, писали они, и Бог один, а не три. Но Бог имеет три Лица, которые различаются некоторыми свойствами. Как раз для того, чтобы делать такое различие, и используется термин «ипостась». Если мы говорим только о сущности, то можем впасть в савеллианство, где три лица растворяются в одном Боге. А понятие ипостаси не позволяет это сделать.

Стоило дать такое ясное и четкое разъяснение, как западные богословы поняли, что их вера ничем не отличается от восточной. До сих пор они просто не желали ничего слушать и упорствовали в своих предубеждениях. Епископ Иларий предложил: «Нужно собраться вместе и сообща рассудить, чтобы не устранялось то, что хорошо установлено, и не отвергалось то, что плохо понятно». Следуя этому призыву, галльские епископы собрались на собор в Париже и отправили восточным примирительное послание. Они признали свои

ошибки на Ариминском соборе и предложили восстановить церковное общение.

В то же время и строгим никейцам, отвергавшим слово «подобосущный», которым на востоке пытались заменить никейский термин «единосущный», пришлось задуматься, так ли уж важно это различие. Афанасий Великий писал: «С людьми, подобными Василию (Анкирскому), не нужно обходиться как с врагами, а следует считать их братьями, которые разнятся от нас только одним словом, но мыслят так же, как и мы».

На собравшемся в 362 году Александрийском соборе наконец выяснилось, что евстафиане, говоря об одной ипостаси, и мелетиане, говоря о трех ипостасях, имеют в виду одно и то же, только первые подчеркивают единство Св. Троицы, а вторые — Ее троичность. В самом общем смысле сущность — это то общее, что объединяет, а ипостась — это то особенное, что различает. Это относится не только к Богу, но и к людям: человек — это сущность, Павел — ипостась. Лица в Св. Троице различаются так же, как люди между собой. Новое понимание этим терминам дал Василий Великий.

Глава первая. Расцвет богословия и новая волна ересей

Великие каппадокийцы

В IV веке в Византии богословствовали не только мудрые патриархи и епископы. Простой народ бредил теми же проблемами, которые занимали высокие умы. Григорий Назианзин иронически писал про константинопольских чернорабочих, которые вдруг превратились в профессоров богословия: «Ты спросишь их об оболах, а они философствуют о Рожденном и Нерожденном. Хочешь узнать цену на хлеб — отвечают: “Отец больше Сына”. Справишься: “Готова ли баня?” — говорят: “Сын произошел из не-сущих”». О церковных догматах спорили в церквях, над ними ломали голову при дворе, про них судачили на улицах. Арианство было в моде и будоражило все общество; его обсуждали как горячую новость или политический скандал.

Приверженцами арианской ереси стали даже вечные противники римлян — готы. В христианскую веру их обратил греческий миссионер-арианин по прозвищу Вульфилла (Вол-

чонок), который создал готский алфавит и переложил на готский язык Священное Писание. Авторитет Вульфила был так велик, что готы еще многие века оставались арианами, поэтому все последующие нашествия германцев стали нашествием ариан, для которых христианство Рима и Константинополя было христианством еретическим: они не шадили их храмы и не уважали их святынь. Позже готы стали служить в императорской гвардии, и басилевсам приходилось терпеть их арианство в собственной столице. Оба «великих» императора, Феодосий и Юстиниан (а это уже VI век), по требованию готов строили арианские храмы в Константинополе. Когда в дело вмешивались государственные интересы, власть умела быть очень терпимой к еретикам.

Раскол ариан охватил практически всю страну, и Церкви пришлось приложить огромные усилия, чтобы навести порядок в этой догматической сумятице. В самый разгар арианских споров на церковном небосклоне засияла звезда трех «великих каппадокийцев»: епископа Кесарии Василия Великого, его друга Григория Богослова (Назианзина) и младшего брата Григория Нисского. Благодаря заслугам этих богословов Церковь сумела сформулировать основополагающий догмат о Троицином Боге и положить конец арианской ереси. Заодно в культурный обиход вошло понятие «личности» (в отличие от античного «индивидуума») как о некоей абсолютной и уникальной единице бытия, воплощающей всю полноту природы и способной к бесконечному совершенствованию. Первоначально этот термин родился в применении к лицам Святой Троицы и только потом был перенесен на человека.

Меньше других в каппадокийской троице был замечен Григорий Нисский: он проявлял себя исключительно в литературе и не играл почти никакой роли во внешних событиях Церкви, хотя и превосходил остальных как богослов. Его представления о назначении человека и его посмертной участи до сих пор вызывают глубокий интерес и остаются предметом многих споров и сомнений. «Отец отцов», как назвал его Седьмой Вселенский собор, считал, что адские муки не будут длиться вечно и вся тварь, включая самых безнадежных грешников, в конце концов спасется и соединится со своим Творцом. Но эта тема не звучала в богословии так громко и не имела такого значения в церковной жизни, как проблемы «лица»,

«ипостаси» или божественности Святого Духа. Гораздо более весомыми фигурами в истории Церкви стали Василий Великий и его друг и соратник Григорий Богослов.

Василий Великий

Василий Великий получил блестящее классическое образование: сначала у домашних учителей, потом в Константинополе у тогдашней знаменитости ритора Ливания и, наконец, в афинской философской школе, где учился вместе с Григорием Богословом и Юлианом Отступником. Его отец был известным адвокатом, мать — дочерью христианского мученика, дядя — епископом. Аристократическое происхождение и богатство семьи обеспечили ему связи в верхах власти и большое состояние — настолько большое, что во время голода 368 года в Кесарии он кормил за свой счет детей из неимущих семей во всей провинции.

От природы болезненный, Василий однажды заметил, что в здоровом состоянии он ближе к смерти, чем обычные люди во время опасной болезни. С ранней юности он был малокровен и серьезен, не любил шума, общества, грубых шуток, предпочитал жить в изоляции и отличался робостью. Это был человек замкнутый, любящий уединение, легкий и остроумный в кругу близких друзей, но суровый и немногословный на людях. Воспоминания современников рисуют образ законченного меланхолика, неуверенного в себе, склонного к глубокой мизантропии, болезненно переживающего неудачи и постоянно их ищущего, человека, который от жизни и людей ожидал только плохого и в отношениях с другими всегда сохранял осторожную недоверчивость. При этом он держал себя так, что даже чужие люди не могли не испытывать к нему уважения. Многие старались подражать его строгой сдержанности, подчеркнуто простой манере одеваться, своеобразному изяществу, сквозившему в его худошавой фигуре, вплоть до жестов и походки.

После афинской школы Василий вернулся домой и быстро прошел всю иерархическую лестницу церковных должностей, от чтеца до епископа. Перед епископскими выборами в родной Кесарии Василий развернул активную агитацию и позвал на помощь своего брата Григория Нисского. Отношения меж-

ду братьями были сложными: Григорий не одобрял «карьеризм» Василия, считая его человеком гордым и надменным. «Василий, — писал он, — чрезвычайно много думал о своем красноречии, презирал все достоинства и превозносился своим значением выше вельмож именитых». Зная об этом, Василий прибег к хитрости и вызвал к себе брата, притворившись больным, но Григорий в дороге узнал про обман, развернулся и уехал домой. Тем не менее Василий был выбран епископом Кесарии — большинством всего в один голос. Этот голос подал за него епископ Назианский, отец Григория Богослова, специально приехавший на выборы, несмотря на то что ему было уже почти сто лет.

Василий не обладал бойцовскими качествами Афанасия и его неумной энергией, доходящей до авантюризма, зато был прекрасным организатором. Православную церковь он застал раздробленной и ослабленной посленикейской смуты. Василий оказался тем человеком, который мог примирить упорных противников и объединить разрозненные силы православных. Широта взглядов и дипломатическая гибкость позволяли ему общаться со святым Афанасием и еретиком Евдоксием, с простоватым Евстафием Севастийским и изощренным Аполлинарием. В то же время он всегда придерживался твердой догматической позиции и никогда не колебался в вопросах вероучения. «Если бы пришел кто с самого неба, — писал он, — и не стал держаться здравого учения веры, то и того я не признал бы сообщником святых». Василий был великим богословом. Именно он вместе с двумя Григориями — Богословом и Нисским — четко сформулировал основной догмат о троичности Бога: одна сущность, три ипостаси. Он учил, что все три Лица равны между собой, их различает только отношение друг к другу. «Отец есть имя Божие не по сущности и не по действию, но по отношению, какое имеет Отец к Сыну или Сын к Отцу». Единственная разница между Ними в том, что один рождает, а другой — рожден.

В свое богословие Василий вносил строгость и чистоту своего характера, а в церковную политику — тонкость и осторожность аристократа. Он пытался не поспорить с радикальными никейцами, требовавшими открыто и прямо исповедать свою веру и нетерпимыми ко всяким компромиссам, и в то же время делал все, чтобы удержать колеблющихся православных, почти склонявшихся к арианству. Дипломатично ла-

вируя среди крайних партий, он никогда публично не исповедовал Св. Духа Богом и не требовал этого от других, за что многие считали его нерешительным, а некоторые — трусом. Относительно одной его речи, где он крайне невнятно и двусмысленно говорил о божественности Св. Духа, один радикально настроенный монах сказал, что это «слишком политично, чтобы быть благочестивым». Однако когда такие обвинения стали раздаваться слишком громко, на его сторону встал сам Афанасий, заявив, что Василий стоит за истину не менее рьяно, чем они, но для немощных является немощным, чтобы прибрести немощных. Василий — «гордость Церкви, и они должны благодарить Бога, давшего Каппадокии такого епископа, какого желала бы себе всякая страна».

Читайте в приложении: О лицах Св. Троицы. Василий Великий

Борьба на всех фронтах

Между тем новый восточный император Валент не вдавался в тонкости богословия. Он действовал очень просто: предлагал епископам присоединиться к господствующей партии «омиев» (подобосущников) и всех, кто отказывался, отправлял в ссылку. Так же он попытался и надавить на Василия, но тот не поддался на угрозы, чем внушил императору большое уважение. Вскоре Валент сам прибыл в Кесарию и после посещения церкви, где Василий, вопреки его опасениям, великодушно принял дары от императора-арианина, проникся личным расположением к кесарийскому епископу. Валент убедился, что Василий не склонен разжигать раздоры в своей митрополии, а, наоборот, старается успокоить и умиротворить свою паству; тогда как продолжение гонений и ссылок грозит только новыми неурядицами. Как хороший политик, царь предпочел мир войне. Что касается народа, то среди паствы Василий пользовался такой популярностью, что, когда его попытались привлечь к суду, на улицах вспыхнуло восстание. Все это сделало Василия исключением среди православных епископов, повсеместно сосланных и лишенных кафедры. Вольно или невольно он стал ключевой фигурой, вокруг которой сосредоточились надежды Церкви на объединение и преодоление смуты.

В это время в восточной церкви не было центра — все разбилось на отдельные группы и отдельных епископов, собиравших вокруг себя своих сторонников. То же самое происходило и с догматическими формулами, которые бесконечно умножались и противоречили друг другу. Доктрина Киприана Карфагенского «где епископ, там церковь» получила почти буквальное воплощение: каждый епископ стал почти равносителен Церкви и в одиночку воплощал собой всю Церковь. Следствием этого была цепочка взаимных анафемствований и отлучений.

Только Запад оставался целым и с настороженным удивлением или отвращением смотрел на разброд на арианствующем Востоке. Василий постарался установить общение с Западом, показав, что не все на Востоке ариане. Он обратился к Афанасию с просьбой отправить на Запад своего посла вместе с послом Василия и убедить западных отцов приехать на восток и вступить в общение хотя бы с теми епископами, которые высказывают правильные взгляды. Для этого сначала следовало устранить разногласия между самим Василием и Афанасием. Афанасий был евстафианином и поддерживал антиохийского епископа Павлина, не имея при этом общения с Мелетием и мелетианами. Василий был мелетианином, как и большая часть его паствы, но старался объединиться с евстафианами. Он предложил Афанасию вступить в общение с Мелетием. Тот ответил, что Мелетий должен сделать первый шаг, поскольку именно он отказался вступить в общение с Афанасием, когда тот был в Антиохии. Это затруднение так и не удалось разрешить до смерти Афанасия в 373 году.

Василию пришлось действовать в одиночку. Он отправил на Запад несколько посольств, которые встретили холодный, даже высокомерный прием. Римский папа Дамас и западные епископы не желали вникать в проблемы восточной Церкви и разбираться, кто в ней «правильно учит», а кто нет. Они не нашли ничего лучше, как прислать Василию форму прошения, с которым восточным отцам следовало обратиться в Рим: ее должны были подписать самые видные епископы Востока и отправить папе с почетной делегацией; только тогда он соизволит рассмотреть их просьбу. Василий получил этот ответ во время тяжелой болезни и с горечью написал личное письмо папе Дамасу, упрекая его в гордыне и надменности. Спустя три года Василий отправил в Рим новое письмо, кото-

рое было рассмотрено на Римском соборе и в конечном счете послужило поводом для союза мелетиян с Западом. Сам Василий не успел порадоваться этому событию: болезни dokonали его слабый организм и он скончался на 50-м году своей многострадальной жизни.

В надгробном слове Григорий Нисский сравнил Василия с Моисеем, приведшим израильтян в землю обетованную после сорока лет скитаний. Василий Великий оставил православную Церковь гораздо более собранной и окрепшей, чем она была до него. Он внимательно следил за местными церквями и вступал в союз со всеми достойными епископами. Если где-нибудь в Понте или Киликии появлялась свободная епископская кафедра, Василий старался поставить на нее своего человека. В конце концов ему удалось сколотить на востоке империи партию новоникейцев, включавшую 150 епископов. Но Константинополь все еще оставался полностью арианским, и главную роль в восстановлении в нем православия сыграл близкий друг Василия — св. Григорий Богослов.

Григорий Богослов

Григорий Богослов, родившийся в каппадокийском Назианзе, был сыном местного епископа, человека достаточно состоятельного, чтобы иметь собственное поместье. Как и Василий, Григорий долгое время учился дома, потом продолжил образование в Кесарии Палестинской, Александрии, Афинах и Антиохии — крупнейших культурных центрах, где его учителями были лучшие риторы, такие, как Ливаний, Имерий и Феспесий. Будучи человеком ораторского склада, он какое-то время сам преподавал риторику, но потом крестился у своего отца и затворился в монастыре вместе с Василием, чтобы предаться аскетической жизни и изучению трудов Оригена. Там бы он, скорей всего, и остался, если бы долг перед семьей, дружеские увещевания и церковные неурядицы не заставили его выйти в «мир».

Григорий был невзрачен на вид — маленького роста, почти лысый, с нездоровым цветом лица. С детства склонный к мистицизму, он имел видения, в которых ему являлись божественный свет, «сияние престола» и прекрасные девы, воплощавшие целомудрие и чистоту. Все это склоняло его к тихой

и уединенной жизни, посвященной богопознанию и молитве. Если Василий Великий при всем его аристократизме был образцом энергичного и деятельного пастыря, то Григорий воплощал в себе чисто созерцательный характер. «Для меня самое важное дело — бездействие, — замечал он в письме Василию. — Если бы все подражали мне, то не было бы беспокойств церквам, не терпела бы поруганий вера, которую теперь всякий обращает в оружие своей любви к спорам». К церковным интригам он питал отвращение, даже если они велись его друзьями и во благо Церкви. «Не увлекся епископским духом, — раздраженно писал он своему другу, — не вооружаюсь вместе с вами, чтоб драться, как дерутся между собой псы за брошенный им кусок».

Пассивная натура Григория стала причиной его конфликта с Василием Великим. В 371 году Василий поссорился с соседним епископом Анфимом, который решил стать митрополитом и для этого попытался отнять у Василия часть территории, относившейся к его кесарийской митрополии. Чтобы отстоять свои права, Василий поставил епископа в пограничный город Сасимы и избрал для этой цели своего друга Григория. Сасимы были мелким и убогим городишкой, перевалочным пунктом, через который проходили торговые и административные пути. Его население составляли в основном извозчики и трактирная прислуга. «Там всегда пыль, стук от повозок, слезы, рыдания, собиратели налогов, орудия, пытки, цепи, а жители — чужеземцы и бродяги, — писал Григорий, — Я брошен здесь, как грязный и негодный горшок». Для любившего созерцательное уединение монаха все это казалось пыткой. Спор о границах он считал неважным (и оказался прав, поскольку вскоре Анфим и Василий помирились), поэтому очень быстро сбежал из Сасим домой и продолжал заниматься управлением Назианзской епископией вместе со своим отцом, а после его смерти перебрался в Селевкию.

Григорий в Константинополе

Рассорившийся с Василием незадолго до его смерти и сам тяжело больной, Григорий находился в Селевкии, когда группа мелетианских епископов призвала его в Константинополь — на борьбу с еретиками. Несмотря на свою созерца-

тельность, Григорий не мог не ответить на такой призыв; он приехал в столицу и начал проповедовать в частном доме. Его блистательные выступления быстро снискали успех и стали собирать множество людей. Это вызвало недовольство ариан, которые не раз пытались сорвать его проповеди и даже подсылали к нему наемных убийц.

В это время в Константинополь прибыл философ-киник Максим, он же Ирон, выдававший себя за ревностного христианина и подвижника. Григорий принял его с большим почетом и даже произнес о нем похвальное слово. Но как-то ночью, во время болезни Григория, в Константинополе тайно появились епископы, присланные из Александрии епископом Петром, преемником Афанасия. Петр состоял с Григорием в дружеской переписке и на словах признавал его константинопольским епископом, но при этом вел интригу, желая поставить на его место своего человека. Очевидно, у него был заключен договор с Максимом, сомнительным христианином и человеком авантюрной складки: тот должен был втереться в доверие к Григорию, выяснить обстановку, а затем поставить его перед фактом своего избрания на константинопольскую кафедру. Выполняя этот план, прибывшие из Александрии епископы попытались рукоположить Максима в церкви. Хиротония еще не была закончена, когда в храм ворвалась возмущенная паства; Максим и епископы сбежали и закончили обряд в доме какого-то флейтиста. Оскорбленный Григорий обрушился на обманщика с гневными обличениями. Он писал, что из Максима не вышло ни епископа, не философа, ни «стриженой собаки» («собаками» по-гречески называли киников). Максим носил длинные волосы, как следовало философу, но не христианину и тем более священнику; таким образом, он мог стать стриженным киником, то есть чем-то средним между епископом и философом.

Потерпев неудачу, Максим уехал в Александрию и потребовал от Петра, чтобы тот выполнил уговор и отдал ему какую-нибудь епископскую кафедру, а если свободной нет, то и свою собственную. Ничего не добившись, он отправился интриговать в Рим к папе Дамасу. Однако Дамас не только не признал его константинопольского епископства, но и усомнился в христианстве Максима, назвав его «косматым» (коматус).

Тем временем ветер светской власти подул в другую сторону, благоприятную для никейцев. Император Валент погиб в битве при Адрианополе, где готы наголову разили армию византийцев. Византия оказалась оккупирована варварами и почти перестала существовать как государство. Западный император Грациан решил восстановить восточную империю и отправил туда своего полководца Феодосия, дав ему титул августа. Феодосий, испанец по происхождению и православный по вере, со всей решительностью солдата и государственного мужа встал на сторону никейцев. Он издал специальный декрет, в котором все христианские течения, кроме принятого Римом, объявил вне закона. «Желаем, чтобы все народы, какими правит власть нашей милости, следовали той религии, которую божественный апостол Петр передал римлянам... Христианам, повинующимся этому закону, повелеваем прилагать к себе имя кафоликов. Прочих же дерзких и безумствующих присуждаем нести бесчестие еретического учения... И они сами будут подвергнуты наказаниям не только по божественному осуждению, но и по нашему повелению».

Феодосий потребовал от константинопольского епископа арианина Димофила признать Никейский символ либо оставить кафедру. Димофил ответил, что власть императора распространяется только на здания, а не на веру, и покинул церковь, перенеся свои богослужения за черту города. После этого Феодосий во главе отряда военных ввел Григория Богослова в храм Св. Анастасия и тем самым сделал его константинопольским патриархом. Вот как описал это событие сам Григорий: «Храм окружен был воинами, которые в вооружении и в большом числе стояли рядами. Туда же, как морской песок и туча, стремился, непрестанно увеличиваясь, весь народ с гневом и стоном на меня, с мольбами обращаясь к императору. Улицы, ристалища, площади, даже дома с двумя и тремя этажами наполнены были снизу доверху зрителями — мужчинами, детьми и старцами. Везде суета, рыдания, слезы, вопли — точное подобие города, взятого приступом... А я — доблестный воитель и воевода, едва переводя дыхание, шел среди войск». Стояла осень, погода была пасмурная, но, когда Григорий вошел в церковь, в облаках ярко вспыхнуло солнце. Смущенный Григорий от волнения потерял голос и едва смог провести службу.

Таким образом власть перешла на сторону никейцев. Однако положение Григория оставалось двусмысленным. По неизвестным причинам (и это один из тех необъяснимых сбоев в логике событий, которые делают таким трудным написание истории и таким легким — исторических романов) взгляды Рима на Максима-киника полностью переменялись. На римском соборе Максима признали законным константинопольским епископом, извинив его странное рукоположение за пределами церкви трудными обстоятельствами и происками ариан. Григорий потребовал, чтобы вопрос о его епископстве был решен церковью. Параллельно с этим возник вопрос об антиохийской кафедре, и Феодосий решил собрать собор, получивший статус Второго Вселенского (июнь 381 года).

Второй Вселенский собор

На самом деле собор касался только восточной империи и не был задуман как вселенский. Римского папу Дамаса о нем даже не уведомили. Сам Феодосий, инициатор этого собора, рассматривал его как чисто практический, поскольку любые дискуссии о вере были запрещены его указом. По подсчетам историков, на нем было около 150 епископов.

На открытие собора император явился лично. Он обнял и расцеловал антиохийского патриарха Мелетия, воскликнув, что уже виделся с ним во сне. Еще в Сирии, когда Феодосий был просто полководцем, ему приснилось, что он станет императором, а коронует его именно Мелетий.

Вопрос о константинопольской кафедре решился быстро и легко: мошенничество Максима-киника было слишком очевидно. Собор постановил, что Максим «не был епископом и не есть епископ». Григория Богослова оставили патриархом.

Второй вопрос, поднимавшийся на соборе, касался союза мелетиан и евстафиан-павлиниан. Мнения историков на этот счет расходятся. Одни говорят, что Павлин, представитель партии евстафиан, и Мелетий, возглавлявший мелетиан, договорились, что антиохийская кафедра достанется тому, кто переживет другого, и противная сторона уже не будет оспаривать его право. Другие считают, что представитель императора передал все права Мелетию, потому что тот в бо-

гословском споре победил Павлина. В любом случае после смерти Мелетия общее мнение церкви было таково, что кафедра должна быть за мелетианами, и Григорию Богослову, как константинопольскому патриарху, оставалось только утвердить это положение. Но Григорий, не то по излишней мягкости и деликатности, не то желая проявить пастырскую мудрость, предложил во имя любви и мира признать антиохийским епископом оставшегося в живых Павлина. Этим он сразу настроил против себя большинство восточных отцов, которым не нравилось высокомерие Запада, настаивавшего на кандидатуре Павлина. Западные богословы действительно относились к восточным очень пренебрежительно: блаженный Иероним, например, считал, что на всем Востоке есть только два православных человека — Павлин Антиохийский и Епифаний Кирский (но не Василий Великий или Григорий Богослов). Восточные в ответ возмущались: «Как? Подчиниться Западу? Разве не с Востока восходит солнце? Разве не здесь началось христианство? Разве Сын Божий воплотился, учил, страдал и воскрес на Западе, а не на Востоке?» На что Григорий как-то мрачно заметил: «Но на Востоке же и убили Христа».

Против Григория имелся и формальный повод: он по-прежнему числился епископом Сасим и поэтому не мог занимать вторую епископскую кафедру. Григорий немедленно отказался от патриаршества, попрощался с паствой и удалился в родной Назианз, чтобы предаться созерцанию и написанию своих трудов. «Я не радовался, когда восходил на престол, и теперь схожу с него добровольно», — заявил он в прощальной речи. Был составлен список новых кандидатур на константинопольскую кафедру. В самом конце стояло имя Нектария, не только не занимавшего никаких церковных должностей, но еще даже не крещенного, а только оглашенного. Однако император Феодосий выбрал именно его, и епископам на соборе оставалось только согласиться. Говорили, что Нектария рекомендовал императору влиятельный епископ Диодор Тарский, на которого тот произвел сильное впечатление своей благолепной наружностью. Антиохийским епископом был избран последователь Мелетия Флавиан.

Второй собор постановил анафемствовать все ереси, отличавшиеся от никейской веры: евномиев и аномеев, ариан (ев-

докиан), полуариан или духоборцев, савеллиан-маркеллиан и аполлинаристов, объединившихся с фотианами. Духоборцев специально вызвали на собор во главе с авторитетным пастырем Элевсием Кизикским. Им предложили принять никейскую веру, но Элевсий твердо заявил, что скорей станет арианином, чем согласится с термином «единосущный», и покинул собор.

Считается, что на соборе был также принят Никео-Цареградский символ, который до сих пор почти без изменений является исповеданием христианской веры в православной и католической церквях. Акты собора не сохранились, поэтому трудно сказать, был ли действительно этот символ принят в Константинополе, а также кем, как и когда он был составлен. По крайней мере, в V веке на Халкидонском соборе он появился уже как константинопольский символ, и со временем это мнение укрепились в Церкви.

Император утвердил постановления собора и поименно перечислил самых «благонадежных» епископов, заключив: «Всех, кто не вступит в общение с названными епископами, как явных еретиков изгонять из церквей».

Западные отцы остались крайне недовольны Константинопольским собором. Западный собор под председательством Амвросия Медиоланского осудил его участников за то, что они не признали Максима-киника константинопольским патриархом и не сделали антиохийским епископом Павлина вопреки мнению Запада. Итальянские отцы потребовали созыва нового вселенского собора в Риме. Но политическая ситуация изменилась: теперь Запад был слаб и едва стоял под ударами варваров, а восточный император обладал реальной властью и претендовал на объединение всей Римской империи в своих руках. Он ответил итальянцам так жестко и сурово, что тем пришлось оправдываться, что они не имели намерения оскорбить восточных отцов или подчинить их своей власти. Собор в Риме все же состоялся: на нем западные отцы отреклись от Максима в пользу Нектария, но продолжали настаивать на Павлине. Павлин был признан единственным законным епископом Антиохии. После смерти Павлина симпатии Запада перешли к его преемнику Евагрию. Мелетинского епископа Флавиана Запад не признавал еще в течение шестнадцати лет, пока Иоанн Златоуст и Феофил Александрийский не уговорили римского папу вступить в общение

с Флавианом. В 415 году раскол между мелетианами и павлинианами был наконец полностью преодолен: две партии слились в одну.

Снова смуты

После собора в Церкви, как обычно, продолжались разногласия, которые император Феодосий попытался погасить уговорами и убеждениями. Он устроил совместное совещание православных и еретиков. План был такой: положить на престол древние и авторитетные тексты церковных писателей и задать каждому участнику вопрос: уважают они эти книги или нет? Если еретики откажут им в уважении, то сразу себя разоблачат и восстаноят против себя народ; а если согласятся — им придется признать изложенное в них учение. Но план не удался. Участники совещания стали спорить, подлинны ли эти тексты, достаточно ли они авторитетны, как правильно толковать то, что в них написано, и т. д.

Тогда от убеждений Феодосий перешел к силе. Он издал декрет, в котором объявил настоящими христианами только православных. Все остальные считались еретиками и изгонялись из своих церквей. Начались гонения. Еретиков лишали сана, ссылали, отнимали у них право наследовать и завещать имущество; здания, где собирались еретические общины, конфисковали в пользу государства. Православные одобряли и поощряли эти преследования. Григорий Богослов был даже недоволен недостаточной жесткостью правительства и жаловался префекту Каппадокии, что разжалованные епископы смеют рукополагать других: это надо пресечь. Он же писал Нектарию, что аполлинаристов следует лишить права собраний: «Дать им право иметь собрания значит не что иное, как признать, что их учение истиннее нашего».

В империи хватало еретиков и помимо ариан. Одним из самых ярких был Маркелл Анкирский — богослов, испугавшийся в никействе арианства и поэтому бросившийся в противоположную сторону, к савеллианству. Подобно Лютеру, он не признавал никаких авторитетов и опирался только на личное толкование Св. Писания. В Писании сказано, что Бог Сын есть Слово; Маркелл попытался понять, что значит — «Бог есть Слово?», — и пришел к выводу, что у Бога, как и у чело-

века, слово есть проявление разума и энергии. Иными словами, Слово — не самостоятельное лицо, а проявление Бога Отца. Маркелл считал, что Слово воплотилось только для того, чтобы спасти мир, и когда эта задача будет выполнена, Сын лишится Своей плоти.

У Маркелла был ученик Фотин, вначале его диакон, а потом преемник на епископской кафедре в Анкире. Фотин удостоился личного письма от императора Юлиана Отступника, который похвалил его за то, что он не хочет допустить, будто Бог мог вместиться во чрево женщины. По мнению Фотина, самое понятие рождения неприменимо к Богу, поскольку всякое рождение есть разделение. Логос (Слово) — не сущность и не Сын, а качество Отца. Логос не имеет никакого отношения к Иисусу, который был простым человеком, освященным за свои заслуги Св. Духом. За это мнение фотиане получили презрительное прозвище «человечники». И Маркелл, и Фотин искренно верили в истинность своего учения. Они подавали прошения императору и настойчиво просили, чтобы он их выслушал или прочитал их книги, не сомневаясь, что истина, основанная на строгой логике, самоочевидна и обязательно будет признана.

Ересь другого схизматика, Евстафия Севастийского, представляла собой очередную вспышку аскетизма. Как когда-то монتانсты, Евстафий обвинил Церковь в обмирщении и потребовал от всех христиан суровой аскезы. Он основал особую секту, члены которой отрицали брак и не общались с женатыми, не ели мяса, постились даже по воскресеньям, требовали от богатых раздачи всего имущества. Они осуждали рабство и считали, что женщины по виду не должны отличаться от мужчин. Женщины у них коротко стриглись и ходили в мужской одежде.

В результате гонений со стороны Церкви и государства у еретиков появлялись свои исповедники и мученики. Но церковная история не сохранила ни их имен, ни обстоятельств их смерти, ни описаний их подвигов.

Феофил против монахов

После смерти Феодосия Великого дела в империи шли неважно. На Востоке правил его старший сын Аркадий, которому едва исполнилось восемнадцать лет. Запад достал-

ся младшему сыну, одиннадцатилетнему Гонорию. Оба сына проявили себя как ничтожные и безвольные правители, почти не участвовавшие в управлении государством. «Вялость его души, — писал современник об Аркадии, — звучала даже в его речи и характере глаз, которые сонливо и болезненно шурились». При слабом правителе шли бесконечные интриги и борьба за власть. Опекун Аркадия по имени Руфин враждовал с евнухом Евтропием, удачливым полководцем и влиятельным политиком, стремившимся единолично властвовать в Константинополе. Евтропий расстроил планы Руфина женить Аркадия на своей дочери и вместо нее сосватал императору красавицу Евдоксию из франкского клана, враждебно-го Руфину. Руфин был безжалостно убит солдатами прямо на глазах Аркадия. Позже Евтропию удалось разгромить полчища гуннов, угрожавших империи, и на какое-то время стать фактическим диктатором, управлявшим страной от имени ба-силевса.

В Церкви тем временем назревала очередная смута. На александрийскую кафедру взошел епископ Феофил, племянник и наследник Петра Александрийского. Это был властный, вспыльчивый и честолюбивый человек, не допускавший никакого проявления инакомыслия. Свое правление он начал тем, что разрушил в городе все языческие храмы, оставив всего одну статую — в назидание потомству. После этого в Александрии начались сильные волнения, во время которых христиане и язычники устраивали на улицах целые побоища. В эти дни был уничтожен знаменитый Серапеум, роскошный храм, хранивший часть Александрийской библиотеки: язычники забаррикадировались в нем, захватив в заложники десятки христиан, и перебили их всех, принеся в жертву Серапису. Вызванное на помощь подкрепление из солдат и монахов полностью уничтожило здание, сровняв его с землей.

В Нитрийской пустыни в это время славились своими аскетическими подвигами четыре монаха: братья Диоскор, Евсевий, Евфимий и Аммоний, все, как на подбор, отличавшиеся высоким ростом и за это прозванные «длинными». Монахи состояли во вражде с Феофилом, потому что тот все время пытался поставить их в епископы и пресвитеры, а они решительно отказывались, считая это помехой для общения с Богом. В конце концов раздраженный Феофил взялся за дело всерьез. Он потребовал изгнания «длинных» монахов из пу-

стыни. Когда Аммоний явился в Александрию узнать причину, Феофил начал его душить и избивать, требуя анафемствовать Оригена. Имя Оригена в то время было камнем преткновения для многих богословов и являлось предметом жарких споров. Большая часть египетского монашества поддерживала оригенизм и вступала в противоречие с основной церковной линией. Вскоре Феофил созвал Александрийский собор (400 год), на котором был поставлен вопрос об Оригене.

Здесь впервые официально решалась судьба этого великого мыслителя и его репутация в Церкви. Яркая незаурядная личность Оригена, его заслуги перед христианством, личная святость и смелое богословие вызывали любовь и уважение у многих епископов, но отрицать еретичество некоторых его высказываний было трудно. Пытаясь спасти имя Оригена, его сторонники говорили, что нельзя осуждать из-за отдельных неправильных суждений человека, создавшего много замечательных творений и трудов. Но Ориген был все-таки осужден, а вместе с ним — и обожавшие его египетские монахи. Для выполнения постановлений собора Феофил обратился к светским властям, а затем лично устроил карательный поход против монахов-пустынников. Ночью при свете факелов Феофил во главе толпы александрийских клириков, представителей власти и уличных громил отправился в Нитрийскую пустыню. Здесь к нему присоединились монахи-антропоморфисты, давние противники монахов-оригенистов (антропоморфисты представляли Бога в человеческом облике, а оригенисты стояли за отвлеченное и аллегорическое толкование Библии). На Диоскора и его соратников, почтительно встречавших Феофила, обрушились дубинки. Избитый Диоскор сначала попытался укрыться в церкви, потом спрятался вместе с братьями в высохшем колодце. Кельи «длинных» братьев были разорены, а их «вредные» книги уничтожены. После ночного погрома около 300 монахов сбежали в Палестину.

Потрясенные случившимся, монахи во главе с «длинными» братьями отправились искать правды в Константинополь. Прибыв в столицу, они обратились с жалобой к патриарху Иоанну Златоусту, который рассмотрел их дело. Иоанн решил действовать дипломатично и обратился к находившимся в столице александрийским епископам, которые мудро рассудили, что монахи ни в чем не виноваты, но раздра-

жать Феофила не стоит, так что лучше Иоанну не принимать их в общение. Иоанн так и сделал, но предоставил им убежище и написал примирительное письмо Феофилу.

Однако Феофила сам факт вмешательства константинопольского епископа вывел из себя. Он увидел в этом покушение на свою власть и резко ответил, что Златоуст принимает у себя еретиков и посягает на его епархию. Тем временем монахи обратились с прошением к императору, и тот, взявшись разбирать дела александрийцев, обнаружил такие злоупотребления и скандалы, что многие из людей Феофила были отданы под суд и умерли в тюрьме. Самого Феофила вызвали в Константинополь для разбирательства. Здесь и состоялся знаменитый «собор под Дубом», на котором, как ни странно, вместо Феофила обвиняемым оказался Златоуст.

Златоуст

Пресвитер Иоанн, прозванный за свое красноречие Златоустом, родился в зажиточной семье и благодаря деньгам родителей получил хорошее образование: он учился у все того же Ливания, лучшего языческого ритора своего времени. Говорили, Ливаний был так восхищен способностями Златоуста, что предлагал ему стать своим преемником, но Иоанн отказался и ушел в пустыню, где провел несколько лет, практикуя христианскую аскезу. Вернувшись в Антиохию, Златоуст стал пресвитером и прославился как блестящий оратор. Когда в городе вспыхнул бунт из-за непомерных налогов, Иоанн сумел усмирить восстание всего несколькими проповедями.

В Константинополь его пригласили именно за красноречие, в качестве проповедника и красивой декорации к церковно-придворной жизни. Вместо этого на константинопольскую кафедру встал суровый и бескомпромиссный поборник строгой справедливости и резкий обличитель нравов. Иоанн был идеальным христианином и от других требовал того же. Замкнутый, недужный, с детства предававшийся суровым аскетическим подвигам, которые пошатнули его здоровье и расстроили желудок (во время епископства он мог есть только рисовый суп, запивая его теплым вином), и в то же время властный, не взиравший на лица, никого не слушавший и всегда стоявший на своем, Златоуст быстро восстановил

против себя всех. Светские власти были недовольны тем, что он почти открыто обличал их в проповедях, не останавливаясь даже перед критикой самой царицы. Он упрекал Евдоксию за суетность, за роскошь, за торжества, которые она устроила в честь воздвижения собственной статуи прямо напротив храма Святой Софии. В своих проповедях он обыгрывал созвучие греческих слов «евдоксия» и «адоксия» — «благовославие» и «злославие» — и сравнивал императрицу с пляшущей и беснующейся Иродиадой, которая требует голову Иоанна Крестителя.

Широкие массы недолюбливали Златоуста за то, что он не устраивал званые обеды, а всегда ел один, запершись в своих покоях; приезжие епископы — что он не устраивал им щедрых встреч; простые клирики — что не потакал их слабостям и не заступался за них перед светской властью, как делали другие епископы; вдовы — что их обвиняли в распущенности, богачи — в жадности. «Знаете действительную причину, почему хотят погубить меня? — говорил Златоуст в одной из своих проповедей. — Потому что я не распорядился расстелить перед собой богатых и дорогих ковров, не хотел одеваться в одежды, шитые золотом и шелком, не любил потакать чувственности этих людей».

Ревнителей церковных традиций раздражало, что Златоуст слишком вольно вел себя в церкви, разоблачался, сидя на горнем месте, ел во время службы какую-то пастилу, менял литургическую практику, распорядился как хотел церковными деньгами (например, на украшения церкви пожертвовали мрамор, а патриарх его продал, чтобы помочь бедным) и рукополагал своих любимцев. В нем видели гордеца, человека заносчивого, надменного, сторонившегося людей. Однажды он даже приказал выгнать всех из бани, чтобы помыться там одному. Недовольство разрасталось как снежный ком, обвинений становилось все больше. Появились какие-то вдовы, Марса, Кастриция и Евграфия, агитировавшие против Златоуста за то, что он осуждал их привычку молодиться и завивать кудри. Провинциальные епископы жаловались, что он лишил их сана (который они купили за деньги, чтобы избавиться от долгов). Севириан Гавальский обиделся на Златоуста из-за его друга и помощника архидиакона Серапиона, человека еще более принципиального и нетерпимого, чем сам Иоанн, который однажды не встал в присутствии Севириана,

оправдываясь тем, что он его просто не заметил. Подозрительной казалась связь Златоуста с Олимпиадой, женщиной богатой и настолько щедрой, что она раздавала подарки направо и налево, не разбирая, кто действительно нуждался, а кто просто пользовался ее добротой.

Как судили Златоуста

Златоуст как-то сказал: «Никого я не боюсь так, как епископов». Интриги внутри Церкви были не менее изощренными, чем при императорском дворе, и велись столь же неразборчивыми средствами. Вызванный на суд Феофил задумал натравить на Златоуста влиятельного старца Епифания, епископа Кипрского, ярого врага оригенизма. Феофил написал ему, что Иоанн проповедует в Константинополе оригенизм. Епифаний приехал в Константинополь, заранее предубежденный против Златоуста, отказался от общения с ним и потребовал, чтобы тот публично отрекся от оригенизма и осудил «длинных» братьев. Златоуст счел эти условия излишними. Епифаний уже хотел явиться в главный константинопольский храм Св. Апостолов, чтобы прилюдно осудить Оригена, а заодно, возможно, и Златоуста, но вовремя спохватился, что производит в Церкви смуту, которая не будет полезна никому. Епифаний оставил Константинополь, сказав на прощание: «Оставляю вам столицу, двор и лицемерие».

Есть легенда, что перед отъездом Епифания Кипрского из Константинополя между ним и Златоустом состоялась прощальная беседа. Напоследок Епифаний якобы бросил Златоусту: «Надеюсь, ты не умрешь епископом», — на что тот ответил: «Надеюсь, ты не доберешься до дома». Пожелания обоих сбылись: Златоуст лишился сана, а Епифаний умер на корабле по пути домой.

Феофил прибыл в Константинополь не как обвиняемый, а как судья. Жившие в столице александрийцы устроили ему торжественный прием, а власти, ненавидевшие Златоуста, разместили Феофила в одном из царских дворцов. В то время на Востоке существовал особый вид подарка, называемый «благословение» («евлогия»). Это был подарок от епископа, сопровождаемый его благословением, из-за чего благословение переходило как бы и на сам подарок. Лицо, которому вру-

чалась евлогия, не могло отказаться от подарка, потому что это было благословение епископа; в то же время епископ не мог отказать в благословении, а значит, и в подарке тем, кто его просил. Таким образом, евлогии часто были скрытой формой взяточничества или, наоборот, вымогательства. Феофил раздал в Константинополе множество таких «благословений», разумеется, только нужным людям. Кроме того, он устраивал пышные обеды, чтобы привлечь на свою сторону толпу.

Через некоторое время Феофил собрал собор из 36 египетских епископов и направил Златоусту требование явиться и оправдаться от выдвигаемых против него обвинений: «Приходи на собор и захвати с собой Серапиона и Севириана». Собор Феофила проходил в предместье Халкидона, называвшемся Вилла Руфиниана, или вилла «Под дубом». Златоуст тем временем заседал со своим собором в Константинополе, на котором было 40 епископов, в том числе 3 митрополита. Иоанн ответил, что готов прийти на собор в Руфиниану, если оттуда будут удалены его явные враги и противники, заранее считающие его виновным, в том числе сам Феофил и Акакий Верийский, открыто обещавший «заварить ему кашу». Эти условия были отвергнуты, и собор Феофила начал судить Златоуста в его отсутствие.

Главным обвинителем на соборе выступил диакон Иоанн, которого Златоуст лишил сана за убийство. Диакон зачитал список из 29 пунктов, перечислив все прегрешения опального епископа против Церкви: избиение монахов, распродажа церковного имущества, избрание на церковные должности недостойных лиц (в пример приводился епископ Антонин, который якобы «ограбил гробницу»). На Златоуста снова навесили ярлык еретика и оригениста, припомнили ему все уничижительные слова, которые он говорил о духовенстве («бесчестные», «распутные», «ничтожные»), и заодно приписали ему заговор против Севириана. Его обвинили даже в том, что он принимал женщин при закрытых дверях. «Говорят, что я возлежал с женщиной, — жаловался потом Златоуст, — но обнажите мое тело, и найдете, что тело, влачимое мной, не более как труп». После двенадцати заседаний собора патриарх был признан виновным по всем пунктам и лишен сана. Император утвердил приговор и отправил Златоуста в ссылку.

Вскоре после этого в столице произошло землетрясение, и напуганный император поспешил вернуть Иоанна обрат-

но. В честь его возвращения в городе устроили пышную иллюминацию, но Златоуст отказался вернуться в Константинополь, пока собор не признает его невиновным. Тогда народ буквально на руках внес его в храм Св. Апостолов, где Иоанн произнес одну из своих лучших речей. После этого толпа решила идти топить в Босфоре Феофила, и ему пришлось бежать из города.

Справедливость восторжествовала, но через несколько месяцев все началось сначала. Император сослал Златоуста по определению собора, значит, он не имел права возвращать его сам, а только по решению другого собора. В Константинополе снова собрался собор и осудил Иоанна уже за то, что тот незаконно вернулся на епископскую кафедру. Император приказал Златоусту удалиться из церкви, но тот ответил, что не может оставить храм, вверенный ему Богом, и подчинится только насилию. В субботу в девятом часу дня в храм ворвались фракийские солдаты и начали избивать прихожан. Иоанн был изгнан из церкви, вместе с ним ушла и его паства. За неимением храма прихожане стали собираться в банях, но их выгнали и оттуда; тогда они сбежали в предместье Константинополя. Наконец, Златоусту приказали отправиться в изгнание. Перед уходом он попросил свою паству не разжигать смуту в Церкви и признать законность его преемника. Вдогонку торжествующий Феофил написал против Златоуста сочинение, где называл его нехристом и Валтасаром. Блаженный Иероним, видевший в Златоусте разоблаченного оригениста, выразился о нем еще красноречивей: «Нечестивый, разбойник, святотатец, Иуда и сатана, которого достаточно не может наказать даже ад».

Иоанн направился в ссылку сначала в город Кукуз в Армении, а потом еще дальше, в город Питиунт, расположенный в Северном Причерноморье. По дороге, боясь гнева властей, никто из местных епископов не смел навестить опального патриарха или хотя бы облегчить его страдания из-за желудочных болей. Измученный продолжительным путешествием и степной жарой, Иоанн остановился отдохнуть в храме Св. Василиска возле города Коман, где ему в видении явился некий отрок и сообщил, что он скоро умрет. Солдаты пытались вести его дальше, но, увидев, что он в самом деле при смерти, вернулись в храм, где он и скончался 14 сентября 407 года.

Через несколько лет Златоуст, без всяких постановлений и соборов, был реабилитирован сначала в Антиохийской, а потом и в Константинопольской церкви. Его мощи были привезены в Константинополь, а император Феодосий Второй, сын Аркадия и Евдоксии, во время похоронной церемонии склонился над гробом, прося прощения за грех своих родителей.

Глава вторая. Несторианский раскол

Аполлинарий

Если в арианских спорах Церковь решала, как Иисус относится к Богу, то в последовавших за ними христологических — как Он относится к человеку. Сейчас, когда уже все решено и превращено в догмат, трудно представить, каким захватывающе сложным и животрепещущим был этот вопрос для тогдашних христиан. Как Бог, творец мира и человека, мог соединиться с собственным творением и стать с ним одним целым, то есть Богочеловеком? Сама эта возможность кажется немыслимой и невероятной, а уж понять механизм такого соединения, следуя «научному подходу» и законам строгой логики, — задача и вовсе непосильная. Поэтому можно понять восторг, охвативший многих христиан, когда выдающийся писатель и мыслитель Аполлинарий ясно и четко сформулировал решение этой проблемы. «О новая вера! — восхищенно восклицали его ученики. — Только один отец наш Аполлинарий первый объяснил сокровенное таинство воплощения».

Аполлинарий Младший, епископ Лаодикии Сирской, действительно имел большой авторитет в Церкви. Ученый муж и изощренный богослов, он пользовался уважением таких столпов Церкви, как Афанасий Великий и Василий Великий. Аполлинарий твердо заявил, что в каждом существе есть только одна личность, а не две, стало быть, и разум — или логос, как выражались философы, — у нее только один, а не два. Соединить в одном субъекте два разума, человеческий и божественный, так же невозможно, как втиснуть в него два тела сразу. В результате получилось бы что-то непонятное: не человек и не Бог, а какое-то параллельное и не-

нужное сосуществование обоих, гибрид или химера наподобие кентавра. К тому же тогда выходило бы, что у Бога Отца два сына: Бог Сын и человек-сын: Троица превратилась бы в четверицу.

Было у Аполлинария и более тонкое возражение, бывшее православных на их любимом поле — сотериологии. Для спасения человека нужно, чтобы пострадал Бог, потому только Он мог победить грех и смерть. Но если человек во Христе был представлен «полным комплектом»: тело, душа, разум, — то на крест взошел и умер только человек как отдельная и полностью самостоятельная личность, а Бог всего лишь присутствовал в нем и рядом с ним. Значит, не было искупительной жертвы Сына Божьего и никакого спасения не произошло.

Из всего этого Аполлинарий делал простой вывод: в Бого-человеке человеческий разум заменен божественным. От человека в Нем только тело и душа, управляемые божественным умом. Поэтому Иисус безгрешен — ведь грех идет от ума; поэтому Он неразрывно слит с человеком и Сам, как Бог и вторая ипостась Господа, подвергается распятию и смерти, тем самым спасая человечество. «Бог и плоть составили одну природу», — говорил Аполлинарий. Здесь впервые звучит это сочетание слов — «моно физис», одна природа, — которое позже составило основу ереси монофизитства.

Православные не приняли учение Аполлинария. Причина была одна: человек во Христе должен быть полным. Нельзя спасти человеческую природу только по плоти или по душе: спасена может быть только вся личность человека. «Невоспринятое Богочеловеком и не спасено», — писал Афанасий Великий. Если во Христе не было человеческого разума, значит, и человек не спасен. В этом пункте вся стройная теория Аполлинария рушилась до основания.

Ересь Аполлинария, человека известного и уважаемого, долго терпели, но, когда его сторонники стали активно пропагандировать это учение, аполлинаризм был осужден на Втором Вселенском соборе. Приверженцы Аполлинария отомстили неожиданным «асимметричным» способом — с помощью подлога. Труды своего учителя они подписали именами авторитетных церковных личностей, вроде Григория Чудотворца, Афанасия, папы Юлия и т. д. Сделано это было так ловко, что в течение трех столетий подделку принимали за чистую монету. Получалось, что аполлинаризм — это древнее, уважа-

мое учение, исповедуемое столпами Церкви. Впоследствии это сильно осложнило борьбу с монофизитством.

Но до схватки с этой опасной ересью — может быть, самой опасной за всю церковную историю — еще предстояла борьба на антиохийском фронте. И главным врагом здесь стало несторианство.

Читайте в приложении: Александрийцы и антиохийцы: борьба продолжается

Несторий и Кирилл

Несторий был потомком персов, переселившихся в Сирию. Невысокий, рыжеватый, с приятным лицом и большими глазами, он имел красивый голос и считался замечательным оратором. Несторий славился строгой монашеской жизнью и проявлял огромное рвение в защите интересов Церкви, что впоследствии создало ему проблемы при дворе.

Константинопольским патриархом Несторий стал по тем же причинам, что и Златоуст: он был красноречив и жил в Антиохии. Первое делало его привлекательным для избалованной столичной паствы; второе ставило вне противоборствующих церковных партий в самом Константинополе, каждая из которых старалась продвинуть в патриархи свою кандидатуру, истощая этим и силы Церкви, и терпение императора. Феодосий Второй услышал о популярном игумене монастыря Святого Евпрепия, где подвизался Несторий, и пригласил его на столичную кафедру, так же как его отец Аркадий в свое время пригласил Златоуста.

Прибыв в столицу, Несторий с огромной энергией приступил к своим обязанностям. Он считал своей особой миссией борьбу с еретиками, не подозревая, что скоро сам попадет в их число. «Дай мне землю, очищенную от еретиков, и я дам тебе небо, — заявил он императору. — Разгрома со мной еретиков, и я разгромлю с тобой персов». Первым делом он закрыл действовавшую в городе арианскую церковь для гвардейцев-готов, что привело их в бешенство и вызвало поджог, уничтоживший целый городской квартал. За этот Несторий получил прозвище «поджигатель» — кличка, ставшая пророческой. Затем он объявил вне закона все секты, которые раньше счита-

лись терпимыми, и закрыл их храмы. Гонениям подверглись даже новациане и четырнадцатники, практически ничем не отличавшиеся от православных. Все предыдущие патриархи относились к ним терпимо и видели в них своих союзников против более злостных еретиков.

Наконец, он озаботился столичной моралью и повелел запретить все театральные и музыкальные представления, а также пение, танцы и состязания атлетов. Всего этого было уже достаточно, чтобы раздражить и настроить против него церковные верхи и двор. Как раз в это время по столице пошел слух, что Несторий ко всему прочему — еще и еретик. Бывшие кандидаты на патриаршество Филипп и Прокл прямо обвинили его в ереси Павла Самосатского (еще одного антиохийца), и над Несторием нависла угроза отлучения.

За всеми действиями Нестория из Александрии внимательно следил новый патриарх Кирилл. У александрийцев уже был недавний опыт борьбы с антиохийским представителем на столичной кафедре — Иоанном Златоустом. Кирилл стал преемником своего дяди Феофила, инициатора суда над Златоустом, и с не меньшим рвением продолжал его политику.

Кирилл наотрез отказывался восстановить доброе имя Златоуста, считая его справедливо осужденным Феофилом. «Зачислить низложенного Иоанна в епископы — это все равно что Иуду поместить среди апостолов». Оправдать Златоуста означало признать ошибку Феофила и нанести ущерб авторитету Александрийской церкви. Однако упорство Кирилла вело к разрыву с Римом, который полностью поддерживал Златоуста. В конце концов большая выгода перевесила меньшую, и Кирилл все-таки вписал имя Златоуста в диптихи.

Несторий не подозревал, какой грозный противник ждет его в лице Кирилла. Кирилл был умелый богослов, мастер слова и в не меньшей степени — мастер интриги. Борьба, споры, нападения были его стихией, и он ждал только повода, чтобы наброситься на Нестория и сокрушить его, как Феофил сокрушил Златоуста. По характеру Кирилл был так же порывист и горяч, как его дядя. Властный и энергичный характер патриарха проявлялся даже в его внешности: современники пишут о ярком запоминающемся лице с кустистыми широкими бровями во весь лоб, мощным ртом и узкими скулами, которые дополняли длинная борода и светлая курчавая шевелюра, слегка тронутая сединой. В своей епархии Кирилл подчас играл не

самую благовидную роль, опираясь на мрачную и темную силу монашества и направляя ее против всего, что мешало интересам церкви: язычников, евреев и даже государства, пытавшегося проявлять терпимость и защищавшего тех же евреев от христианских погромов. Никакого образования Кирилл толком не получил, зато обладал природным писательским даром и блестяще умел богословствовать в александрийском стиле, оперируя отвлеченными понятиями и строгой логикой.

Несторий, в отличие от Кирилла, не писал книг и не сочинял трактатов, ограничиваясь проповедями. Это был простодушный и наивный провинциал, скромный ученик крупного восточного авторитета Феодора Мопсуестского. Даже сторонники Нестория считали его не великим богословом, а типичным представителем антиохийской школы. Он думал и говорил именно то, что говорили все остальные антиохийцы, ничего не прибавляя от себя. Пока все это говорилось и делалось в рамках одной провинции и богословской школы, никто не обращал на него особого внимания. Другое дело, когда действие перенеслось в Константинополь. Разница была примерно такая же, как если бы кто-то вел крамольные разговоры у себя дома, а потом вышел бы с ними на площадь.

Дяди и племянники

В Александрийской церкви долгое время существовала необычная традиция: епископская кафедра передавалась по семейной линии, от дяди к племяннику (сыновей у безбрачных епископов быть не могло). Так, Афанасий Великий передал епископство своему племяннику Петру, тот — племяннику Феофилу, Феофил — своему племяннику Кириллу, а Кирилл — племяннику Диоскору. Цепочка эта прервалась только после осуждения и ссылки Диоскора.

Расстановка сил

И Кирилл, и Несторий искренно заботились о христианской истине и искренно обвиняли друг друга в отклонении от Никейского символа. Как же получилось, что Несторий остался в истории Церкви еретиком, а Кирилл — святым?

Несторий занимал константинопольскую кафедру, а Константинополь очень не любили в Александрии и Риме. Это де-

лало их естественными союзниками против города-высочки. Рим ревновал новую столицу империи и отказывался признавать ее возвышение. Были и территориальные разногласия из-за восточного Иллирика, который подчинялся светской власти из Константинополя и церковной — из Рима. Вдобавок ко всему Несторий неловко попытался заступиться за пелагиан, высланных из Италии, и тем самым поставил под сомнение авторитет римского папы, который занимал позицию верховного судьи. Письмо Нестория папе Целестин отверг на том основании, что константинопольский патриарх называл папу «братом», то есть равным себе, и писал на греческом, без перевода на латынь.

Кирилл не повторил этих ошибок. В своем послании к папе, обвинявшем Нестория в ереси, он назвал Целестина не братом, а «отцом отцов» и добавил к письму латинский перевод. Целестин, не очень хорошо разбиравшийся в богословии, поручил рассмотреть учение Нестория ученику Златоуста Иоанну Кассиану. Тот написал опровержение против Нестория в книге «О воплощении». Получив его, Целестин отлучил Нестория, а исполнителем своей воли назначил Кирилла. Несторий воспринял все это как интригу александрийцев, которые в свое время добились осуждения Ионна Златоуста. Он считал, что папа Целестин ничего не понимает в богословии и просто говорит со слов Кирилла.

Назревавший спор пытались замять. Антиохийский патриарх Иоанн попросил Нестория прекратить дискуссию и не выступать против слова «Богородица». Тот согласился ради мира в Церкви. Но Кирилл был не так сговорчив. Когда авторитетный епископ Акакий Верецкий (ему было 110 лет) написал Кириллу письмо с просьбой не выступать так жестко против Нестория, поскольку здесь речь идет не об ереси, а разнице в терминах, Кирилл не согласился. Он созвал в Александрии собор, утвердил на нем 12 анафематизмов, направленных против учения константинопольского патриарха, и потребовал от Нестория их подписать. Но послание Кирилла еще не дошло до Нестория, когда императором был созван новый вселенский собор в Эфесе (7 июня 431 года).

Читайте в приложении: Кирилл и Несторий

Третий Вселенский собор

Несторий отправился на него с радостью, не сомневаясь, что на соборе наконец установят истину и спор решится в его пользу. Ознакомившись с 12 анафематизмами Кирилла, все восточные отцы (то есть антиохийская школа) встали на сторону Нестория, обвинив Кирилла в возрождении ереси Аполлинария. Среди них были авторитетные Феодорит Кирский, Акакий Верийский, Андрей Самосатский и Иоанн Антиохийский. Однако все они не успели на собор вовремя. Дороги развезло дождями, и восточная делегация оказалась в Эфесе не 7, а 26 июня. Иоанн Антиохийский с дороги написал Кириллу письмо, прося подождать до их прибытия, но оговорился, что собор можно начинать, если они сильно задержатся. Кирилл так и сделал, открыв собор 22 июня. Нестория трижды призывали на собор, но он отказывался приходить, пока не приедут другие епископы. По церковным правилам лицо, трижды не ответившее на призыв собора, подлежало анафеме. Несторий об этом знал, но считал, что его приглашают не как обвиняемого, а просто как одного из епископов. Третье приглашение он вообще не получил, потому что стража не пустила посланников собора в его дом. В его отсутствие на соборе были зачитаны послание Кирилла и ответ Нестория; первое признали согласным с учением никейских отцов, второе — еретическим. Поздно вечером, когда уже стемнело, епископы вынесли приговор: «Устами св. собора Сам Господь Иисус Христос, Которого хулил Несторий, лишает его епископского и священнического достоинства». Жители Эфеса приветствовали это решение факельным шествием.

Прибыв наконец в Эфес, антиохийцы были поражены известием о случившемся. Они быстро собрали свой собор и лишили сана самого Кирилла и его сподвижников — за то, что они «низложили Нестория без суда и следствия». Все обратили взоры к императору.

Правивший тогда Феодосий Младший был не только слабохарактерным, но легко внушаемым человеком: он слушал того, с кем говорил в последний раз. Его непоследовательность еще больше запутывала дело. Феодосий вначале принял разумное решение, предложив отменить постановления Эфесского собора и рассмотреть все дело заново, уже в при-

сутствии Иоанна и антиохийцев. Но и эфесцы, и Иоанн стояли на своем и считали, что их постановления нельзя отменить. Между тем Эфес был окружен войсками, епископы не допускались к императору, а Феодосий находился в Константинополе и не имел представления о том, что происходит в Эфесе. Тогда отцы Эфесского собора во главе с Кириллом пошли на хитрость: они положили свой отчет в выдолбленную палку, которую Феодосию принес человек, переодетый нищим. Кроме того, они привлекли к делу известного отшельника Далмация, который жил затворником в монастыре в Константинополе; узнав о происходящем, он покинул свою келью, явился во главе торжественной процессии во дворец и рассказал императору обо всем, что случилось в Эфесе, — с точки зрения отцов собора.

Появление палки и Далмация поколебало решение императора о пересмотре соборных деяний. Скрепя сердце он признал Эфесский собор, но потребовал продолжения прений. Явившийся в Эфес уполномоченный императора Иоанн, чтобы утихомирить противников, взял под «почетную стражу», то есть фактически арестовал самых влиятельных эфесцев, включая Кирилла и Иоанна Антиохийского. После этого представитель властей потребовал, чтобы обе стороны письменно изложили свою веру. Эфесские отцы отказались: они не еретики, чтобы доказывать свое православие; истинная вера и так всем известна, в том числе самому императору, поскольку он крещен.

Была предпринята попытка устроить личную встречу двух сторон для устранения разногласий. Атмосфера была накалена настолько, что пришлось прибегнуть к помощи солдат. Представитель императора Иоанн описал это в своем отчете: «Чтобы не произошла вспышка драки, я втиснул отряды солдат между сближающимися группами той и другой партии. Из-за бешенства, которое не знаю откуда у них бралось... Те, что примыкали к Кириллу, говорили, что они никоим образом не хотят терпеть самого вида Нестория. Хотя я и видел, что боголюбвейшие епископы были неумолимо враждебны друг к другу, но я не знаю, отчего они дошли до такого ожесточения и омрачения». Встреча закончилась ничем.

В это время Несторий, который на протяжении всей смуты не принимал в ней никакого участия и сидел у себя дома, выразил желание удалиться на покой в монастырь. Его просьба

была удовлетворена, и он уехал из Эфеса. После этого Феодосий потребовал к себе по восемь представителей от каждой стороны, чтобы выяснить наконец, кто прав. Представители прибыли и изложили свои мнения, но император не мог принять никакого решения. Феодосий не был уверен, что Кирилл прав, а к Несторию питал личную неприязнь. Он не смог осудить ни восточных, ни Кирилла и просто распустил собор, попросив самих отцов позаботиться о мире в Церкви. В своем указе он с горечью написал: «Не я причина всего происшедшего зла. Кто его виновники, Бог знает».

Как только восточные отцы уехали в Антиохию, партия Кирилла добилась избрания на константинопольскую кафедру своего человека, Максимиана. Когда Феодосий обратился к нему с вопросом: как вернуть мир в церкви, — новый патриарх ответил: восточные отцы должны анафемствовать Нестория и принять постановления Эфесского собора. Феодосий с этим согласился. Так с точки зрения государства Несторий и антиохийцы стали еретиками, хотя на деле ситуация оставалась неясной. Эфесский собор не дал никаких богословских разъяснений несторианскому расколу, а просто осудил его главу. При этом и та, и другая сторона ссылались на Никейский символ веры, хотя толковали его по-своему. Выходило, что эфесцы победили не потому, что были правы, а потому, что на их сторону стал император.

Примирение

Как и следовало ожидать, колесо власти скоро повернулось в другую сторону. Антиохийцы не собирались отступать, а Феодосий был заинтересован в примирении Церкви. На Кирилла начали давить. Царедворцы прямо требовали от александрийцев взяток (под видом евлогий), угрожая перейти на сторону Нестория и снова сделать его патриархом. Платить приходилось так много, что Александрийская церковь, выставлявшая деньги на подкуп, оказалась на грани разорения.

Кириллу пришлось пойти на компромисс. Он наотрез отказался отречься от своих 12 анафематизмов против Нестория, как требовали антиохийцы (это означало бы осудить самого себя), но согласился считать их текст неясным и пообещал дать его дополнительное толкование. Кроме того, он публич-

но отрекся от аполлинаризма, что очень понравилось восточным отцам, сильно подозревавшим его в этой ереси. Антиохийцы не сомневались, что в 12 анафематизмах проповедует аполлинарийская ересь. Одному из них даже приснилось, будто сам Аполлинарий Лаодикийский, дряхлый старец, лежит на одре и раздает благословения подходящим к нему восточным епископам: после этого сна он проснулся в ужасе.

Антиохийцы так обрадовались отречению Кирилла от аполлинаризма и его примирительному посланию к Иоанну Антиохийскому, что почти примирились с александрийцами. Но тут встал вопрос, что делать с Несторием: считать его низложенным или нет, и если да, то на каком основании? Неправедливое низложение Нестория в Антиохии называли не иначе как «человекоубийством». Этот вопрос вызвал разногласие среди антиохийцев, расколов их на две партии: непримиримых и умеренных. Первые хотели «дожать» Кирилла, настаивая, что «египтянин», как они его презрительно называли, должен отказаться и от своих взглядов, и от низложения Нестория. Умеренные готовы были согласиться с имеющимся положением, пусть и не совсем ясным, ради мира в Церкви. Сам Иоанн Антиохийский встал на сторону умеренных и решил не поднимать вопроса о Нестории — попросту замолчать его — и принять в общение Кирилла. Мир в Церкви Иоанн ставил так высоко, что в частном письме своему стороннику, знаменитому богослову Феодориту Кирскому, дал согласие выступить даже против него самого, Иоанна, если это поможет объединению двух партий.

Примирение состоялось, но оказалось болезненным. Наиболее строгих противников Кирилла отправили в ссылку. В их числе был Александр Иерапольский, человек кристально честный и настолько бедный, что даже повозку, на которой его повезли в ссылку, пришлось нанимать на деньги друзей. Паства провожала его стонами и плачем, все церкви в городе закрылись, и горожане объявили, что не возобновят богослужений, пока им не вернут их епископа. Но это был только кратковременный порыв; в конце концов волнения успокоились, и все было забыто. Так же были молчаливо преданы забвению и все те анафемы, которыми противоборствующие стороны отлучили друг друга от Церкви.

Конец Нестория

Несторий, ставший жертвой политического компромисса, тоже был отправлен в ссылку. В конце жизни он долго скитался и пережил немало злоключений, которые описал в своей книге «Трагедия». Судя по этим записям, первое время он отбывал срок в сирийской Петре, а затем был переведен в Африку, где несколько лет жил в уединенном оазисе посреди пустыни, постепенно забываемый своими современниками. Однако и здесь покой его был нарушен. На оазис напали варвары-кочевники, которые разорили поселения и увели всех жителей в плен, в том числе Нестория. По дороге разбойников стало преследовать другое племя, и они бросили свою добычу, позволив своим пленникам разойтись кто куда. Несторию с трудом удалось добраться до захудалого городка Панополис, где он прожил еще несколько лет. Власти не сразу узнали о том, что произошло, но, выяснив, где находится опальный патриарх, снова взяли за Нестория и отправили его еще дальше, на южную границу Египта. Через какое-то время его вернули обратно, потом снова сменили место ссылки, потом еще и еще раз. В один из этих бесконечных переездов он упал с осла и сломал себе ребра и руку.

Измученный и загнанный, Несторий упорно продолжал писать свою богословскую апологию, «Книгу Гераклида». Из этого трактата, найденного сравнительно недавно, можно сделать вывод, что Несторий практически полностью придерживался православной точки зрения. Разница была только в нюансе, различавшем понятия лица и ипостаси. Ипостась по смыслу ближе стоит к природе, это ее непосредственное воплощение, тогда как лицо — скорее представитель. Несторий так заботился о самостоятельности человека в Боге, что оставил ему свою ипостась, объединив божественную и человеческую природу только через лицо, то есть слишком слабо и отдаленно. У него получалось, что во Христе две природы, две ипостаси и одно Лицо; у православных — две природы, одна ипостась и одно Лицо. Православные настаивали, что Христос имел одну ипостась, а не две: Бог в Иисусе не только представлял человека, но и был им по природе. Именно поэтому Он мог страдать и переживать всю полноту человеческого бытия как свою собственную. Несторий не мыслил настолько

ясно, к тому же его больше волновала борьба с александрийским уклоном, но думал он, по сути, так же. Во всяком случае, он одобрил томос папы Льва, принятый затем Церковью как основа догмата о двух природах во Христе, и не написал ему только потому, что боялся скомпрометировать его перепиской с «еретиком».

Незадолго до смерти к Несторию прибыл посланец от императора и объявил, что теперь он свободен и может жить, где захочет. Несторий тронулся в путь, но по дороге умер, упав с лошади. Торжествующие монофизиты уверяли, что при этом у него вывалился язык, а в утробе кишели черви. Сторонники Нестория устроили в Константинополе демонстрацию, требуя перенести его останки в столицу, но она была разогнана властями.

Несторий понимал, что послужил козлом отпущения, с помощью которого две церковные партии временно уладили свои дела, и смиренно принял эту роль. «Господу угодно, чтобы люди примирились с Ним, проклиная меня», — говорил он. Однако мир, добытый с таким трудом, оказался недолгим и обманчивым. Маятник раздоров скоро качнулся в другую сторону. Среди александрийцев тоже нашлись несогласные и недовольные миром с Антиохией. После примирения с восточными отцами они обрушились на Кирилла с упреками в том, что он вступил в общение с еретиками, которые признают две природы в Христе. Это стало зарождением новой ереси, которая вскоре потрясла Церковь и вызвала один из самых крупных расколов в ее истории, известный под именем монофизитства.

Глава третья. Запад в V–VI веках

Амвросий

В отличие от Востока, Запад не переживал бурных баталий по догматическим вопросам. У латинян не было вкуса к отвлеченными размышлениям, и они предпочитали держаться от них в стороне, сосредоточившись на решении моральных и практических вопросов. Раннее латинское богословие, не считая Тертуллиана, почти целиком зависело от восточного.

Оттуда шли все новые идеи (и ереси), там зародилось движение монашества, туда обращались взгляды почти всех крупных западных мыслителей вроде Иеронима и Руфина.

В V веке на Западе ярко засиял авторитет Амвросия Медиоланского. Амвросий стал епископом почти случайно. Он был из знатной семьи, имел звание консула и по долгу службы обязан был присутствовать на выборах медиоланского епископа. Противоборствующие церковные партии никак не могли определиться с выбором. Амвросий, статный и красивый, обратился к собравшимся с просьбой прекратить споры, и тут какой-то ребенок крикнул: «Амвросий — епископ!» Всех так поразил этот возглас, что Амвросия действительно сделали епископом. В то время он даже еще не был крещен; его быстро крестили, и уже через неделю он взошел на епископскую кафедру.

Амвросий стал одним из самых блестящих богословов и церковных деятелей Запада. Он был хорошо образован, знал греческий язык и читал в оригинале труды Филона Александрийского, Оригена и Василия Великого. Имея большое влияние на императора Валентиниана Первого и его сына Грациана, медиоланский епископ играл важную роль не только в Церкви, но и в политике. Когда Грациан был убит узурпатором Максимом, его младший брат, император Валентиниан Второй, тогда еще двенадцатилетний мальчик, бежал в Медиолан под покровительство Амвросия, словно это был какой-то могущественный князь. Амвросий действительно вступил в переговоры с Максимом и уговорил его не захватывать Италию. Несмотря на это, несколько лет спустя неблагодарный Валентиниан попытался изгнать Амвросия из Медиолана, но народ окружил дом епископа и охранял его несколько дней, пока власть не отступилась.

После новых столкновений с Максимом фактическую власть во всей империи захватил Феодосий Великий. При нем авторитет Амвросия возрос еще больше. Амвросий ревностно отстаивал интересы Церкви и нередко заставлял Феодосия менять свои решения, если, по мнению медиоланского епископа, они были неправильны и несправедливы. Однажды он даже не пустил Феодосия в церковь, потребовав, чтобы тот сначала публично покаялся и смиренно ждал прощения, стоя в храме позади всей церковной паствы. При этом Амвросий не страдал излишней терпимостью и толерантностью и настойчиво при-

звал императора к вмешательству в церковные дела, разумеется, на стороне «правильно учащих». Ему не нравилось, что Феодосий слишком деликатничал с иудеями и еретиками.

Августин

Другой западный святой, Аврелий Августин, ученик Амвросия, повлиял на католическое богословие больше, чем кто-либо другой, почти целиком определив его содержание и форму. В течение 1000 лет, до появления Фомы Аквинского, Августин считался величайшим из отцов Римской церкви. Кроме того, это единственный великий богослов, жизнь которого мы хорошо знаем не только снаружи, но и изнутри: он сам подробно описал ее в своей знаменитой «Исповеди».

Будущий отец Церкви родился в городке Тагасте, недалеко от Карфагена, в 354 году. Сын язычника и христианки, Августин долгое время был человеком двойственным: его тянула духовная жизнь, но не меньше привлекала и чувственная. Молодость он провел как язычник, в увеселениях, пирах и любовных связях. Получив классическое образование, Августин зачитывался Цицероном и Горацием, готовился к блестящей карьере, но из-за смерти отца был вынужден зарабатывать на жизнь преподаванием грамматики.

В девятнадцать лет, прочитав диалог Цицерона «Гортензий», где говорилось о занятиях философией, Августин решил посвятить себя поискам истины. Но Библия, к которой он обратился в первую очередь, после утонченной языческой литературы показалась ему темной, скучной и грубой. Священные книги, по его словам, «приказывали, а не убеждали». Августин обладал, по его собственным словам, «быстрой сообразительностью и острой проницательностью» и легко глотал все книги, какие только попадали ему в руки. Позже он признавался, что без особых затруднений и без чьей-либо помощи разбирался во всех так называемых свободных науках: красноречии, диалектике, геометрии, музыке, арифметике. В Карфагене он оказался единственным человеком, прочитавшим и понявшим трактат Аристотеля «Десять категорий», над которым другие бесполезно ломали голову.

В поисках подлинного знания Августин обратился к манихеям, которые, как ему казалось, давали правильный от-

вет на самую трудную богословскую проблему, мучившую его много лет: откуда берется зло. Манихеи учили, что существует два царства, света и тьмы, которые когда-то смешались вместе и образовали этот мир, но в конце времен разделятся снова, и тогда свет навсегда освободится от оков мрака. Это была сложная синтетическая религия, насыщенная множеством разных течений и идей, от языческой философии и арийского зороастризма до христианства и гностических систем. В течение десяти лет Августин оставался убежденным манихеем и даже увлек за собой несколько своих друзей.

Но и в манихействе он в конце концов разочаровался. В «Исповеди» Августин с иронией вспоминает, как считал Бога огромным светящимся телом, а себя — его обломком и как тщательно пережевывал винные ягоды, чтобы с помощью зубов высвободить из них светоносную сущность, заключенную, по мнению манихеев, в овощи и плоды. Чем лучше он узнавал астрономию, тем больше понимал, что «небесные откровения» манихеев — всего лишь сказки, не имеющие ничего общего с наукой и не знающие даже элементарных фактов. Свои сомнения Августин надеялся разрешить после встречи с неким Фастом, высоко ценившимся у манихеев и считавшимся столпом истины, способным найти ответ на все вопросы. Но, поговорив с ним лично, Августин обнаружил, что тот отличался лишь особым красноречием, а в ученых вещах совсем не разбирался.

Рим и Медиолан

К тридцати годам Августин покинул Африку и отправился в Рим, главным образом потому, что его раздражали нравы, царившие в карфагенских школах. Среди учащихся не было никакой дисциплины: они вели себя распушенно, «вламывались в школу словно безумные и нарушали порядок, заведенный учителем для пользы учения». Августин мечтал сбежать от этих хулиганов в Италию, где, по отзывам, в учебных заведениях поддерживался образцовый порядок. Кроме того, он рассчитывал найти доходное место и надежный заработок.

Прибыв в Рим, Августин пережил сильную болезнь и едва выжил. В это время он был так далек от христианства, что даже в самую опасную минуту, на грани смерти, не подумал кре-

ститься. Выздоровев, он снова начал общаться с местными манихеями, хотя больше не придерживался их учения. Теперь он склонялся скорее к скептицизму, утверждавшему, что человек не может отличить истины от заблуждения. Для Августина это было тяжелое время: он потерял горячо любимого друга, его охватили отчаяние, депрессия, чувство безвыходного тупика. «Мне опротивело все существующее, опротивел самый свет, опротивело все, кроме воплей и слез». Но больше всего ему опротивело собственное «я». «Я оставался в самом себе, в несчастном месте, где мне было невыносимо оставаться и откуда я выйти не мог».

В римских учениках Августин тоже разочаровался: они не переворачивали школу вверх дном, зато могли сговориться между собой и уйти к другому преподавателю, оставив учителя без денег. Поэтому он охотно принял приглашение поработать в Медиолане, где скоро встретился с епископом Амвросием Медиоланским. Амвросий полностью перевернул его взгляды на христианство. Поначалу он пленил его своим красноречием, потом расположил к себе как человек и, наконец, увлек как мыслитель. Под его влиянием Августин снова погрузился в изучение Священного Писания, открывшегося ему теперь в новом свете: там, где прежде он замечал только выдумки и нелепости, ему начал видаться новый и таинственный смысл. Даже требование христианства верить в то, чего не видел и не знаешь, больше не казалось ему таким нелепым: верим же мы в то, что появились на свет от своих родителей, хотя и не можем этого знать.

Но Августин не спешил стать христианином. Время шло, а он все еще медлил, полный сомнений и вопросов. «Я удерживал сердце свое от согласия с чем бы то ни было, боясь свалиться в бездну, и это висение в воздухе меня вконец убивало. Я хотел быть уверен в том, чего я не видел, так же, как был уверен, что семь да три десять». Он сравнивал себя с больным, который, столкнувшись с плохим врачом, боится довериться и хорошему. Параллельно с этим Августин продолжал вести светскую жизнь: пытался устроить свою карьеру, сочинял похвальное слово императору, строил планы на женитьбу. «У меня немало влиятельных друзей, — рассуждал он, размышляя о своем будущем. — Если даже не очень нажимать и не хотеть большего, то хоть должность правителя провинции я могу получить. Следует мне найти жену хоть с небольшими средства-

ми, чтобы не увеличивать своих расходов». Августин хотел лучше и попрacticalней устроить свою жизнь и в то же время сознавал, что гоняется за вечно ускользящей иллюзией. Он не раз приводил в пример нищего, которого встретил как-то на улице: собрав милостыню, тот напился вина, был радостен и весело шутил — тогда как Августин шел мимо, погрузившись в свои мрачные заботы. Так стоило ли так стараться, спрашивал он, если нищий уже имел все, что мы только надеемся обрести путем долгих усилий? «Он получил за несколько выклянченных монет то, к чему я добирался таким мучительным, кривым, извилистым путем: счастье преходящего благополучия».

Даже убедившись умом в истинности христианства, Августин не мог заставить себя креститься и в корне изменить свою жизнь. Больше всего его беспокоил отказ от плотских наслаждений. «Меня держала в мучительном плену непреодолимая привычка к насыщению ненасытной похоти». Ему казалось, что он будет глубоко несчастным, «лишившись женских объятий», и он не находил в себе сил побороть эту страсть. У Августина много лет была постоянная любовница, которая переехала с ним в Италию. После его решения жениться она вернулась в Африку, оставив ему незаконнорожденного сына и дав клятву никогда не знать другого мужа. Освободившись от этой связи, Августин нашел себе невесту, совсем еще юную девицу, не достигшую брачного возраста — свадьбу отложили на два года, — и одновременно завел новую любовницу, не в силах воздерживаться от плотских желаний.

Обращение

В это время Августин сделал еще один важный шаг к вере: он решил для себя проблему зла. Ответ заключался в том, что «всё существующее истинно, поскольку оно существует». Он принял все мироздание, и «злое», и доброе, потому что все сотворено Богом и во всем есть истина, в том числе и в зле. Зло выглядит злым только потому, что является несовершенной деталью общей гармонии. Эта мысль заставила его наконец довериться Богу: раньше он не мог Его принять, потому что не принимал созданного Им мира. Приняв мир, он полюбил и Бога, поверил в Него, почувствовал, что может на Не-

го опереться, хотя все еще не мог отстать от своих привычек. Он со дня на день откладывал свое обращение, прося Господа дать ему целомудрие и благодать, но не сегодня, а завтра. «Я боялся, как бы Ты сразу же не услышал меня и сразу же не исцелил от злой страсти: я предпочитал утолить ее, а не угасить».

Августин читал платоников и апостола Павла, и Бог представлялся ему бестелесной сущностью, а в Христе он видел только человека, великого мудреца, но не Бога — ведь Бог не может быть материальным. Он беседовал о вере со старцем Симплицианом, рассказавшим ему об обращении в христианство Викторина, известного римского ратора, в переводе которого Августин читал греческих платоников. Каждый шаг, каждый новый разговор подталкивали его к тому, чего ему уже давно хотелось, — обращению в христианство, но привычка и любовная страсть продолжали его удерживать. Августин сравнивал себя с человеком, который хочет и не может проснуться: сон ему уже опротивел, но у него нет сил встряхнуться и заставить себя встать с кровати.

Все было готово к перевороту, однако произошел он неожиданно и внезапно. Однажды вечером к нему и его другу Алипию зашел их земляк Понтициан, занимавший важный пост при императорском дворе. Во время беседы Понтициан обратил внимание, что на столе лежат послания апостола Павла, и завел речь о христианской вере: он начал рассказывать про египетское монашество и Антония Великого, о котором Августин и его друг раньше никогда не слышали. Понтициан подробно описал жизнь пустынников и заодно вспомнил случай, как двое его знакомых во время прогулки в парке случайно наткнулись на какую-то хижину, где жили христиане, прочли попавшееся им под руку житие Антония и тут же решили оставить службу и уйти в монахи. У обоих были молодые невесты, богатство, успешная карьера, но все это они бросили ради Христа. Рассказ вызвал у Августина жгучий стыд: он, умствующий философ, столько лет искавший истину, без конца откладывает свое решение, а люди простые и не мудрствующие в один день решаются на все и уходят к Богу! Когда Понтициан ушел, Августин в смятении выбежал в примыкавший к дому сад и разрыдался. Он осыпал себя упреками, уговаривал, приводил в пример сотни других людей, молодых и старых, которым оказалось это под силу, так неужели он не сможет? Так и будет откладывать каждый день, пребывая в своих

грехах и мерзости? В этот момент он услышал в соседнем доме детский голос, который напевал какую-то песенку, повторяя одни и те же слова: «Возьми, читай! Возьми, читай!» Августин воспринял это как указание свыше: взять книгу и прочитать первую же попавшуюся главу. Он вернулся, раскрыл послания Павла и прочел: «...не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти» (Рим. XIII, 13–14). После этого «сердце мое, — пишет Августин, — залили свет и покой; исчез мрак моих сомнений». Обращение свершилось, и он стал христианином.

Тем не менее Августин не бросил немедленно прежнюю жизнь и не сбежал в пустыню, как делали другие. Он незаметно и без шума покинул свою службу, воспользовавшись временем летних каникул — «виноградных», как их тогда называли, — и кстати подвернувшейся болезнью легких. На Пасху 387 года епископ Амвросий крестил его вместе с сыном Адеодатом. После этого Августин распродал свое имущество, почти целиком раздав вырученные деньги бедным, вернулся в Африку, основал маленькую монашескую общину недалеко от родного города Тагаста и начал скромно заниматься философией и богословием, сочиняя трактаты против манихеев и диалоги в платоновском духе. Только через четыре года он стал пресвитером в Гиппон-Регии, крупном городе в африканской провинции, а спустя еще четыре года — епископом в том же городе.

Пелагиане

Как раз в это время в западной Церкви возник важный спор, где решался один из самых трудных вопросов христианства: проблема свободы воли и ее соотношения с Божественным промыслом, определяющим судьбы мира. Предельно ясно и глубоко этот вопрос был поставлен именно на Западе, а не на Востоке, где гораздо охотней рассуждали о природе Божества, чем о свободе человека. В V веке у латинских богословов было две крайних точки зрения на эту тему. Одни говорили, что Бог заранее предопределяет, что произойдет с человеком, и избирает тех, кто спасет свою душу, еще до того, как

они появятся на свет. Как писал апостол Павел, спасение человека зависит «не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего» (Рим. IX, 16). Сторонником этого мнения был Августин, создавший учение о «непреодолимой» благодати Божьей, без которой ни один человек не способен вырваться из оков греха. Другие утверждали, что, наоборот, все в руках самого человека: будучи свободен, он поступает, как хочет, и сам решает, что ему выбирать: добро или зло, спасение или гибель. Представителями этого направления был шотландский монах Пелагий Морган и его последователь римский юрист Целестий.

И у той, и у другой точки зрения были свои веские аргументы и свои слабые места. Августин указывал на то, что воля человека слишком раздвоена и слишком ущербна, чтобы он мог чего-то хотеть постоянно и в полную силу. Душа как бы разделена на две половины, из которых одна говорит другой, что делать; но приказывает всегда только часть души, поэтому в любом решении присутствует сомнение и разлад. Только благодаря Богу человек обретает цельность и решимость — не свою, человеческую, вечно колеблющуюся и слабую, а Божественную, вечную и неизменную. Поэтому человек спасается не по своей воле и даже не по своему желанию, а по воле и желанию Бога, который Сам выбирает тех, кого хочет спасти, и дает им силу это сделать.

Пелагий в ответ спрашивал: если человек не может не грешить, то какой же это грех? Это необходимость, за которую он не может отвечать. Грех потому и грех, что делается по свободной воле и человек за него в ответе, понимая, что и почему он делает. «Бог даровал своему разумному творению добровольный выбор и свободную волю. Наделив человека той и другой возможностью, он сделал так, что тот поступает как хочет, дабы, способный к добру и злу, он имел обе возможности и своей волей склонялся бы к тому или этому». Бог не может требовать от человека невозможного, и если Он дает ему заповеди, то дает и силу их исполнять.

Августин возражал, что в таком случае человеку вообще не нужен Бог и Христос мог бы не приходиться и не распинаться: ведь каждый может спастись и без этого, стоит только захотеть. Но такого не может быть, потому что грех — дело не одного человека, а всего человечества. В Адаме после грехопадения была повреждена вся человеческая природа, и теперь все люди

обречены на гибель, причем вполне справедливо, потому что в лице Адама они совершили первородный грех, который теперь через плоть передается каждому человеку по наследству. Но Бог по Своему милосердию дает спастись некоторым из этих людей, наделяя их благодатью, без чего все человечество заслуженно отправилось бы в ад.

Пелагий отвечал, что такое представление лишает человека всякого участия в деле спасения, превращая его в пассивное и безвольное орудие Творца. Получается, что люди заранее predeterminedены не только к спасению, но и к гибели (существует «предопределенность к проклятию», как писал Августин): как же это может сочетаться с милосердием Господа? Неужели и новорожденные младенцы, умершие раньше, чем их успели крестить, пойдут в вечные муки за грех Адама? Если они не заслуживают рая, то и ада тоже; вероятно, Господь отправляет их в какое-то третье место.

Вопрос о правоте Августина и Пелагия ставился на нескольких соборах и получал противоположные ответы. В Африке соборы осуждали учение Пелагия, а в Палестине, где жил Пелагий и где его уважали за строгую нравственную жизнь и миролюбие, — оправдывали. В конце концов епископы обратились к римскому папе Иннокентию, который решил дело в пользу Августина. Новый папа Зосима позже попытался оправдать Пелагия, но под давлением африканцев подтвердил отлучение Пелагия от Церкви.

Однако вопрос о свободе воли так и остался спорным и еще не раз всплывал в церковных спорах. Уже ученик Пелагия Юлиан Экланский обвинял Августина в скрытом манихействе за то, что тот видел в плотском вожделении принципиальное зло. Преподобный Иоанн Кассиан пытался найти золотую середину и примирить пелагианство с православием, говоря о совместном действии человеческой воли и Божественной благодати, но и это учение было осуждено на Аравсионском соборе 529 года как полупелагианство. Во времена Реформации протестанты обвиняли в пелагианстве уже саму католическую Церковь, а в XVI веке Кальвин и Цвингли довели идею Августина о предопределении до логического конца, создав учение о том, что все люди уже при рождении разделены на спасенных и проклятых и изменить этого никак не могут.

Читайте в приложении: Богословие Августина

Варвары в Италии

В V веке политические дела на Западе шли все хуже. В 429 году вандалы перешли из Европы через Гибралтар и двинулись по Северной Африке, не встречая никакого сопротивления и один за другим захватывая римские города. Когда их войска подошли к Гиппону, местные клирики во главе с Августином бросили жребий, кому бежать вместе с покидавшими город жителями, а кому остаться, чтобы поддерживать тех, кто будет защищать Гиппон. Августин остался. Он умер в 430 году, незадолго до взятия Гиппона варварами, которые сожгли почти весь город, пощадив только собор и библиотеку епископа.

Смерть Августина почти точно совпала с гибелью империи. Еще в 410-м вестгот Аларих взял Рим, а через несколько лет вандалы, захватив карфагенский флот, во главе с Гензерихом переправились в Италию и снова жестоко разграбили столицу. Западная Римская империя перестала существовать. Какое-то время Италией управляли варварские князьки, ставившие императоров по своему усмотрению, пока вождь вандалов Одоакр не низложил последнего из них, Ромула Августула. Одоакр заявил, что в императоре на Западе нет необходимости, потому что есть император в Константинополе — тогда им был Зинон, — и обратился к Зинону с просьбой признать его официальным правителем с титулом римского патриция. Так германский князь Одоакр стал римлянином и главой Западной империи.

Одоакр имел в руках реальную власть и вел слишком независимую политику, поэтому Зинон не нашел ничего лучше, как натравить на него могущественного остгота Теодориха, прозванного Теодорихом Великим. Теодорих разбил Одоакра и создал в Италии сильное государство, в котором попытался сплавить римский государственный порядок с варварским обществом остготов. Римляне стали в нем гражданами второго сорта: они не имели права служить в армии и отдавали остготам треть своей земли или треть доходов. К тому же, будучи арианином, Теодорих объявил гонения на православных и заключил римского папу Иоанна в тюрьму. После смерти Теодориха началась новая смута, и сравнительно мирное время наступило только после того, как военачальники императора Юстиниана Велизарий и Нарсес разбили варваров и завоевали Италию и Сицилию, создав Равеннский экзархат.

Столица уже давно была не в Риме, а в Равенне, окруженной горами и поэтому более безопасной. Население Италии сильно сократилось. Свое дело сделали нашествие варваров, войны, моровая язва и голод. Готы имели обычай брать заложников из знатных римлян и нередко их казнили: один раз был перебит весь римский сенат, в другой раз — 300 юношей из патрицианских родов. Остготский вождь Тотила во время войны с Византией уничтожил чуть ли не половину города, а оставшуюся часть угнал в Кампанию и рассадил по тюрьмам, после этого в Риме сорок дней не было ни одного жителя, и по пустынным улицам бродили волки. Но и после того, как императорские войска отбили город у варваров, положение стало немногим лучше: поля лежали незасеянными, горожане голодали, византийские чиновники грабили жителей и душили их поборами.

Однако самое ужасное было впереди: в 568 году в Италию вторглись лангобарды. Если другие германцы долго общались с римлянами и были более или менее окультурены (Теодорих был заложником у византийцев и долго жил в Константинополе), то лангобарды оказались дикой ордой варваров, не имевших никакого представления о цивилизации. Один их вид внушал ужас: они наголо брили головы сзади, а длинные волосы перебрасывали на лицо, выкрашенное в зеленый цвет, и переплетали их с косматыми бородами. По вере они были наполовину ариане, наполовину язычники. И те, и другие ненавидели православных христиан и не давали им пощады. Церкви грабили, священников и монахов жестоко убивали, жителей выгоняли в леса. В одном из селений варвары-язычники зарезали 400 человек за то, что они отказались поклоняться черепу жертвенной козы.

Лангобарды во главе с королем Альбоином быстро захватили Северную Италию и, оставив в стороне неприступную Равенну, двинулись на юг. Пройдя мимо Рима, они направились в Южную Италию, отрезав Вечный город от Равенны и от светской власти.

Последние огоньки

Даже в это мрачное время римская культура не совсем угасла. На Западе появлялись талантливые писатели и богословы, такие, как папа Геласий Первый или Фульгентий Руспийский, продол-

жавший труды Августина. Эрудит и изощренный диалектик Бозций писал учебники по математике и музыке, по которым потом училось все Средневековье. Кассиодор в своем поместье создал одновременно школу, монастырь и культурный центр, где хранились и переписывались книги, появлялись новые переводы, изучалась медицина, математика и прочие науки.

Григорий Великий (Двоеслов)

В атмосфере хаоса, разрухи и частой смены власти, сопровождавшейся кровопролитием и грабежами, Церковь выглядела единственной неизменной величиной, на которую опирались даже светские власти. В трудный момент Юстиниан поручил финансовое и административное управление Римом именно Церкви, поскольку никто не мог сделать это лучше нее. В Риме тогда было немного жителей, селившихся в основном вокруг его крупных базилик, Латеранского дворца и Ватиканского холма. Город был поделен на 7 частей, каждой из которых управлял один диакон.

В это смутное время во главе Римской церкви стал Григорий Великий. Он происходил из знатной и благочестивой семьи: его отец был сенатором и богачом, а среди предков и родных числились два римских папы и несколько монахинь. Мать растила сына в христианской вере и любви к аскетической жизни, но при этом он получил хорошее светское образование, которое всегда ценил. «Если мы не знаем мирской науки, — говорил будущий папа, — то не способны и проникнуть в глубину Священного Слова». По характеру Григорий был человек скорей созерцательный, хотя всю жизнь ему пришлось вести бурную деятельную жизнь, несмотря на плохое здоровье (он страдал водянкой и был очень тучен). Он был еще молод, когда его назначили префектом города, но после смерти отца Григорий оставил этот пост и целиком посвятил себя Церкви. Шесть своих имений в Сицилии он превратил в монастыри, а богатый дом в Риме сделал иноческой общиной, в которую сам вступил как простой монах, чтобы вести жизнь строгого отшельника.

Такой выдающийся человек не мог долго оставаться в тени. Его сделали сначала одним из семи римских диаконов, потом папским посланником (апокрисарием) в Константинополе.

Это были крупнейшие должности в Римской церкви: именно из диаконов и апокрисариев чаще всего выходили новые папы. В Константинополе Григорий познакомился со многими восточными патриархами и позже, уже став папой, состоял с большинством из них в личной переписке.

Монашески настроенный Григорий был совсем не рад, когда после смерти Пелагия Второго стал новым римским папой. «По долгу пасторского служения, — жаловался он, — я должен заниматься делами мирскими и, оставив прежнюю прекрасную жизнь, осквернять свою душу тиной земных попечений». Несмотря на это, он оказался прекрасным хозяйственником, который значительно обогатил и укрепил Римскую церковь. Будучи добрым христианином, Григорий вел широкую благотворительность и раздавал церковный хлеб голодным. Как хороший политик, он умело лавировал между Византией, которая была далеко, и варварами, которые были близко. Папа одновременно конфликтовал с византийским императором, вел переговоры с лангобардами, откупался от них, командовал обороной города, заключал мир и даже обратил многих лангобардов в православие. При нем Рим действительно стал центром, который ведал обо всем, что происходило в мире, на все влиял и везде произносил свое авторитетное мнение. Григорий отправил в далекую Британию аббата Августина (не Аврелия), чтобы христианизировать англосаксов, подчинил своему влиянию взбунтовавшуюся Аквилейскую церковь, привлек на свою сторону Церковь Африки. При этом он продолжал вести монашескую жизнь аскета, пребывая в постоянном воздержании и смирении. Самого себя он считал «рабом рабов Божьих» и не позволял себе кланяться, а когда какой-то восточный паломник хотел преклониться перед ним на улице, первым бросился ему в ноги.

Таланты Григория Великого были многообразны и проявлялись в самых разных областях. Благодаря Григорию, собравшему и упорядочившему церковные песнопения, появился григорианский хорал, который называли «песней ангелов». В православной Церкви до сих пор используют составленную им литургию. Именно при этом папе предположение Августина о существовании чистилища превратилось в католический догмат. Григорий прославился и как автор богословских трудов: он много толковал Ветхий Завет и написал известные «Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души».

Этот труд называли также «Диалогами», по-славянски «Двоесловиями», отсюда произошло прозвище Григория в православной Церкви — Двоеслов. В «Двоесловиях» папа много писал о подвижниках и монахах, которые в это время уже пользовались широкой славой и стали одним из самых важных и самых поразительных явлений в церковной жизни. Но об этом мы поговорим в следующей книге, где истории Церкви предстоит совершить еще немало резких поворотов и пройти через новую череду потрясений и расколов, последствия которых мы переживаем до сих пор.

Часть I

Иудейский храм

Храм в Иерусалиме напоминал скорее крепость: он стоял на высокой горе, со всех сторон окруженной мощными стенами 30-метровой высоты, ворота которых постоянно охранялись иудейскими священниками — левитами. Внутри этих стен находился большой архитектурный комплекс с залами и крытыми галереями, где прогуливались жители города. Широкая лестница вела к верхнему ярусу горы, на которой находился собственно храм. Язычникам запрещалось идти дальше первого внешнего двора, отделенного от храма решеткой: висевшие здесь таблички на греческом и латинском языках предупреждали, что всякий нарушивший запрет карается смертью. За внешним двором находился второй, куда допускались все евреи, а за ним — третий, предназначенный только для священников.

Во внутренние помещения храма можно было попасть после специального обряда очищения. Храм состоял из двух помещений: притвора и святилища. В притворе хранились дары, принесенные иудеями со всех концов света: их раскладывали на столах и подвешивали на золотых цепях. Особенное восхищение вызывал золотой виноградник с искусно вырезанными гроздьями и листьями. В святилище стояла менора — золотой подсвечник с семью рожками, горевший до утра всю ночь, а на деревянном столе, покрытом листовым золотом, и на соседних полках в золотых формах лежали двенадцать ритуальных «хлебов предложения», которые менялись каж-

дую субботу. За особым занавесом находилась Святая Святых, где когда-то хранился Ковчег со скрижалями Ветхого Завета, а позже стоял просто высокий камень. Все помещение было выложено драгоценной мозаикой из самоцветов и обшито кедром. Входить в него мог только первосвященник в Судный день (Йом Кипур), чтобы совершить искупительную жертву за народ.

Храм имел роскошные двухстворчатые двери, а его крышу украшали острые золотые шпили, чтобы на нее не могли садиться птицы. «Покрытый со всех сторон тяжелыми золотыми листьями, — писал историк Иосиф Флавий, — он блистал на утреннем солнце ярким огненным блеском, ослепительным для глаз, как солнечный луч. Чужим, прибывавшим на поклонение в Иерусалим, он издали казался покрытым снегом, ибо там, где он не был позолочен, он был ослепительно бел».

От всего этого теперь остался лишь небольшой участок стены, известный как Западная стена, или Стена плача.

Часть II

Аполлоний Тианский, маг и чудотворец

Во II веке язычество сделало попытку создать своего героя и пророка, похожего на Христа, но больше подходившего для римлян. Это был Аполлоний Тианский, полубогатый мудрец и чудотворец, описанный в книге Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского». В биографии Филострата Аполлоний изображен как последователь Пифагора, ученик брахманов и халдейских магов, посвященный в орфические таинства. Родившись примерно в одно время с Иисусом, он долго странствовал по всей империи, ведя жизнь строгого аскета, исцеляя больных и предсказывая будущее. В личности и жизни Аполлония все было гармонично: внешность, одежда, движения, слова, поступки; он изъяснялся благородным и изящным языком, достойным римского ритора. Достаточно сравнить его изысканную манеру речи с емкими и краткими притчами Иисуса: «Если кто-то говорит, что он мой ученик, то пусть он добавит, что воздерживается от посещения бань, не убивает живых существ, не ест мяса, свободен от за-

висти, злобы, клеветы и враждебных чувств, а его имя вписано среди тех, кто завоевал свою свободу». Учение Аполлония сводилось к тому, что Бог — совершенство и чистота, физически олицетворенная в солнце, а человек — божественное существо, которое приближается к Богу через познание и добродетель. Некоторые римские философы находили между Аполлонием и Иисусом много общего и считали, что их учения можно объединить или хотя бы примирить. Язычников гораздо больше устраивал рафинированный Аполлоний, впитавший в себя всю античную культуру и соединивший ее с экзотической восточной мудростью и новым мистицизмом. Он не разрушал полностью римские представления о мире, как делал Иисус, а скорее дополнял его и развивал. Принять христианство было страшно, потому что это означало полный отказ от прошлого; принять аполлонийство было безопасно, поскольку оно ни к чему особенному не обязывало. Не случайно для создания мифа об Аполлонии была выбрана чисто литературная форма: это была попытка внедрить «христианство сверху», обезопасив его культурной прививкой в противовес темному и иррациональному христианству иудеев.

Часть III

Учение Оригена

Ориген мыслил и писал свободно, не сдерживаемый никакими авторитетами. Догматы в то время еще не были приняты, поэтому Ориген мог думать, что и как хотел, шествуя путем первопроходца и в одиночку вспахивая девственную целину богословия. Позже многие его идеи были усвоены такими великими отцами Вселенской Церкви, как Григорий Чудотворец, Василий Великий и Григорий Богослов, и вошли в православную догматику. Однако в них было много спорных моментов, которые православие не могло принять, что в конце концов привело к его посмертному отлучению от Церкви.

Ориген был одним из тех, кто стоял у истоков церковного учения о Троице. Он первым ввел понятие «лица» (по-гречески «ипостаси») и сущности, хотя не различал их так ясно, как было сделано потом в Никейском символе. Ориген считал, что

молиться как Богу можно только Отцу, потому что только Он и есть собственно Бог, Сын же — нечто производное от Него. Поскольку Бог Сам по Себе непостижим, между Ним и нами нужен посредник — Иисус. Это не значит, что Иисус был человеком: представлять Сына в человеческой плоти значило бы слишком близко приближать Его к человеку. На самом деле плоть Христа была лишь призрачной, или Он имел особое, эфирное, душевное тело. По мнению Оригена, Иисус мог принимать разные образы. Каждый видел Его настолько совершенным, насколько был достоин. Поэтому Его преобразование видели только два ученика, и при жизни враги не могли Его арестовать, хотя Он проходил сквозь них, а после смерти Его не узнавали ученики.

Ориген утверждал, что Сын не происходит из сущности Отца (то есть не единосущен Отцу), но рождается из существа Отца, как Его энергия, направленная на мир. Все качества Бога существуют только в возможности, идеально, пока Он не делает их реальными, обращая на мир: Сын и есть реальное воплощение этих качеств. Если Бог — скрытая энергия, то Сын — ее видимое проявление. Бог — чистый белый свет, а Сын — призма, разлагающая его на отдельные цвета. Ориген считал, что, если Бог благ и всемогущ, значит, Его благость и всемогущество на что-то направлены. На что? На мир. Мир не может не существовать, иначе Бог не был бы ни всемогущим, ни благим: Ему не в чем было бы проявлять эти качества. А поскольку Бог вечно благ, то и мир существует вечно. Он безначален и бесконечен, точнее — безначальна и бесконечна бесчисленная смена идущих друг за другом миров. Каждый из них индивидуален и неповторим.

Зло возникает из нежелания свободных духов (ангелов) стремиться к совершенству. Пока одни поднимаются к Богу, другие падают вниз в несвободу, в материю. По Оригену, сначала существовали только духи, равные между собой. Потом некоторые из них добровольно отпали от Бога, охладели и спустились и образовали души. Когда они пали еще больше, образовался материальный мир, а души вселились в тела. Какова душа, таково и тело, поэтому все люди выглядят по-разному. Падшие души страдают, потому что страдание есть инструмент спасения, обратного движения вверх. Страдающий понимает и осознает свою греховность и стремится от нее избавиться. Каждое последующее рождение души — это

путь вниз или вверх, к падению или спасению, в зависимости от того, как она прожила свою жизнь. Души воплощаются в новые тела в новых мирах, пока все в конце концов не придет к единству спасения — апокатастасису.

Ориген первым ввел понятие Богочеловека. Иисус нисходит в мир, чтобы восполнить падшую тварную природу Своим совершенством и всех вернуть к Богу. Речь идет не только о людях, но и обо всех разумных душах, так или иначе отпавших от Бога, будь то демоны или ангелы. «Было бы нелепо думать, что Христос пострадал за людей, но не пострадал и за ангелов: ведь и самые совершенные между ними тоже не безгрешны». Дьявол держал нас в аду по праву, потому что мы согрешили; но Христа он удержал не по праву, потому что Тот не согрешил. За эту несправедливость ему пришлось отдать и тех, кто согрешил. Получилось по поговорке: откусил больше, чем мог проглотить.

Наш мир не единственный — когда он закончится, за ним последуют другие. Очищение и спасение в нашем мире совершаются не до конца (это видно из простого жизненного опыта). Каждый новый мир необходим, чтобы очистить еще не спасенные души. Эти миры будут все лучше и лучше, а грешников в них — все меньше и меньше. Последний мир будет лучше всех, материальное в нем сведется к минимуму, духовное будет торжествовать. Наконец, нигде не останется никакого зла, все закоренелые грешники, даже сам дьявол, раскаются и обратятся к Богу. Материальный мир исчезнет за ненадобностью, и настанет вселенское единство духов. «И будет Бог все во всем» (1 Кор. XV, 28).

Системы гностиков

Во всех гностических системах есть одна общая черта, которую условно можно назвать «небом, смешанным с грязью» или «духом в капкане». Трагичность мира гностики видели в том, что духовное начало находится в нем в чужой среде, мучаясь и тоскуя по своей небесной родине. Тем, кто хранил в себе эту небесную искру, гностицизм нес благую весть — понимание того, что их плен не вечен и каждая страждущая душа вернется в подобающий ей мир.

Другая характерная черта — ступенчатое нисхождение от абсолютного света в абсолютный мрак и гигантский скачок, который совершает «духовный человек» с самой нижней ступеньки на самую верхнюю. Процесс творения гностицизм воспринимал как поэтапное удаление от полноты Бога и общую деграцию, приводящую к духовной слепоте. Но этот все дальше расходящийся разрыв неожиданно замыкается в круг, когда тусклая точка в самом конце пути — человек — вдруг вспыхивает изначальным небесным светом самого Творца. Они протягивают друг другу руки через мироздание: духовный порыв человека, идущий снизу, встречается с щедростью и милосердием божества, идущими сверху, и насквозь пронизывают все бытие сверху донизу. Так из дисгармонии разделения возникает гармония единства, которая придает гностицизму характер апокалиптического оптимизма, свойственного и христианству.

Система Юстина

Примером сложной системы гностиков может служить мифология Юстина. В его изложении Элохим, мужское начало, соединился с женским началом по имени Эдем (другие его имена — Израэль и Иэль). От них родились 24 ангела, которые создали Рай, его реки и деревья. Среди них было двенадцать ангелов с мужским, духовным началом: Михаил, Варух (он же «Древо жизни»), Гавриил и др.; и двенадцать ангелов с женским, материальным началом: Бабели (она же Афродита), Наас (на древнееврейском его имя значит «змей»; он же «Древо познания»), Белиал, Сатан и другие. Ангелы создали тело человека, Элохим вдохнул в него дух, а Эдем — душу. Элохим, побуждаемый своей небесной природой, возносится к небу и познает истинного Бога (Иегову), отказывается от Эдема и всего созданного им, то есть Рая и человека, чтобы остаться с Богом. Эдем, после тщетных попыток вернуть Элохима, вымещает свое зло на человеке, приказывая своим двенадцати ангелам мучить его. На помощь Элохим посылает своего ангела Варуха, и тот учит людей, что нужно вкушать от всех деревьев райских, кроме Нааса, древа познания, потому что в нем абсолютное зло. Однако Наас соблазняет Адама и Еву яблоком. Варух продолжает борьбу, сначала через Моисея и про-

роков у иудеев, потом с помощью Геракла у язычников. Геракл борется против двенадцать ангелов Эдема, побеждает их всех, даже Нааса, принявшего форму Лернейской гидры, но уступает Бабели-Афродите, которая соблазняет чувственную сторону его души через царицу Омфалу. Наконец, Варух является двенадцатилетнему Иисусу, сыну Иосифа и Марии, и научает его истине. Наас, желая погубить Иисуса, обрекает Его на распятие, но Иисус обратился к Эдему, сказав: «Жено, вот сын твой», то есть «вот твое тело и душа», а дух Свой вручил Господу и вознесся к Иегове. Так же может спасти себя и любой человек, который прочитает и правильно поймет книгу Варуха.

Упоминание о книге тут не случайно: книги всегда были важны для спасения у гностиков, через них открывалась истина. Каждая секта и школа имели свои книги, которые или прямо падали с неба, или были оставлены мифическими учителями.

Система Василида

По учению Василида, мир есть «панспермия», то есть чистая потенция, совокупность семян, которые постепенно развиваются во времени. Эта квинтэссенция сущего неопределенна и проста, как бесцветное яйцо павлина, в котором уже заложены все радужные цвета его хвоста. Из ее бесформенной смеси выделяется сначала «первый сын», который возносится к первоначалу, то есть Богу. (По Василиду, Бог — не что-то сущее, а то, что создает сущее, значит, само оно — не-сущее, и о нем вообще ничего нельзя сказать.) Потом появляется «второй сын», или Дух Божий, который не может вознестись к первоначалу и образует между ним и низшим миром границу — небесную Твердь. Все остальное происходит уже под Твердью, в низшем мире. Здесь появляются архонты, местные творцы, не подозревающие о небесном мире и считающие себя истинными богами. Они создают восьмерицу, или огдоаду, представляющую собой эфирный мир, и седмирицу, или гебдомаду, то есть мир семи планет.

Все это время в низшем мире остается и «третий сын» — духовный человек, который томится в нем, как в тюрьме, и жаждет выйти на свободу. Бог тянет его к Себе, как магнит при-

тягивает железо. Не только человек, но и все божественные элементы, которые оказались в сотворенном низшем мире, в силу своей природы притягиваются к Богу и стремятся вырваться из плена мира материального. В конце концов все придет к тому, что Божье вернется к Богу, а тварное и плотское навсегда останется в низшем мире. Этому последнему, чтобы оно не страдало вечно от своей отъединенности от Творца, Бог в конце времен из милосердия даст «великое неведение». Все, кто смог, спасутся, а кто не смог, забудут даже о возможности спасения, поэтому их существование не станет для них вечными муками.

Система Валентина

По Валентину, вся полнота бытия, или плерома, состоит из 30 эонов («вечных сущностей»), разбитых на супружеские пары. Изначально существует Первоотец, или Вифос (Бездна), который образует первую брачную пару с Молчанием, именуемым также Мыслью и Благодатью. От нее рождается следующая пара: Ум (Единородный, Отец) и Истина, вступающие в брак между собой; от них рождается пара Слово и Жизнь, от нее — во-первых, пять пар эонов, называемых Декадой (Десятирицей), и, во-вторых, брачная пара Человек и Церковь. Наконец, от последней рождаются шесть пар эонов, называемые додекадой, то есть двенадцатерицей. Последняя из этих пар — София (Мудрость) и Вожденный. Итого получается тридцать эонов, огражденных неким Пределом, или Крестом, отделивающим плерому от небытия (кеномы).

Эоны возникают не случайно: их рождение — это процесс мышления Первоотца о самом себе. Он постигает себя, создавая эоны и созерцая их как нечто внешнее, как плод своего творения. Так художник мог бы лучше понять себя, глядя на написанные им картины. Об этом писал гностик Марк, толкователь Валентина: «Желая облечь в формы невидимое, Вифос (Первоначало) произносит Слово». Самопознание Вифоса заключается в том, что он произносит свое имя, которое состоит из тридцати букв и четырех слогов. Каждая буква — это эон, первый слог — первая четверица эонов, второй слог — вторая четверица, третий — декада, четвертый — додекада.

Эоны в плероме неравноценны: из них только Ум способен целиком познавать Первоотца, но он не может передать свое знание нижестоящим эонам, потому что его удерживает Молчание. В результате духовная жизнь эонов становится тем беднее, чем дальше они стоят от Первоотца, а их неудовлетворенность, наоборот, все больше растет.

Назревающий конфликт приводит к тому, что София, последний из женских эонов, разрывает связь со своим супругом Вожделенным и проникается страстью к Первоотцу, стремясь напрямую слиться с его сущностью. Это невозможно и едва не приводит к ее гибели. Софию удерживает Предел, и она рождает от своей бесполезной страсти 31-й эон, выродок, именуемый Мыслью. Чтобы восстановить равновесие, Ум и Истина производят новую пару — Христос и Святой Дух, которые успокаивают Софию и возвращают ее Вожденному, а Мысль выбрасывают за пределы плеромы. После успокоения плеромы все эоны творят плод благодарности в честь Христа и таким образом рождают Иисуса — всю полноту плеромы, ее цвет и славу. Ему нет брачной пары, но в конце времен Он должен соединиться с отверженной Мыслью и окончательно восстановить гармонию. Поскольку Его назначение — спасти погибшее, Он называется Спасителем.

Где же во всем этом земной мир и человек? Они находятся в самом низу, за пределами плеромы. Выброшенная в кеному Мысль (называемая также Ахамот, то есть Мудрость), бесформенная и ничего не понимающая, смутно стремится обратно в плерому, вспоминая ее как покинутую родину. Сжалившийся над ней Иисус открывает ей свет истины, и тогда она порождает демиурга, творца земного мира. Ее тоска становится материей, слезы — морем, ужас — горами, отчаяние — демонами. Демиург, самая последняя и убогая ступень плеромы, создает низший земной мир по подобию высшего, бессознательно подражая Единородному, о котором он ничего не знает. Из сотворенных Ахамот души и материи он делает человека, в которого Ахамот вдыхает небесную искру, полученную от Иисуса. Благодаря этой искре человек оказывается даже выше своего творца демиурга.

Иисус появляется на земле как Мессия, чтобы спасти избранных людей. В существовании Мессии все символично и полно многозначительных числовых совпадений. Например, он имеет четыре природы по четырем слогам плеромы:

небесную от Христа, духовную от Ахамот, душевную от демиурга, телесную от материи. Он прожил тридцать лет по числу ионов. Он воскресил двенадцатилетнюю дочь Иаира, намекая на страдания Софии, двенадцатого эона додекады. Его страдания на кресте символизируют страдания Ахамот, а сам крест — символ просвещения Ахамот Иисусом, Который явился ей через Крест (Предел).

В конце времен Ахамот соединится с Иисусом и вместе с ангелами, духовными людьми и всеми духовными элементами войдет в плерому. Демиург увидит истину и вознесется вместо Ахамот на восьмое небо, а все, что ниже, исчезнет в огне. Все духовное спасется, все плотское погибнет.

Система манихеев

Манихейские представления о мироздании в деталях отличались от гностических, хотя совпадали с ними по сути. В их системе четвероякий Бог, Отец Величия, состоящий из света, мудрости, силы и их сочетания, покоится на престоле в центре светлого царства, которое распространяется по всем четырём сторонам света, за исключением юга, где его ограничивает царство тьмы. Если представить это в виде колеса, то север будет наверху, а юг — внизу, поэтому царство тьмы — это нижнее царство. В мире света «животворное дыхание струится по небесным пажитям, где нектар перетекает в вечность»; во тьме, напротив, кипит и бродит дикое движение, вражда и хаос. Бродя по своим владениям, царь мрака Ахриман натывается на границу с царством света и, возжелав его, прорывается со своими силами из нижней области в верхнюю. В ответ Бог «призывает» Мать жизни, которая, в свою очередь, призывает Сына. Светоносный Сын направляется на борьбу с мраком, но добровольно терпит поражение, чтобы смешать свою светлую сущность с Тьмой, которая не может ее перенести; побежденный, он погружается на самое дно мрака, в глубокий ров, где его окружают, чтобы пожрать, страшные звери и демоны. Тогда Мать жизни призывает Живого духа, который устремляется сквозь толщи мрака к поверженному Сыну, окликает его, получает ответный зов, протягивает руку и вызволяет его из тьмы.

Однако часть света остается во тьме: чтобы вызволить ее, Живой дух сотворяет мир из костей, кожи и экскрементов побежденных князей тьмы — архонтов. Расчлененные, они остаются живыми; чтобы извлечь из них частицы света в виде спермы, появляется Третий посланник, воплощение Сына, который показывает себя мужским демонам (чья содранная кожа образует небо) в виде прекрасной обнаженной женщины-луны, а женским (составляющим тело земли) — в виде прекрасного обнаженного юноши-солнца. Преисполненные желания мужские архонты извергают семя с частицами света вниз, сотворив растения, а женские архонты, будучи беременными, разрешаются преждевременными выкидышами, произведя уродцев-животных, которые тут же принимаются поглощать растения вместе с содержащимся в них светом.

Пытаясь удержать оставшийся свет, демоны создают двух демонов, мужчину и женщину; первый пожирает все растения, вторая — всех животных; после этого они совокупаются и рожают Адама и Еву, аккумулировавших в себе, таким образом, почти весь имеющийся в природе свет. Но этот свет находится в тюрьме, поскольку плоть людей, данная им от демонов, слепа и глуха и ничего не знает о небе. Однако Третий посланник является к людям, чтобы разбудить их душу и дать им знание о небесном царстве как о родине заключенного в них света, в которую он, этот свет, и должен в конце концов вернуться. Кроме людей, в природе светonosны только Солнце и Луна, поэтому посвященные им дни недели, воскресенье и понедельник, являются чистыми, и в эти дни освобожденный свет, направляясь вверх, на север, через Полярную звезду, возвращается на небо. В конце мира на короткое время наступает царствие праведности; затем весь свет, который удалось спасти, образует Andrias, колонну света, и устремляется на небо; земля уничтожается, а демоны погружаются в бесформенную тьму, гноящуюся в глубинах космоса, и сверху их придавливает тяжелый камень. Теперь свет навсегда отделился и очистился от тьмы; но остается подозрение, что какая-то часть так и не спаслась и отныне будет томиться, погребенная в бездне вместе с мраком.

Догматическая сторона раскола Доната

Догматическая разница между донатистами и православными, то есть «правильно учащими», была невелика. И те, и другие считали возможным принимать покаявшихся отступников — «традиторов». Но донатисты, следуя Киприану, думали что вне истинной церкви нет ни благодати, ни таинств, поэтому каждый отступник и еретик — то же самое, что язычник, и нуждается в перекрещивании. Отпавший епископ Феликс Аптунгский, если он действительно отпал, не мог сообщить епископу Цецилиану никакой благодати при посвящении того в сан: он и сам был проклят, и другим мог сообщить только проклятие. Донатисты ссылались на слова Св. Писания: «грешника Бог не слушает», — и делали вывод, что Бог не мог слушать Феликса и не мог сообщать через него благодать. Однако это уже ставило вопрос на опасную грань субъективизма: грешник не только тот, кто явно отпал от Церкви или совершил что-то преступное и недозволенное, но и тот, кто грешит тайно, о чем никто, кроме Бога, может и не знать. Выходит, и через такого не может осуществляться никакое таинство, но чем виноваты христиане, которые крестятся и причащаются у такого священника, не зная о его грехах? Неужели Господь лишит их и крещения, и причастия за грехи недостойного пастыря? Поэтому донатистам приходилось признавать, что силу благодати теряет только тот священник, который явно отпал от Церкви, хотя бы его за это еще не осудили.

Православные настаивали на том, что благодать сообщается всякому и через всякого, кто имеет веру, даже если он оказался вне Церкви, — если вера одна и та же. У православных и донатистов она одна и та же, значит, они одинаково обладают таинствами. Однако и православные говорили, что «вне Церкви нет спасения»; истинная же Церковь только католическая, то есть всеобщая. Как примирить это противоречие? Обладание таинствами и благодатью, говорил Августин, еще не обеспечивает спасения. Сектанты — как ручеек, отделившийся от основного русла, который быстро источается и высыхает. Сектант не может воспользоваться данной ему благодатью, пока не попадет в благодатную атмосферу католической Церкви, где погасший огонь разгорится с новой силой и где эта благодать будет иметь почву.

Оставался еще вопрос, как решить, чья церковь является истинной. Католики указывали на то, что их церковь — всеобщая, она одна и та же в Риме, Коринфе, Палестине, Константинополе; донатисты же одиноки, они изолировали себя от всех. Донатисты возражали, что качество всеобщности не самое важное, праведники могут оказаться и в меньшинстве. Истинная Церковь — это Церковь святых. Донатисты больше православных заботились о чистоте своих рядов и извергали из них грешников-отступников, католики же этого не делали. Кроме того, истинная Церковь должна быть гонимой, как и предсказывал Христос. Церковь донатистов святая и гонимая, значит, она истинная. Католическая церковь не извергает грешников и преследует донатистов, она не святая и преследующая, значит, не истинная.

Католики возражали, что более праведные могут преследовать менее праведных. Что касается святости, то непонятно, как грешник может осквернить праведных, если последние не сочувствуют в душе его грехам. Не могут же грешники осквернить всех христиан своим существованием в Церкви, даже если другие христиане находятся на другом конце света? Тем более что и грех, и грешник могут быть скрыты. Поэтому святость Церкви вовсе не в том, чтобы извергать из себя каждого грешника, это невозможно и ненужно. В земной жизни грешники и праведники существуют в одной Церкви как плевелы и пшеница на одном поле; только после смерти последует их разделение и суд.

Летосчисление в Церкви

В Древней Церкви существовало два вида летосчисления: греческое и римское. Римское летосчисление велось от основания Рима в 753 году от Р.Х., а греческое — по олимпиадам начиная с 776 года до Р.Х., или 4773 года от сотворения мира. На эллинском востоке — в Сирии, Египте, Палестине — года считали по эре Селевкидов, основавших свою династию после смерти Александра Македонского. Началась она со смерти Александра, то есть с 311 года до Р.Х.

В отличие от греков, римляне не думали, что живут в какую-то особую эпоху. Даже год от основания Рима почти не употреблялся — счет времени велся по консулам. Говори-

ли: это произошло в консульство такого-то и такого-то. Последним консулом был Флавий Василий Младший, в 541 году, и после него долгое время считали — 1-й, 2-й, 3-й год от Флавия Василия и т. д. Только после Юстиниана императоры снова стали объявлять себя консулами, пока император Лев Философ в IX веке не отменил обычай считать по консулам.

Христиан такое летосчисление долгое время устраивало. Для Церкви был важен только пасхальный цикл, определявший основные христианские праздники. Для этого рассчитывался Великий индиктион, состоявший из 532 лет, по истечении которых весь пасхальный цикл повторялся заново. Однако вести расчет Пасхи на такой долгий срок было трудно, и обычно ограничивались Малым индиктионом из 95 лет: через этот интервал пасхальные праздники тоже повторялись примерно в том же порядке, но с поправкой на високосные годы. Пасхальный цикл по Малому индиктиону был рассчитан до 531 года Кириллом Александрийским. К началу VI века стало ясно, что нужно рассчитать празднование Пасхи дальше, и за это дело в 525 году взялся западный монах Дионисий Малый.

В это время счет лет в Риме и Константинополе шел по эре Диоклетиана (то есть от вступления этого императора на престол в 284 году от Р. Х.). Правление Диоклетиана было таким долгим, а проведенные им реформы настолько фундаментальными, что по нему ввели новое летосчисление. Бесконечное царствование продолжалось и после его смерти («501-й год царствования Диоклетиана» и т. д.). Диоклетиан был гонителем христиан, поэтому они переименовали название его эры в «годы чистых мучеников», но само исчисление осталось тем же.

Дионисий Малый счел это возмутительным и предложил считать от «воплощения Господа нашего Иисуса Христа». В своих вычислениях Пасхи он поставил вместо 248 года Диоклетиана 532 год от Р. Х. Так началась «наша эра», счет по которой ведется и сегодня.

Тем не менее в церковных документах трудно найти дату «от Рождества Христова». Церковное летосчисление велось по индиктионам (не путать с Великим и Малым), которые начинались с 1 сентября 312 года и длились по пятнадцать лет. Смысл их возникновения неизвестен. Писали: такой-то год такого-то индиктиона. Греки часто указывали только год внутри индиктиона, не указывая сам индиктион.

Часть IV

О лицах Св. Троицы. Александр и Арий

Александр Александрийский, первым вступивший в спор с Арием, описывал отношения между Отцом и Сыном как «полное подобие» двух разных ипостасей, то есть лиц. Речь здесь шла не о двух лицах одной природы — как, например, у людей две личности имеют одну природу, — а о двух ипостасных природах, подобных друг другу во всем. «Подобность друг другу» впоследствии была признана ересью, а для более точного определения троичного догмата использовано слово «единосущность» (что было бы неприемлемо для Александра Александрийского, который говорил о двух природах, то есть о двух сущностях) и измененное значение слова «ипостась», которая стала пониматься не как «природа», а как «лицо». Для Александра Александрийского и его современников «две ипостаси и одна природа» звучало как «две природы и одна природа», то есть нелепость, поскольку в их терминах «природа» и «ипостась» были одно и то же.

Почему Александр Александрийский считал, что природы две, а не одна? Потому что иначе получалось, что Сын ничем не отличается от Отца: если Сын «родился» из той же сущности, что существовала вечно, то фактически никогда и не рождался, потому что Его сущность всегда была. Что могло прибавить рождение Сына к природе безначального Отца? Ничего, поскольку природа Бога не может раздвоиться: если Он существовал изначально, значит, рождение Сына только фикция, еще одно имя того же Отца; Сын — тот же Отец, и сколько бы ни говорили, что первый рожден, а второй нерожден, рождение первого ничего не значит, если Он той же природы. Поэтому Александр Александрийский говорил, что Сын имеет другую ипостасную природу, но во всем подобен Отцу.

Ария такой подход не устраивал. Он считал, что, если Отец извечно и изначально рождает Сына, значит, и Сын — такой же вечный и безначальный Бог, как и Отец, и разделение Их происходит только на словах. Поэтому учение Александра Александрийского — скрытое савеллианство и монархизм, где

одного и того же Бога называют разными именами. По мнению Ария, если Сын рожден, значит, должно существовать некое с трудом мыслимое, но, во всяком случае, постулируемое «довременное» мгновение, когда Бога Слова еще не было и после которого Он был рожден. Если же не предположить такого зазора между Богом Отцом и Богом Сыном, то Они сливаются в одно.

Далее, если Отец не мог родить Сына из Своей же собственной природы — а никакой другой природы не существовало, — значит, Сын мог быть только творением, созданным по воле Отца как первая тварь и как посредник, через Которого был сотворен весь остальной мир. Арию это казалось гораздо более разумным и соответствующим вере, чем представлять Христа вторым Богом или какой-то гностической эманацией Отца, в которой изначальная природа подвергается дроблению на части. Позже Арий пошел еще дальше и объявил Иисуса таким же творением, как и все прочие люди, обычным человеком, который удостоился быть усыновленным Богом только за свои заслуги (на Его месте могли оказаться, например, апостолы Петр и Иоанн, если бы заслужили это больше Христа), и вообще отвел Сына от Отца так далеко, что между Ними оказалось уже очень мало общего.

Течения арианства

Как это обычно бывает с ересями, арианство, отпав от православной догмы, продолжало делиться дальше и дробиться на все более мелкие общества и секты. За свое недолгое существование оно успело породить несколько течений, отколовшихся от основной доктрины и создавших собственные школы. Среди них самыми важными были аномеи, акакиане и омиусиане.

Аномеи — от греческого слова «неподобие» — учили о том, что Сын не подобен Отцу. В отличие от большинства ариан, они вели себя строго и последовательно, не вступали ни в какие переговоры и сделки и до конца отстаивали свои взгляды, осуждая ариан за соглашательство и непоследовательность. Главными их вождями считались Аэций и Евномий. Аэций был беспокойным и деятельным человеком, всегда твердым в своих убеждениях и искусным в спорах. Епифаний Кипр-

ский писал, что «с утра до вечера он сидел над занятиями, стараясь составлять определения о Боге посредством геометрических фигур». В юности Аэций был очень беден и научился ремеслу ювелира и искусству врача, которые часто пригождались ему позже. Глава аномеев постоянно путешествовал, переезжая из города в город ради научных изысканий и для помощи бедствующим арианам, которых бесплатно лечил и снабжал средствами, вырученными от продажи своих ювелирных изделий. Одно время он был близок ко двору императора Юлиана, затем оказался в ссылке и жил в Сирии, где боролся с гностической сектой борборитов и манихеев. Вклад Аэция в арианство заключался в том, что он объявил Бога познаваемым для человеческого разума. Он полагал, что в природе Бога нет ничего непостижимого и человек так же знает Бога, как Бог знает Сам Себя. Аэций считал, что «рожденный» и «нерожденный» не могут обладать одной сущностью, и называл их «иносущными». В своих церковных проповедях он позволял себе шутить на эту тему, говоря, что у Бога Отца не могло быть Сына, потому что у Сына не было матери.

Его ученик Евномий разработал диалектическую систему Аэция, поставив вопрос так: как вообще возможно познавать Бога? По учению Евномия, каждой вещи в мире соответствует ее имя, но не то, которое дали ей люди, а настоящее, полностью выражающее ее суть. С помощью этих имен Бог и создавал мир: например, Он говорил «земля», и рождалась земля. Те же имена Он вложил нам в души, поэтому мы можем познавать вещи, нося в себе их родовые имена («софийные», как называл их Евномий). Но такие имена есть и для Бога, значит, мы способны познавать и Бога. Главное же имя Бога, которое выражает Его сущность, — «нерожденный». Ересь Евномия представляла еще большую опасность для ортодоксии, поскольку как философ и богослов он превосходил своего учителя. К тому же Евномий был настолько красноречив, что православные христиане, узнав, что с ним хочет встретиться император Феодосий, пришли в ужас: им едва удалось расстроить эту встречу.

Другим течением арианства были последователи Акакия Кесарийского, талантливого оратора и интригана, считавшего, что Сын подобен Отцу до «неразличения», но не подобен по сущности, то есть «неподобосущен». Наконец, омиусиане, или «подобосущники» (их также называли омиями и васили-

анами по имени их вождя Василия Анкирского), утверждали, что Сын подобосущен Отцу, то есть подобен во всем, в том числе и по сущности, но не единосущен. Отсюда оставался только один шаг до никейцев — Сын единосущен Отцу. Действительно, Афанасий Великий в конце концов уговорил омиусиан, что если Сын подобен по сущности, то и единосущен: не может же быть две абсолютно одинаковых сущности? Так позиции ариан и никейцев почти сошлись в одну точку.

Часть V

О лицах Св. Троицы. Василий Великий

В Никейском символе подчеркивалось единство Святой Троицы, но недостаточно отчетливо разъяснялось различие трех Лиц. Василий Великий исправил этот недостаток, введя понятие «триипостасности».

До него в богословии природа, сущность и ипостась означали фактически одно и то же. Поскольку природа Божества непостижима, выделить какое-то качественное различие внутри нее довольно трудно. О Лицах Святой Троицы вообще нельзя сказать ничего, кроме того, что Бог Отец не рожден, Бог Сын — рождается, а Святой Дух — исходит. Василий Великий, однако, сумел логически более четко разграничить Лица внутри одной сущности, подыскав для этого особый термин — ипостась. Свое понимание ипостаси Василий позаимствовал из неоплатонической философии Плотина, который писал, что Единое имеет одну сущность, но три ипостаси: само Единое, Ум и Душу мира, которые переходят друг в друга и отражаются одна в другой. Под ипостасью Василий Великий понимал частное и конкретное воплощение какого-то общего понятия. В письме своему брату Григорию Нисскому он писал, что если человек — это общее понятие, то Петр, Иоанн или Павел — его конкретные ипостаси.

Василий при этом считал, что ипостась нельзя отождествлять с лицом, потому что понятие «лицо» дает слишком слабое различие внутри Святой Троицы: может создаться впечатление, что одна и та же сущность просто принимает на себя в разных обстоятельствах разные «личины». Именно так ут-

верждал еретик Савеллий, у которого «лица» свободно перетекали друг в друга и не имели самостоятельного значения, то есть сливались в одном Боге. А ипостась подчеркивает реальность каждого Лица Святой Троицы, которые не могут «перетекать» и заменять друг друга. Бог Отец никогда не проявит Себя как Сын, Дух — как Отец и т. д.

Правда, как раз такое подчеркивание самостоятельности ипостасей создавало опасность другого крена — в сторону разделения Лиц на три самостоятельные сущности, то есть появления трех Богов вместо одного. В рамках этих колебаний, собственно, и велась вся полемика вокруг Троичного догмата. Для устранения этой опасности Василий Великий вдавался в тонкие рассуждения о различии «численного» и «сущностного» понимания Бога. Из них следовало, что число «три» вводится скорее для логической ясности, потому что на самом деле внутри Бога ничего нельзя считать: сам счет уже вторичен по отношению к Богу, природа Бога превосходит всякие представления о счете, о Троичности Бога мы знаем не потому, что умеем считать и различать 1 и 3, а только потому, что об этом сказано через откровение Самого Бога в Св. Писании, где говорится, что Бог — это Отец, Сын и Св. Дух. В исчислении тварных вещей «три» есть разделение на три единицы, но в Боге это не так: Бог представляет Собой неразделенное и непостижимое «триединство», сплошное триединое бытие Божества, в отношении которого все наши определения имеют смысл только логического и психологического удобства.

Формула Василия Великого ничего, по сути, не решала — непостижимое оставалось непостижимым, — зато давала удобный терминологический аппарат, который позволял придерживаться некой умозрительной середины, где Божество могло существовать в тройственной форме, не распадаясь на три самостоятельных Лица и в то же время не сливаясь в неразличимое единство. Задача богослова состояла не в том, чтобы понять, как Бог может существовать в трех Лицах, а в том, чтобы подобрать логику и терминологию богословия к уже данной в откровении истине и сделать это наиболее убедительным и достоверным способом, который мог бы убедить всех. Формула Василия Великого не принесла ничего нового в понимание Бога, но показала, что можно достаточно ясно и логично сформулировать то внерациональное и неподвластное разуму понимание Божества, которого требовала вера.

Конечно, при желании можно было легко придаться к определениям Василия Великого, обвинив его в проповеди троебожия, — и такие обвинения действительно сразу прозвучали. Но в конечном счете эти достаточно формальные и искусственные, по его собственному признанию, рассуждения каппадокийского богослова устроили всех, поскольку нельзя было более точно определить неопределимое, как это сделал он. Троиный Бог Василия стал непостижимостью, закованной в точную логическую формулу.

Александрийцы и антиохийцы: борьба продолжается

Несторианское течение возникло как антиохийский ответ аполлинаризму. Антиохийские богословы всегда настаивали на реальности и полноценности человека во Христе. Они как огня боялись всяких александрийских аллегорий и абстрактных допущений об умалении человека в Боге, о призрачности, недостаточности его присутствия в Богочеловеке и тому подобном. То, что человек весь, целиком находится в Боге, было для них неколебимой истиной. Поэтому аполлинаризм был им глубоко чужд, как и вся манера отвлеченных рассуждений и игры понятиями вроде «сущность» или «природа». С точки зрения антиохийцев, нет природы вообще, она всегда воплощена во что-то конкретное. Нет людей вообще, есть только конкретные личности. Ипостась — это и есть природа, воплощенная в реальную живую личность. Вся природа ипостасна, то есть не витает где-то в абстракции, а представлена тем или иным конкретным лицом, Николаем или Петром. Отсюда четкий вывод: если во Христе две природы, значит, и два лица. Но — и в этом заключался нюанс, который привел к расколу, — два лица, таинственным и непостижимым образом соединенных в одно. Последнее обстоятельство (одно Лицо в Богочеловеке) антиохийцы принимали как факт, основанный на вере и предании и следующий скорей от откровения, чем от разума. Они в него верили и признавали, но из их рассуждений это никак не следовало. Поэтому они и говорили о соединении двух природ туманно и неубедительно, в самых неясных терминах: соприкасание, соприкосновение, — зато их разделение определяли ясно и четко. Получался некоторый перегиб в пользу разделенности Бога и человека во Христе, их

принципиальной разведенности: Бог, например, не мог страдать и умереть, так же как и не мог родиться. Поэтому сначала Феодор Мопсуестский, а потом и его ученик Несторий говорили, что нельзя Деву Марию называть Богородицей, ведь Она не могла родить Бога, правильней говорить — Человеко-родица. То, что в литургии Ее именуют Богородицей, не следует понимать прямо: Она Богородица, потому что родила человека, в котором был Бог.

Александрийцы, исходя из те же предпосылок, делали прямо противоположные выводы. Нельзя разделять во Христе Бога и человека, они с самого начала были одно и действовали как одно. У Христа одно лицо, одна ипостась. Одна ипостась — одна природа. Именно так говорил св. Кирилл Александрийский, хотя подразумевал все-таки две природы, действующих в нераздельном единстве. Несторий же говорил о двух лицах, подразумевая, однако, одно, таинственно их соединившее. Еретичество александрийцев, впавших в откровенное монофизитство, можно коротко выразить словами «одна природа». Еретичество антиохийцев в лице плохо понятого Нестория — словами «два лица». Если бы на Эфесском соборе отцы добросовестно рассмотрели обе доктрины, то, возможно, смогли бы достичь примирения и избежать раскола. Тем более что Церковь так никогда и не объяснила, как у двух природ может быть одна ипостась: этот догмат просто постулировался как единственно спасительный, но недоступный человеческому разумению. Однако под влиянием александрийцев, желавших восторжествовать над Антиохией, и при содействии государственной власти, заботившейся о единстве веры, несторианство было осуждено и разгромлено, а вместе с ним — и вся антиохийская школа.

Кирилл и Несторий

Как и положено представителям своих школ, из будущей догматической формулы о «неслиянности» и «нераздельности» природ антиохиец Несторий настаивал на неслиянности, а Кирилл Александрийский — на нераздельности. Разница в учениях между Несторием и Кириллом Александрийским была в акцентах (как между евстафианами и мелетианами: первые подчеркивали единство Троицы, а вторые — Его тро-

ичность). Несторий подчеркивал разницу природ в Богочеловеке, не отрицая при этом их единства, то есть скорее разделял. Кирилл настаивал на единстве Богочеловека, подразумевая при этом различие двух природ, то есть скорее соединял. В их взглядах было гораздо больше сходного, чем отличного, но разница в терминологии, в общей тенденции, взаимная неприязнь и запальчивость — особенно со стороны Кирилла — привели к резкому разрыву.

Спор разгорелся из-за слова «Богородица». Несторий не представлял, как Дева Мария могла родить Богочеловека не только по человеческой, но и по божественной природе. Он считал, что рождение относилось только к человеческой стороне Христа, поэтому Деву Марию правильной называть Христородицей. Несторий также удивлялся, как можно думать, что на кресте страдала и Богочеловеческая часть Христа. Божество, будучи по природе бесстрастным, не могло участвовать в Его страданиях. Поэтому надо различать в Богочеловеке действия по человеческой природе и действия по божественной, не смешивая их друг с другом. При этом Несторий не оспаривал единство Богочеловека-Христа, он лишь предлагал различать, что в Нем от человека, а что — от Бога.

Кирилл, наоборот, всячески старался подчеркнуть, что Бог-Слово и человек Христос — одно. Рождается не Христос, а Богочеловек, и страдает тоже весь Богочеловек, а не одна человеческая природа. Бог-Христос отвечает и за все человеческое, а не только за божественное. Бог-Слово не мог стоять в стороне и смотреть на страдания человека Христа, потому что они были нераздельным целым. Но природа Бога не может страдать. Отсюда появилось парадоксальное выражение — Бог страдал, но бесстрастно. Нераздельность человеческого и божественного в Иисусе Кирилл определял термином «единая природа», *моно физис*, хотя сам он понимал под этим просто полное и нераздельное единение двух природ, а не существование одной природы. Но его слова легко можно было истолковать в монофизитском духе, что потом и сделали его последователи.

Несторий боялся потерять человека во Христе, а Кирилл боялся отделить человека от Бога. Поэтому Христос у него был больше Бог, а у Нестория — больше человек. По представлению Кирилла, вопрос о разделении действий Христа на чело-

веческие и божественные не имел смысла, поскольку Иисус всегда один и всегда Богочеловек, что бы он ни делал.

Поясняя свою позицию, Несторий говорил, что человек состоит из души и тела, но когда его убивают, то убивают только тело, а не душу, поскольку душа бессмертна. Однако убийц называют человекоубийцами, потому что в понятие «человека» входит и тело, хотя точнее было бы называть их телоубийцами. То же самое и с Богом — во Христе страдала только человеческая часть, но говорят, что страдал весь Бог, потому что Бог включал в себя и человеческое. Кирилл на это возражал, что человекоубийцами называть правильной, потому что человек — единое целое и убивают всегда человека, а не только тело. И так же всегда страдает весь Бог, а не только его человеческая природа.

Богословие Августина

Богословская деятельность Августина не ограничивалась спорами и борьбой с пелагианством. Он сражался со всеми современными ему врагами православия: манихеями, донатистами, омиями, циркумцеллионами — и участвовал в многочисленных соборах и диспутах, где требовались его знания и авторитет. Августину на Западе пришлось чуть ли не в одиночку решать все те вопросы, над которыми на Востоке трудились десятки крупных богословов. За свою жизнь он написал множество книг, затрагивавших все основные темы христианской веры, от церковных таинств до природы Святой Троицы. Во всех этих вопросах Августин высказывал оригинальные идеи, часто расходившиеся с мнением греческих отцов.

Отношение Августина к государству было не только отличным, но и прямо противоположно восточному. На Востоке в монархии и Церкви видели равноправных партнеров и союзников: это были две «Божьих руки», делавших одно и то же дело. Но на Западе, где в V веке уже не было сильной светской власти, такой союз был невозможен. После захвата Рима варварами Августин создал свой главный труд «О граде Божьем», в котором утверждал, что всякая земная власть основана на «любви к себе» и по сути своей обречена. Государство и Церковь не сотрудничают, а борются друг с другом как два принципиально разных устройства мира, две силы и два

начала, движущие человеческим обществом. Если первый путь ведет к Творцу и приобщению к Нему святых, то второй — к наслаждению земными благами и в конечном счете — к самообожествлению человека. Государство может только временно нести в себе пользу, как оплот закона и порядка, организующих падшее человечество. Это неизбежный посредник, вынужденное зло, которое терпят до поры до времени, пока оно беспрекословно подчиняется Церкви и служит ее целям. Людям нужно строить не земной, временный и обреченный град, а Град Небесный, воплощенный в христианской Церкви.

В вопросе о Троичном символе Августин тоже придерживался особой позиции. Рассуждая о Святой Троице, он отказывался принимать никейскую формулу «одна сущность, три ипостаси», объясняя это разницей в греческом и латинском языках. По-латыни она звучала как «одна сущность (*essentia*), три субстанции (*substantia*)», но в латинском языке «сущность» означало то же, что «субстанция», поэтому на Западе предпочитали говорить «одна *essentia* или *substantia* и три Лица». Если вспомнить, какая путаница царилла вокруг этих терминов в восточном богословии, можно только позавидовать Августину, почти не имевшему оппонентов по этому вопросу.

По поводу церковных таинств Августин высказывался с метафоричной образностью и наглядностью. Церковь — это тело, в котором живет Св. Дух. Когда дух покидает чье-то тело, оно умирает; но пока в теле есть дух, все члены тела живы, даже если больны и страдают. Однако стоит члену оторваться от тела, как он становится мертвым, потому что лишился приобщенности к духу. Еретик, отделившийся от Церкви, это как отрезанный палец: что с ним ни делай, он мертв, хотя и сохраняет внешне форму живого органа. Поэтому и церковные таинства для еретика бесполезны, сколько бы он их ни совершал: не потому, что Бог не дает ему благодать, а потому, что, будучи мертв и отделен от Духа, он не может ее принять. Ведь таинства не материальны, а духовны, они есть лишь там, где есть Дух. Это не мешает еретика быть посредником для благодати, изливающейся на того, кто приобщен к Св. Духу, а значит, и к живому телу Церкви. Поэтому таинства еретиков действительны, если их принимает православный, а не еретик.

Свои взгляды на назначение человека и его соотношение с Божественной благодатью Августин выразил в своем позд-

нем труде «Энхиридион Лаврентию». Здесь он приходил к выводу, что путь человека предопределен изначально и никакие усилия не могут изменить его посмертной участи. Богу на самом деле безразличны добродетель праведников и порочность грешников, потому что Он бесстрастен: конечно, Он «желает спасения всех людей», но желает этого для них, а не для Себя. Если бы Бог захотел, то мог бы всех людей сделать добрыми и неспособными грешить: это было бы замечательно, но нет ничего дурного и в том, что Он допускает злых для вразумления добрых. Получалось, что злые сами виноваты в том, что они злые, и наказываются по справедливости (а справедливость есть благо), тогда как добрые не имеют заслуги в своем добре: они добры только потому, что Бог этого захотел, и спасаются не по заслугам и не ради своих добрых дел, а по милосердию и благодати.

Августин считал, что даже новорожденные младенцы, если они не успели креститься, будут осуждены на вечные муки и отправятся в ад. Это печально, но неизбежно, потому что первородный грех передается от родителей через плоть и заражает воплощающуюся в нее безгрешную душу, которая может победить эту заразу только своим благочестием, дарованным от Бога через благодать. Благодать же дается Господом через крещение, как противоядие от плотской заразы греха. Если младенец умер некрещеным, значит, Бог предвидел, что в будущем он вел бы неправедную и порочную жизнь, несмотря на крещение. Вообще, каждый человек будет судим не только за совершенные им поступки, но и за те, которые он мог бы совершить, если бы прожил очень долгую жизнь. Поэтому, даже если человек умер в возрасте трех дней крещеным и сразу после крещения, не успев ни в чем согрешить, это еще не значит, что он будет спасен: ибо одному Богу известно, как он мог бы согрешить в дальнейшем.

Некоторые из вопросов, поднятых Августином, в его эпоху не рассматривались никем, кроме него. В их числе был вопрос о природе времени, который философы и богословы почти не затрагивали со времен элейцев и Аристотеля. Августин очень увлекался этой темой, говоря, что хорошо понимает, что такое время, но только до тех пор, пока об этом не задумывается. Время настолько парадоксальное понятие, что, рассуждая логически, можно прийти к выводу, что его вообще не существует: прошлого уже нет, будущего еще нет, а насто-

ящее мгновенно исчезает, превращаясь в прошлое. Августин сделал заключение, что время существует только в сознании человека, как средство измерения впечатлений, поэтому оно всегда находится в настоящем: нет ни прошлого, ни будущего, а только настоящее прошедшего и настоящее будущего. Августин видел в этом свидетельство зыбкости и иллюзорности мира, которому он противопоставлял вечное и неизменное существование Бога.

Предисловие	5
Часть I. Как и почему возникла Церковь	
Глава первая. Новая коллегия.	9
Глава вторая. Четыре путешествия Павла.	22
Глава третья. Жизнь ранних христиан.	45
Часть II. Кровь мучеников — семена Церкви	
Глава первая. Империя против Церкви	70
Глава вторая. Мученики и императоры	85
Глава третья. Императоры и мученики	104
Часть III. Рождение богословия и первые ереси	
Глава первая. Мыслящее христианство	115
Глава вторая. Гностицизм	136
Глава третья. Центробежная Церковь	147
Часть IV. Как императоры стали христианами, или Церковь торжествующая	
Глава первая. Константин	165
Глава вторая. Первый Вселенский собор	175
Глава третья. Констанций и Юлиан	188
Часть V. Пшеницы и плевелы	
Глава первая. Расцвет богословия и новая волна ересей	199
Глава вторая. Несторианский раскол	221
Глава третья. Запад в V–VI веках	232
<i>Приложение.</i>	247

Соколов В.

С59 Занимательная история Древней Церкви. От гонений к триумфу / Владимир Соколов. — М. : Ломоносовъ. — 2018. — 280 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-431-2

В церковной истории духовные прозрения легко уживаются с мелочами быта, нравственные подвиги соседствуют с фанатичным изуверством, жестокие войны — с диспутами мудрецов. В ней без труда можно найти элементы трагедии и фарса, детектива и судебной хроники, волшебной сказки и даже скабрёзного романа. Для одних она ценный источник сведений о прошлом, для других — сокровищница глубоких прозрений о сути человеческой природы. Историк и писатель Владимир Соколов поставил перед собой задачу популярно изложить церковную историю, основываясь исключительно на надёжных источниках и во взаимосвязи с мирскими событиями. Дворцовые перевороты, любовные интриги императоров, массовое стремление христиан к мученичеству, нашествия варваров, вселенские соборы, гражданские войны, ереси, выборы патриархов — все это течёт единым бурным потоком, в котором христианство, начавшее со скромных всеми гонимых общин, постепенно одолевает остальные религии и проникает в плоть и кровь государства.

УДК 27

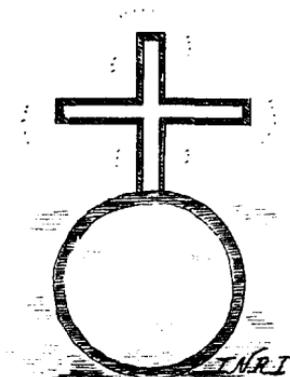
ББК 63.3(0)32

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Владимир Соколов

Занимательная история
Древней Церкви
От гонений к триумфу

Редактор Т. Климова
Верстка А. Петрова
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 05.02.2018.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 17,5

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано:
Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 495 221-89-80

Владимир
Соколов
Занимательная
история
Древней
Церкви

В церковной истории духовные прозрения легко уживаются с мелочами быта, нравственные подвиги соседствуют с фанатичным изуверством, жестокие войны — с диспутами мудрецов. В ней без труда можно найти элементы трагедии и фарса, детектива и судебной хроники, волшебной сказки и даже скабрёзного романа. Для одних она ценный источник сведений о прошлом, для других — сокровищница глубоких прозрений о сути человеческой природы. Историк и писатель Владимир Соколов поставил перед собой задачу популярно изложить церковную историю, основываясь исключительно на надежных источниках и во взаимосвязи с мирскими событиями. Дворцовые перевороты, любовные интриги императоров, массовое стремление христиан к мученичеству, нашествия варваров, вселенские соборы, гражданские войны, ереси, выборы патриархов — все это течет единым бурным потоком, в котором христианство, начавшее со скромных всеми гонимых общин, постепенно одолевает остальные религии и проникает в плоть и кровь государства.

ISBN 978-5-91678-431-2

9 785916 784312